

ТИХИЙ ЛЕС

Артем Рудник

Охотник не помнит, как он оказался в бесконечном аномальном лесу и живёт только для того, чтобы сбежать за его пределы. Но в этом месте за всё надо платить слишком высокую цену. Особенно, когда смерть идёт за тобой по пятам, прямиком из туманного и ужасного прошлого.

Гремучая смесь из экшена, тёмного фэнтези, ужасов и психологического триллера.

Незванный гость — Вторжение

— Ах, — сказала мышь, — мир становится тесней с каждым днём. Сначала он был так широк, что мне делалось страшно, я бежала дальше и была счастлива, что наконец вижу вдали стены справа и слева, но эти длинные стены так спешат сойтись, что я уже в последней комнате, а там в углу стоит ловушка, куда я уйду. — Тебе надо только изменить направление, — сказала кошка и съела её. Франц Кафка, "Басенка"

Сказание первое — Знакомство с Тихим Лесом

Я ничего не помню. Ни то, как меня звали. Ни то, кем я был. Ни то, что привело меня в это место. Вместо воспоминаний в моём сознании только ужасающая, бездонная тьма, пожирающая последнюю надежду обрести самого себя в здравом уме. Сколько бы я не силился заглянуть за непроницаемый занавес памяти, сколько бы не пытался напрямч своё текущее сознание, ничего не выходит. И это пугает, как пугает всякая неизвестность.

Однако, то единственное воспоминание, что до сей поры сохранилось в моей черепной коробке, кажется ещё более страшным. Даже более того, когда я возвращаюсь к нему, мою голову пробивает острая боль, словно изнутри её пронзает невидимый нож. Это очень нечёткая картинка смыкающихся ветвей, перекрывающих солнечный свет.

Не знаю, почему мысль о них так болезненно отдаётся в моей голове. Но, по крайней мере, именно благодаря этим смыкающимся веткам, я точно знаю, что пришёл в этот Лес, а не был рождён им. И вот теперь, по инерции, бреду среди затенённых полян и исполинских стволов, абсолютно не понимая куда и зачем.

За то, мне кристально ясно, что этот лес в абсолюте своём аномален и чудовищен. Ибо местные деревья явно не безмолвны, как то должно быть с растениями. Они шепчут, очень тихо, проникая в самую черепушку. И зовут, настойчиво приглашают объединиться с ними, перейти под защиту их коры, за которой не смогут достать опасности этого леса.

Но меня так просто не взять! Я видел, что бывает, если довериться деревьям. Мне встречались поваленные стволы, в сердцевинах которых, словно бы выросли, несчастные человеческие фигуры. Может, все эти похожие на людей образы в древесной плоти, всего лишь отражение душ растений? Или сами деревья ранее были такими же путниками как я, но в один момент погибли и были воскрешены Лесом в новой форме?

У меня нет никакого желания пытаться найти ответы на эти вопросы. Очевидно, что если начинать рыться в тайнах сего места, то можно легко сойти с ума. Правда, я не уверен, что сам сейчас нахожусь в здравом уме. Могут ли эти роци быть всего лишь фантомом моего воспалённого сознания?

Нет, точно нет! Они слишком реальны. И если уж кто и является фантомом, то это я. Ибо не имея воспоминаний, я не могу с уверенностью заявлять, что являюсь личностью и вообще существовал до прибытия в лесной чертог. Может всё, что со мной происходит, это всего лишь одна большая лесная аномалия? И я просто исчезну, как только она закончится?

"Лес дышит чужими воспоминаниями"

В пользу этой версии, говорит то, что местные обитатели реагируют на меня слишком спокойно. Вот например странное гуманоидное существо, покрытое чёрной, свалывшейся шерстью, с крючковатыми конечностями и длинными ушами, абсолютно не обращает на меня внимания. Хотя, мы и хрустим сухим мхом в унисон, долгие и долгие часы, странный зверь ни разу даже не посмотрел в мою сторону.

— Мне незачем на тебя смотреть, мой человеческий брат, я и без этого вижу всё, что мне нужно. — внезапно оборвало мои мысли существо, — И никакое я не «существо», да будет тебе известно, что я благородный обитатель Тихого леса, Заяц, один из многих.

В моей голове зажужжал рой вопросов, я даже не сразу сообразил, что зверь обращался именно ко мне. Ибо он, как ни в чём не бывало, спокойно продолжал двигаться вперёд. Заяц? Я не уверен, откуда я имею знания о том, как выглядят обычные зайцы, но точно могу сказать, что эти существа не являются трёхметровыми страшилищами, ходящими на двух ногах, вооружёнными двумя рядами острых зубов.

— Как нетактично! Сколько оскорблений! Чтобы ты знал, некоторые местные растения поймать куда сложнее, чем вёрткую лань. И я уже молчу про то, что их потом надо ещё и побороть. Так что лес приспособил меня к подобной охоте. Да и вообще, из лесных зверей, я ещё один из самых милостивых.

Я остановился. Неожиданный собеседник также встал на месте и повернулся ко мне, озирая меня с ног до головы тремя своими глазами, один из которых находился в одной орбите с правым, из-за чего казалось, что тот раздвоился.

— Ты что же, можешь слышать мои мысли?

— В Лесу ты не можешь утаить своих намерений, если не имеешь шерсти. Поэтому нагие редко выживают здесь долго. Жаль мне такое говорить, брат, но скорее всего ты умрёшь и очень скоро.

— Что? Умру? Почему?

— Потому что звери, любящие живую плоть уже взяли твой след. Не пытайся бежать, ибо теперь твоя с ними встреча неизбежна. Ты пахнешь болью, пахнешь благородством и преданностью, такой запах нигде не утаить.

— И что же, ничего нельзя сделать?

— Конечно, ибо Лес закрепил за тобой роль жертвы, а хищники очень уж любят лакомиться гладкокожими. Тебе ещё повезло, что мой род травояден и я не желаю попробовать твоего мяса. Я конечно мог бы, но твоя судьба не в моей власти. Хотя сильно не обольщайся, встреча со мной тоже опасна, ибо если меня вдруг поймают волки, лисы или не дай бог, охотники, то я расскажу им о тебе, чтобы спасти свою шкуру. Благо, местная пища им приелась.

— Вот так просто расскажешь? Ты же говорил, что тебе меня жаль.

— Действительно жаль, братец, но своя душа, всяко дороже души проходимца. Да и Лес меня наградит, если я направлю на тебя волчьи пасти или охотничий нож.

— Но почему?

— Ты же ничего не помнишь, верно? Так бывает с теми, кто пришёл в чащу сохраняя человеческий рассудок. Может, если ты переживёшь встречу с волком или лисой, деревья простят тебя и подарят шерсть, позволив остаться здесь навсегда.

— Но я не хочу здесь оставаться! Можно, вместо этого уйти отсюда?

— Когда обростешь, то сможешь покинуть лес. Но не захочешь этого, пока ещё никто не захотел...

Он прервался, резко глянув куда-то в сторону и наострив свои уши.

— Кажется... Точно! Лиса идёт напрямик сюда. Слушай брат, и слушай очень внимательно! Не ведись на лисий облик! Не верь картинам своего прошлого! И самое главное, не верь ни единому слову лис, они все говорят лишь половину правды! Если последуешь моим советам, может и переживёшь эту встречу. А я побежал, пока меня самого

не затянуло в сети.

Прежде, чем я успел спросить, что же всё-таки значит: «не вестись на облик Лисы», Заяц удрал в неизвестном направлении. А я остался стоять в гордом одиночестве посреди чащи, под баюкающий шёпот деревьев. Правда, вскоре он набирал обороты и становился всё громче, превращаясь... в песню?

"Лес поёт и каждый, кто слышит его голос — становится его частью"

Точно, это было пение, что-то вроде горлового запева языческого жреца далёких степей. И запев этот стал сопровождаться аккомпанементом из неведь откуда взявшихся инструментов: цимбал, бубнов, флейт и органа. Вся эта какофония создавала до ужаса гипнотизирующую атмосферу. А потом из сей атмосферы выплыла она...

Прекрасная дева, обнажённая, дикая, вышла из-за деревьев. Изукрашенная ритуальными узорами, нанесёнными не то кровью, не то краской, Лиса кружилась в безумном, первобытном танце. Двигаясь то соблазнительно плавно, то неестественно резко, она, держа дистанцию, кружилась вокруг того места где в оцепенении стоял я. Не касаясь босыми ногами земли прекрасное создание вылетало то из-за одного дерева, то из-за совсем другого, медленно, но верно приближаясь ко мне.

«Не ведись на облик! Не ведись на облик!» — повторял я про себя, стараясь не вовлечься в это странное представление. Но, она всё равно подобралась ко мне на расстояние одного шага, сначала привычно кружившись вокруг, а затем вдруг остановившись прямо перед моим лицом. Лисья красота была неопикуемой, при одном взгляде на неё у меня наворачивались слёзы. Она же протянула к моему лицу свою белоснежную руку и нежно провела по подбородку...

Внезапно показав свой истинный лик. Резкий крик, прервавший гипнотическую музыку. Чудовище возникшее в одном шаге, столь быстро промелькнуло перед глазами, что я не успел разглядеть ни одной детали. Но может это было и к лучшему, ибо неопикуемый ужас от этого наваждения заставил меня отпрыгнуть назад на пару метров. Не рассчитав этот манёвр я запнулся о торчащий корень и рухнул наземь.

"Лес и его обитатели наводят блаженный морок"

Когда я опомнился и поднялся на ноги, готовый уже бежать со всех ног прочь, я обнаружил себя не в гуще чащи, а в скромном охотничьем домике, сидящим за дубовым столом, испещрённым множеством порезов.

У единственного входа в сей, однокомнатный домишко стояло двое мужчин. Один молодой и подтянутый, смутно знакомый мне внешне. Второй же напротив был сухим и тощим стариком в потрёпанном пальто.

Сначала заговорил тот, что был старше:

— Втроем идти опасно, особенно студентикам вроде вас. Так что, если хотите, чтобы я отвёл вас к лесу, придётся идти поодиночке, как того требует лес.

— Если вы так говорите, то пожалуй так действительно будет лучше. — ответил ему тот, что был помоложе, — Но никакие мы не «студентики», да будет вам известно, что я благородный искатель правды, один из многих.

— Ох, молодёжь... И не сидится вам по домам! Всё бы по диким лесам скакать...

— Да идите уже, пан лесничий. Приготовьте всё к походу, а мы вам сейчас организуем обещанные пару коробок, полных бутылок с горячительным зельем.

— Ладно-ладно. Всё это ваши дела. Главное коробочки залогом оставьте...

— А ты с таким залогом в состоянии будешь нас довести?

— Так кто же такие объёмы в одиночку лакает. Это я для себя и старого товарища, на пару попросил. Раньше нас целая компания была, но остальные были из деревень в лесной чаще. А потому, после «События» о них ни слухом, ни духом. В общем, я заговорился. Давайте, отдохните перед переходом за кордон.

Произнеся последние слова, дед вышел из хижины и закрыл за собой дверь. Я остался один на один с молодым мужчиной, который тут же заговорил со мной:

— Я же говорил, что будет просто договориться. Сей лесничий за пару чекушек проведёт нас хоть напрямиком на луну.

— Ты уверен, что это будет безопасно? — спросил я, абсолютно не властвуя над речевым аппаратом и словно бы произнося давно заученную реплику.

— Да не беспокойся ты! Глянем, что там военные скрывают и сразу назад. Главное, запомни, брат, если я не вернусь через пару суток, то ни в коем случае не иди меня искать. Лучше сразу отправляйся в СМИ или ещё куда, где можно будет придать огласке моё исчезновение на военном объекте. Только, без геройства, братец.

— Исчезнешь? Как те деревушки? Ты меня только накручиваешь! И я уже начинаю верить в разумность установки охраны по всему периметру этой таинственной рощи.

— А вот не стоит так просто верить правительству. То у них в этом лесу радиоактивные осадки осели, то самолёт военный упал. Они даже чёткую версию «События» придумать не могут. Двадцать лет они пытаются отвести пытливые взгляды от этой чёртовой лесополосы. Но сегодня, сегодня мы узнаем всё и о пропавших деревьях, и о странной активности вокруг леса, и об их таинственной «Зоне Мир»...

Не договорив предложение, мужчина растворился в воздухе вместе с хижинкой. Теперь перед моими глазами предстало совсем иное видение. Мой клон, а может и я настоящий, стоял предо мной во всей красе, только совсем маленький. В этом мальчике лет десяти, я легко узнавал себя по шрамам и ушибам.

Вот, например, я полез за братом на дерево и поцарапал обе коленки. Потом, с этого чёртового бука у меня ещё и не получилось спуститься. Старшой побежал за отцом и тот, позже затаскал меня за уши. Вот же, прямо на ушах остались покраснения. А вот, чуть ниже расшибленный подбородок, до сих пор могу почувствовать шрам на своей сухой коже. Правда, тут я уже не могу вспомнить, как его получил. Но это точно было связано со страшим братом.

"В Лесу выживает сильнейший. Благородство и преданность слабость домашних зверей."

Старший брат... Старший брат... А ведь мы с ним были не разлей вода. Я готов был шагать вслед за ним и в огонь, и в воду. Вот кстати, у мальчика большой ожог на плече, это мне прижгли друзья братишки, в качестве «ритуала посвящения во взрослую жизнь». Правда у них самих ожогов я не наблюдал. Чёрт! Каким же мелким идиотом я тогда был...

Но что это? Вот, в глазах моего маленького двойника? Это Лес? Точно, я видел в глазах дитя дебри и в то же время чувствовал шевеление корней внутри своей собственной головы. Кажется деревья решили прибрать меня к себе и начали процесс поглощения. Почему я понимаю, что это именно «поглощение»? Какая разница? Возможно, именно в деревьях единственная возможность спастись. Скрыться за их толстой шкурой и уснуть в вечном симбиозе, кажется мне... идеальным концом бытия. Иди сюда, мой маленький двойник, я обниму тебя и приму твой скромный дар лесной бесконечности!

Но прежде чем я успел сделать хоть шаг в сторону своего клона, как того внезапно, со

спины, пронзил клинок, вернув мне ощущение реальности. На месте маленького меня сначала осело обнажённое тело девы, которое через пару мгновений превратилось в настоящую тушу трёхметрового зверя с искажённой мордой. «Никогда не верь обличью Лисы и её видениям!»

Спаситель мой, имел на удивление человеческий вид. Это был прекрасно сложенный и довольно милостивый юноша в длинном пальто, вооружённый изящным клинком. Плюнув в сторону тела, что ещё недавно было живым, он грубым голосом произнёс:

— Тьфу! И это мои бывшие сородичи... Смотреть противно.

— Ты... Ты... Спас меня... — еле ворочая языком вымолвил я.

— Ну... Вроде того. Скорее отобрал добычу у более слабого соперника. К слову, приятно познакомиться, мяско, меня звать Охотник.

— Так ты не человек?

— Ха! Правда похож да? До ужаса удобная маскировка для обмана бесшёрстных, вроде тебя. Вон, даже дикие лисы додумались косить под вашу братию, лишь бы выжить. — парень презрительно зыркнул в сторону огромной туши, а затем добавил, — Но, як гласят два простых правила леса: «Уважай деревья» и «Ешь или будешь съеден». А потому, мне просто необходимо увидеть твоё превращение.

— Превра... Превращение?

— Ты же уже почувствовал их, верно? Корни, что проникают в голову, превращая мозг в кашу, а тело в машину для убийств? Так вот, я тоже мог бы через это пройти, если бы не приносил лесу жертвы в виде дурачков, вроде тебя, чтобы он позволил сохранить мне здоровый ум и спокойно жить в чаще, не опасаясь гнева природы. Но, может, если твоё превращение пойдёт по иному пути, вроде тех бедолаг, что стали лесными хряками, химерами и прочими необычными тварями. Я сделаю из тебя свой охотничий трофей. Ну или, если будет настроение продам на грибном рынке. Ну или ещё чего придумаю, но тебе надо ещё интересным образом мутировать. А тут уж везёт не многим.

Он приставил к моему горлу окровавленное остриё своего клинка и добавил:

— Сядь к тому дереву, — Лис указал на ближайший ствол, — я обвяжу тебя цепью и понаблюдаю, что из тебя выйдет.

Понимая, что сопротивляться бессмысленно и смирившись со своей судьбой ещё с первого шага по сухому мху, я послушно сел спиной к жёсткой коре. Охотник выудил откуда-то из-под пальто цепь и обвязал ей моё обессиленное тело. Разум начал проваливаться в сон. Я знал, что если я усну, то скорее всего уже никогда не проснусь, тем не менее, я просто не мог сопротивляться порыву усталости и постепенно смыкал свои свинцовые веки... Корни всё глубже проникали в сознание... Лес дарит силу обездоленным, если те способны её взять...

Охотник — Охотничьи обычаи

Тихий лес — аномальная зона, из которой нет выхода. Она коварна, опасна и загадочна. Даже для тех, кто давным-давно обустроил свой быт и не сошёл с ума от ЗОВА корней.

Конечно, если ты следуешь определённым правилам, стараешься держаться своей братии и лишней раз не показываешь носа из своей норы, то можешь прожить не один век под сводами ветвей.

Но всё же лесная чаща полна опасностей, от которых не спасут подобные предосторожности. Чудовища, вид которых сложно вообразить. Хвори, превращающие существ в деревья. Движение мха, что порой меняет лесной ландшафт до неузнаваемости. И это только сотая доля всех возможных проблем, что поджидают местных.

Я предпочитаю быть частью этих опасностей, а не их жертвой. Будь ты разумным или диким зверем, или и вовсе заплутавшим в чаще бесщёрстным пришельцем, тебе всё равно не избежать встречи с моим клинком. Ибо законы природы на стороне тех, кто умеет лучше всего приспособливаться под обстоятельства. Я приспособился и стал Охотником.

Так меня называют, хоть это и не моё настоящее имя. В лесу ни у кого нет имён, только прозвища.

И я своё оправдываю. Вот очередной дикий зверь, брыкается и пытается вырваться из моих рук. Но уже пара секунд и он перестаёт сопротивляться. Теперь я владелец трёхметровой гуманоидной туши кролика. Её надо продать, но прежде необходимо соблюсти охотничий ритуал.

Как мне кажется, в любую эпоху, за пределами Тихого леса, ловцы зверей уважали богов чащи и делали им подношения. Это вполне нормальная практика: благодарить тех, кто тебя кормит. Обычно благодарностью являлась часть добычи, что являлось погашением части долга лесным владыкам.

Окончательно долг закрывался, когда охотник отживал свой век и приходил умирать в чащу. Тело доставалось зверям и деревьям, жизнь замыкалась в кольцо.

В нашем, аномальном лесу, всё точно также. Только за несоблюдение правил приходится отвечать головой. Я не хочу её терять и потому отрезаю лапу от своей добычи.

Далее мой путь лежит в одно из Святилищ. Лес бесконечен, а потому эти странные, святые места появляются сами собой. В том числе, после того, как завершилась охота. Я почти сразу набрёл на одно такое.

Исписанные странными глифами, голые, будто сгоревшие, мёртвые деревья расходились в сторону от огромной фигуры в центре. Двадцатиметровый колосс, в равной степени состоящий из мяса и дерева, был одним из живых воплощений Тихого леса.

Пусть он был огромен, но всё же не дотягивал и до половины высоты местных деревьев. К тому же, его лик всегда был скрыт в тени вьющихся в вышине ветвей. А потому истинный вид этой махины, вряд ли видел хоть кто-то в лесу. Хоть кто-то до сих пор живой.

От дородного тела отходили четыре огромных руки. В их ладонях я мог бы легко поместиться целиком. Поэтому меня всегда слегка мутило, когда одна из этих гигантских конечностей протягивалась ко мне в ожидании жертвы. Если та будет недостаточно щедрa, я буду в один миг размазан по мху.

Дрожащей рукой кладу лапу пойманного кролика на ладонь лесного бога. Он сжимает её в кулак и поднимает куда-то вверх. Жертва принята. Я ухожу, взгромоздив тушу на свою

спину.

После довольно долгой прогулки наконец натыкаюсь на поляну, где было разбито небольшое поселение. Скромные деревянные домики, построенные под высоким холмом. А рядом с ними, до боли знакомый возок.

Купец. Мой старый знакомый. Такой же странник, что то и дело странствует от одного поселения к другому, торгуя диковинками. С ним торговаться гораздо проще, чем с местными, какими бы те ни были. А потому смело направляюсь к повозке.

Рядом с ней кучковались местные — десяток цивилизованных кроликов. Они были такими же трёхметровыми отвратно выглядящими амбалами с тремя глазами и длинными ушами. Но с ними, по крайней мере, можно было не только подраться на смерть, но и порой поговорить.

Разумеется местные меня не любили. Это я знал, даже ни разу не бывав в этой деревне. И не только потому, что лес сделал меня хищным лисом, их естественным врагом. Но и потому, что в отличие от них, я мог сохранять чистый и незапятнанный скверной облик бесшёрстных. Это в лесу всегда очень ценилось и было предметом зависти. Особенно у тех, кто пришёл извне и потерял этот облик.

Когда я подошёл к прилавку, обустроенному прямо в повозке и взгромоздил на него добычу, местные стали презрительно фыркать и тихо шептаться. Неужто задумали напасть? Что ж, мне же будет больше туш на продажу.

— Охотник. Что, опять кролик? Никого крупнее не мог поймать? — спросил меня Купец.

Он был похож на огромную выдру. Длинный зверь, с гладкой шерстью, приплюснутой мордой и грустными глазами. У него практически не было мутаций, за исключением разноцветных глаз и семи пальцев на лапах. Ибо лес благоволил торговцам.

— Кто попался, того и поймал. Нечего жаловаться, мясо всегда будет ходовым товаром.

— Да, но мясо бывает разного качества. За всю эту тушу я готов заплатить тебе всего тремя веточками вербы. И это я, как старому другу предлагаю.

— Ну! Смотри, какой он мясистый! Тут как минимум четыре веточки. А то на три даже бутылку чёрной настойки не купишь!

— Чёрт с тобой! Четыре так четыре. Тебе, я так понимаю, можно сразу бутылку давать вместо денег.

— Да. Большого для жизни мне и не надо, ты знаешь.

Купец порылся в своей повозке, выудил стеклянный флакон с чернильно-чёрной вязкой жидкостью и передал мне. Я сунул его в свою суму и собирался было уходить, как вдруг к прилавку подошёл один из кроликов. Зверь достал небольшой мешочек, раскрыл его и высыпал перед продавцом пригоршню маленьких красных ягод.

— Плоды мёртвого кустарника! — декламировал ушастый.

— Неплохой товар! Дам за них тридцать веточек. — произнёс торговец, почесав подбородок.

— Договорились! — довольно заключил заяц.

Я взглянул на маленькие ягодки и решил вмешаться в их скоротечный разговор:

— А мне кажется это нечестная сделка.

— Почему это? — возмутился амбал, — Неужто ты, клыкастый, завидуешь, что за мои ягодки дают больше, чем за твою огромную тушу? Цена вполне справедливая, эти ягоды годятся на отменное лекарство!

— Я не спорю с тем, что сделка справедливая. Но я посчитал количество ягод. Их оказалось двадцать семь.

— И что ты хочешь этим сказать?

— А то, что мёртвый кустарник является крайне редким и ценным растением. Он очень редко плодоносит. И каждый раз приносит ровно двадцать семь маленьких ягод. Ты принёс ровно столько же, а значит не поделился частью собранного урожая с лесом. Ты же понимаешь, что ничем хорошим это не кончится.

— Ой да не надо мне мозги морочить, клыкастый! Тихий лес не обеднеет из-за пары ягод. А я больше заработаю. К тому же, в этом поселении живут гордые звери, что не будут преклониться перед природой и её странными богами. Что они нам сделают?

— Охотник прав. Я не буду покупать ягоды. — заключил Купец, — Продадите их другому странствующему торговцу. Я же пожалуй продолжу свой путь и уйду прочь из поселения.

— Я пойду с тобой. — согласился я.

Нам действительно пора было уходить. Дело обещало быть серьёзным и оставаться в деревне, куда может нагрянуть гнев леса, было слишком опасно. Впрочем, уходить слишком далеко я не планировал.

Выйдя за пределы колонии кроликов, я поднялся на крутой холм, с которого та была как на ладони. Устроившись поудобнее среди кустов и откупорив бутылку с настойкой я стал наблюдать за поселением. Жидкость бодрила и придавала сил, а потому я планировал не сомкнуть глаз в течении всей ночи.

Когда зашло солнце, ушастые разбрелись по своим домам. Никто из них, кажется, вовсе не беспокоился о том, что они нарушили лесные правила. Все они легкомысленно легли спать, ничуть не страшась гнева чудовищ. Гнев нагрянул, когда среди ветвей уже во всю сияли звёзды.

Десятки чёрных теней планировали к маленьким хижинам практически с самых верхушек гигантских деревьев. Птицы. Смертельно опасные жители небес и главные лесные каратели. Никто точно не знал, разумны ли они и чем занимаются, когда не совершают налёты на нарушителей лесного спокойствия.

Возможно, они знали как выйти из этой аномальной зоны или, по крайней мере, были ближе всего к таинственному Сердцу. В это, овеянное слухами место, я всегда стремился попасть. Ибо там, вероятнее всего, скрывались ответы на многие вопросы касательно природы Тихого леса. Там же, скорее всего, и лежал ответ на вопрос, как сбежать из чащи.

Такая возможность стоит риска охоты за крылатыми лесными ужасами. Не для того, чтобы их убить, а, для того чтобы выяснить, где находится их логово. Ибо, не думаю что я смогу с ними справиться. И те несчастные зверьки внизу вряд ли смогут.

Как и ожидалось, когда устрашающие тени наконец достигли земли, началась резня. Крики были жуткие, а хруст костей разносился на многие километры вокруг. Огромные крылатые монстры врывались в избы и уничтожали всех, кто был внутри.

Одному кролику удалось выбраться из своего дома до того, как его настигли пернатые хищники. Он побежал прочь из своего поселения, в надежде на то, что за ним не будет погони.

Рванув на тот самый холм, где я примостился в зарослях кустарника, он всё же не смог избежать преследования. И всего в нескольких метрах от меня на него спикировала огромная тень. Птица была столь близка, что я наконец смог её рассмотреть.

Длинные когти на ногах. Гигантские крылья с чёрным оперением. Под ними четыре тонкие руки, держащие острые сабли. Уродливая голова с двумя клювами, где один был чуть меньше и располагался внутри второго. Красные, безжизненные глаза по обе стороны от пасти.

Но страшнее всего была грудь существа, в самом центре которой располагался огромный светящийся белым глаз. Он открылся только после того, как кролик был повержен. И, что самое страшное, будто бы смотрел прямо на меня.

Да, птица определённо заметила меня и теперь рассматривала, расценивая противника. Я сжал покрепче свой клинок, готовясь к битве. Шансов у меня немного, особенно если к нему на помощь придут сородичи. Но без боя сдаваться я не хотел. Если крови суждено пролиться, я её пролью!

Тем не менее пернатый атаковать не спешил. Без особой агрессии он сделал пару шагов в мою сторону и произнёс потусторонним голосом:

— Ты уважаешь обычаи леса, а потому не умрёшь, лисёнок. Правила превыше всего. Нам ни к чему биться.

— Так вы разговариваете!

— Через нас говорят деревья. Мы слышим их лучше всех в лесу. И мы служим им, чтобы не допустить КОЛЛАПСА. Продолжай и ты верно исполнять заветы. И однажды, сможешь и нам присоединиться.

Сказав это, птица взлетела в небо и направилась к вершинам деревьев. Вместе с ней полетели и те, которые находились в селе. Видимо, резня завершилась.

Не знаю, почему мне была дарована честь выйти на контакт с обитателями ветвей, но становится одним из них я точно не желаю. Рано или поздно я выясню, как забраться наверх и оттуда уж точно разгляжу путь к спасению из рощи. Поддерживать лес или уж тем более служить ему глупо, ибо это навсегда привяжет меня к деревьям. И я навсегда останусь заложником вечной борьбы за выживание, без шансов на успех. Этого я точно не хочу...

Лишний раз перестраховавшись и прождав до самого утра, я спустился в поселение с самым рассветом. Как и ожидалось, никого живого там больше не было. Только трупы. Десятки трупов. Те, что более-менее сохранились, можно будет продать. К тому же я нашёл тот самый мешочек с ценными ягодами. Теперь можно было не бояться его брать, ибо цена за них уже была уплачена. Кровью.

Бедные, глупые кролики, что не ведали лесных законов и считали себя самыми умными! Они остались и без жизней, и без веточек вербы, ослеплённые гордыней. И сколь презрительно они отнеслись к моим суждениям!

А в итоге, я, и выжил, и забрал их богатства. Ибо я хитёр. И моя главная хитрость — это игра по правилам.

Жертва — Корни и волки

В Тихом лесу, бесконечной вотчине гигантских деревьев, ландшафт порой удивительно разнообразен. Здесь встречаются и овраги, и поляны, и даже озёра, в которых, кажется водится что-то ещё более страшное, чем все обитатели поверхности. Есть в чаще, и холмы, и скалы, и горы.

Но даже они недостаточно высоки, чтобы подняться выше переплетённых ветвей. Тем не менее, некоторые из таких возвышенности становятся не только отличными ориентирами, но ещё и превосходными крепостями для тех, кто способен их удержать. Общими усилиями и потратив не мало сил, некоторые сообщества превращали скалы в настоящие неприступные замки.

Не стоит удивляться тому, что мутанты смогли самоорганизоваться в достаточной мере, для того, чтобы воплотить подобный проект. Жизнь в мутирующем лесу кипит уже далеко не один век. И те из зверей, кто ещё сохранил рассудок, образовали свои подобия государств. Ну, если клановые поселения, занимающиеся грабительством и разбоем, вообще можно назвать государствами.

Всё же любое разумное существо, так или иначе, стремится к упорядочиванию и нормализации своего быта. Даже если цена за это упорядочивание — подчинение самым жестоким лесным хищникам, волкам.

Моя деревня была в подчинении местной стаи бесконечно долгий срок. Как минимум всё то время, что прошло с момента моего попадания в лес. И, как у подчинённых, у нас было множество обязательств перед владыками.

За защиту от прочих кланов-вымогателей, мы платили частью своей добычи, беспрекословным исполнением законов стаи и периодическими жертвоприношениями. По только им видимым причинам, волки иногда посещали малые поселения, вроде нашего и требовали одного жителя в качестве дани.

Его уводили в крепость. Что происходило дальше никто не знает, но потом беднягу никто и никогда больше не видел. Его вряд ли съедали, ибо в вечной борьбе за жизнь среди листвы, недостатка в более сытном и вкусном мясе не было. А потому резон данного действия породил множество вопросов среди селян.

И я бы отдал всё, что имею, лишь бы не знать на них ответ. Но судьба была ко мне не слишком радушна. И когда волчий посланник нагрязнул в наше поселение, выбор его пал на меня. И вот я, одетый в цепи, брёл в сторону громадной скалы, внутри которой был вырезан целый город.

В моём конвое был всего один волк, но его было достаточно, чтобы я даже не думал о побеге. Ибо эти клыкастые твари не только были одними из самых опасных лесных обитателей, но ещё и внешне пугали до чёртиков. Да так, что и пошевелиться лишний раз не хотелось.

Огромные размеры, в четыре метра высоты и метр ширины. Пасть с тремя рядами зубов. Четыре чёрных, как ночь, глаза. Длинная гибкая шея. Тонкие, относительно общих пропорций тела, мускулистые конечности. На каждой лапе по шесть пальцев с когтями.

В общем, такой если догонит, на месте разорвёт. А бегают эти махины, на удивление, быстро. Так что я покорно плёлся в сторону скалы через плотную поросль кустарников, неприятно царапавших ноги.

С таким эскортом, нападения в глубинах чащи можно было не бояться. Хотя, может, напади кто-нибудь ужасающий на нас, у меня мог бы появиться шанс на побег. А так, приниженный бреду безмолвно.

Вот на горизонте показался огромный каменный массив. В Тихом лесу редко увидишь хоть какие-то признаки цивилизации, ибо корни обычно разрушают крупные постройки. Но тут, действительно целый замок. Множество пещер, выемок и продолбленных окошек, из которых сочился мягкий, чарующий свет.

За внушительными деревянными воротами, скрывалась вереница запутанных коридоров и комнат, по которым то и дело бродили волки, подобные тому, который меня вёл. Они практически не обращали на меня внимания, а я старался лишней раз не поднимать глаз.

Изрядно потоптав каменные полы, меня, наконец, привели в обширную комнату, посреди которой стоял длинный стол. По обеим сторонам от него, плотно расселись жуткие волки. И прежде, чем я подумал, что стану их главным блюдом, меня усадили на непомерно большой стул во главе стола.

Тут же, предо мной поставили тарелку с сырым куском мяса и стопку с чёрной наливкой. Видимо, моё удивление сразу было отображено на лице, ибо в тот же миг старый хищник, сидевший ко мне ближе всех, мягким голосом пояснил:

— Ешь. Традиция требует, чтобы ты был сыт.

— Но для чего?

— Чтобы всё прошло, как следует. Ешь. Я знаю, что селяне, вроде тебя не сильно пируют в своих деревнях.

В этом, волк был прав. В поселениях, вроде того, в котором я жил, звери не слишком довольствуются едой. Ибо все те крохи, что удаётся добыть охотой и собирательством, по итогу делятся на всех жителей. Впрочем, не будь этого коллективного труда, мы бы, скорее всего, вообще бы не ели. Трудно охотится, если ты слаб и не одарён орудиями убийств, вроде волчьих когтей или лисьей хитрости.

Так что я с аппетитом набросился на кусок мяса, стараясь не задумываться о том, кем он был при жизни. Об этом, в Тихом лесу вообще не принято думать. Если уж он дал тебе еду, то стоит отбросить, и безгливость, и мораль. Иначе просто не выжить.

Расправившись с нехитрым блюдом даже быстрее, чем сидевшие рядом хищники, с их огромными пастями, я пригубил и чарку. Слегка взбодрившись и даже немного повеселев, я обратился к тому волку, что наказал есть:

— Что всё это значит? Зачем вы меня привели сюда?

— Для важнейшего обряда. Тебя ждёт Корневое Венчание.

— И в чём же оно заключается?

— Узнаешь, как ритуал начнётся.

— А когда он начнётся?

— Сейчас.

С этими словами он встал. Синхронно поднялись и другие хищники. Меня взяли под руки и повели прочь из комнаты. Опять я оказался в длинных и запутанных коридорах. Но на сей раз, они сменились длинной винтовой лестницей, ведущей куда-то вниз. Через какое-то, довольно значительное время, мы наконец достигли её конца и моему взору предстала небольшая зала с высоким потолком.

В центре залы, в углублении, стоял массивный яйцеобразный предмет, словно бы состоящий из переплетённых корней. Вокруг него, кругом стояли звери разных мастей. К их

головам были подсоединены древесные шланги, уходившие куда-то в вершину огромного яйца.

Пленники дышали и взирали на таинственную сферу стеклянными глазами. Они явно были живы, но напрочь лишены рассудка. Смотря на них, я вдруг осознал, что вскоре разделю эту странную судьбу. Ибо от яйцеобразного объекта отходил один единственный отросток не присоединённый ни к чьей голове.

Я даже хотел было забрыкаться и попытаться вырваться, но моё тело предательски ослабло. Видимо, чёртовы хищники что-то подмешали в моё блюдо или напиток. Я обмяк настолько, что даже не дёрнулся, когда острый коготь чертил круг по вершине моего черепа. Не двинулся я и в тот момент, когда с моей головы сняли «крышку» и сунули странный корень прямо в мой мозг.

В этот момент я и вовсе перестал чувствовать тело. Моё сознание словно бы скакнуло в некое гиперпространство и мне открылось ЭТО. Мириады корней копошащиеся в единой массе, закрывающей всё осознаваемое бытие, представляли собой организм, бывший вне понимания смертных.

И яйцо — лишь его маленькое семечко, подобных которому немало. Если они прорастут, СУЩНОСТЬ получит возможность воплотиться в материальной форме. И тогда... Тихий лес погибнет. Или переродиться?

Я вижу многие мысли и образы, что ОНО показывает мне, но не все из них мне понятны...

Вот я вижу зверей, что собрались вокруг семя, следуя ЗОВУ. Вот они складывают к яйцу своих сородичей. Вот перерождаются в волков. А вот уже и правят всем лесом. Пока не появляется первый росток. Лес меняется... Лес обретает новый облик... Лес встречает своего нового бога...

Теперь мне показывают иную картину. Моего предшественника, что также был принесён в жертву. Он долгие годы стоял в тёмной зале. Его кормили и поили, пока он совсем не ослаб. Когда он умер, его тело отнесли на кухню, приготовили и затем подали мне. Так волки поступали со всеми, кого отдавали семени.

Но на деле все эти несчастные не умирали. Они оставались в сознании этого странного существа, становясь его частью. Так они подпитывали ЭТО, давали ему сил, чтобы ОНС могло родиться. Слепки их сознания же навечно должны остаться здесь, на другом плане бытия. И моему суждено тоже самое.

Ибо БОГ КОРНЕЙ любит своих слуг и всегда одаривает их, вне зависимости от того сами они являются жертвами или приносят их. Волки, вряд ли знают, чем на самом деле они платят за свою власть и силу. ЧТО создают в своих крепостях.

Я бы тоже не хотел знать. Я бы вообще не хотел жить в Тихом лесу. Бог с ним, пусть даже, я бы на век остался в своём маленьком поселении, проживая жизнь уязвимого зверька. Лишь бы только не знать ЕГО.

Лишь бы не подпитывать своим знанием, не усиливать ЗОВ. Ибо даже хаотичный разум Тихого леса менее безумен. Ибо ЭТО не подчиняется никаким правилам и не приемлет законы. ОНО жаждет лишь поглощать всё вокруг, увеличивая свою силу и размер. И даже бесконечность чащи его не остановит, ибо БОГ КОРНЕЙ сможет выйти за её пределы. И когда это случится, он будет ассимилировать мир до тех пор, пока не останется только он один.

А потом его семена попадут уже на иной план бытия и всё начнётся по новой...

Сова — Вечная жертва

В Тихом лесу, где деревья шепчут свою страшную песнь, есть много рутинных вещей, которые могут показаться пугающими. И в каждой части леса, у каждого вида местных обитателей своя жутковатая обыденность, свои ритуалы и свои наказания. Разумеется, всё это касается только тех местных обитателей, что ещё не утратили разум и не одичали.

Зайцы здесь играют роль жертв. Их доля — быть мирными крестьянами, растящими съедобные корешки и собирающими лесные травы. Зачастую они становятся кормом, игрушками для ритуалов и живым товаром рабовладельцев. Они не смотрят наверх, ибо вся их работа проходит на земле.

Волки — прямая противоположность. Они правят, властвуют и угнетают. Вотчины их кланов являются царством террора, где эти звери играют в аристократов. Серые хищники проводят светские вечера, пиры, торжества, ритуальные жатвы и поклоняются КОРНЯМ. Они не смотрят наверх, ибо слишком увлечены собственной властью.

У лесных хряков другие заботы. Они хотят разрыть КОРНИ и уничтожить ТОГО, КТО ЗА НИМИ СТОИТ. Пока волки держат власть, у них это не слишком хорошо получается, но кабаны очень фанатичны в своей борьбе и кочуют по лесу, выцепляя зубастых хищников поодиночке. Они тоже не смотрят наверх. Возможно, потому что увлечены битвой, а возможно и просто потому, что не имеют шеи.

Многие разумные также предпочитают не поднимать глаз к ВЕТВЯМ, ибо не способны их достичь. Исключением, пожалуй, являются немногочисленные разумные лисы. Эти твари слишком любопытны по своей природе, а некоторые из них даже очень идейны. Охотники, убийцы, торговцы, волчья прислуга — не так уж и важно кем они становятся, главное то, что плуты часто пытаются разгадать тайны ВЕТВЕЙ.

И тем рыжие бестии доставляют нам множество проблем. Под «нами», я подразумеваю птичье сообщество. В него входит множество различных видов пернатых. И все они должны курировать обстановку внизу. И не только для того, чтобы жители поверхности соблюдали лесные порядки, но и чтобы не лезли в наши дела.

Я вот из сов. Мне повезло переродиться с крыльями и способностью к запоминанию большого количества данных. Я взлетел в высь, присоединился к своим сородичам и был назначен жрецом ХРАНИТЕЛЯ ВЕТВЕЙ. Кроме различных служебных практик, обязанности последователя сего культа входит и наблюдение за жителями поверхности.

Благо, отсюда, сверху, это всё равно что наблюдать за муравьями. Они ползают себе туда-сюда, занимаются своими делами и даже не подозревают, что являются объектом исследований. Смотря с такой позиции, мы, совы, приблизились ближе всех прочих зверей к пониманию природы леса. Тем не менее, многое всё ещё остаётся неизвестным.

Как Тихий лес возник? Что находится за его пределами? Как и зачем бесшёрстные попадают в чащу? Почему превращаются? Можно ли обратить этот процесс? Можно ли сбежать отсюда?

Последний вопрос особенно волнует всех местных обитателей. Ибо жизнь здесь далеко не сахар. Однако, даже мы, находящиеся ближе всех к небу, не смогли отыскать выхода.

Сверху, над кронами, лес кажется всё столь же бесконечным. А взлететь достаточно высоко, чтобы преодолеть эту аномалию ни у кого пока не получалось. К тому же, нашему побегу мешает и наш покровитель. ХРАНИТЕЛЬ ВЕТВЕЙ, являясь полно

противоположностью БОГА КОРНЕЙ, ОН всё также цепляется за своих последователей и даёт нам строгие наказания не пытаться покинуть лес.

Что ж, ЕГО можно понять. Ни одно божество не хочет потерять свою паству. Кто же тогда будет приносить ему жертвы и молиться?

И я считаю, что за всю поддержку НАШЕГО БОГА и его содействие нашему сообществу, мы должны быть благодарны в той мере, чтобы беспрекословно следовать любым наказам. Я воспринял с благоговением и тот факт, что оказался избран для принесения в жертву ВЕТВЯМ. Ибо это не только великая честь, но и моя, личная плата за сытую жизнь наверху.

ХРАНИТЕЛЬ дарует нам солнце, еду, защиту и цель. Можно ли желать большего в столь диком и хаотичном месте?

Меня готовили с самого утра. На тело, изуродованное мутациями, в особенности бубонами, надели крайне просторную белую рубаху, достающую практически до щиколотки. На голову поместили витый из маленьких веточек веночек. Руки облачили в браслеты из камня, а на шею повесили переливающийся в лучах кулон. Не то чтобы всё это было необходимо, чтобы после смерти я попал куда нужно, но перед богом надобно представать при полном параде.

Далее меня привели на последний ужин. Налили настойки на плодах мёртвого кустарника. Поставили передо мной тушу свежепойманного кролика.

Когда я насытился, меня, наконец, повели в храм. Храм стоял на очень толстой ветви и представлял собой внушительную пагоду, вытесанную из огромного деревянного нароста.

В ней, для церемонии, к тому моменту собралось двенадцать высокопоставленных птиц, одобрительно замахавших крыльями при моём появлении. Они обступили меня и сопроводили до алтаря. Он представлял собой каменный менгир, к которому меня сразу же привязали.

В тот момент я уже полностью отпустил свою жизнь и приготовился навечно закрыть глаза. Окружавшие меня жрецы тихо шептали свои заговоры, еле двигая искажёнными клювами. Затем один из них взял острый стилет и легонько провёл его остриём по моему лбу. Так он начертил специфичный узор, помечающий меня для ХРАНИТЕЛЯ.

Потом был резкий удар. Я заснул. А потом проснулся. Но уже не в храме, а в просторной зале, словно бы сотканной из облаков. Даже скорее из грозовых туч, плотных и свинцовых. Я встал на свои три ноги и был крайне удивлён тому, что пол меня держит, будто состоит не из пара, а из камня.

Однако, долго топтаться на месте и удивляться не стал. Видел вещи и страннее, пока наблюдал за жителями поверхности. А потому направился изучать это странное место. Уже вскоре ноги вынесли меня в небольшой тронный зал, где на троне из серых облаков восседал ХРАНИТЕЛЬ.

Выглядел ОН точно так, как его описывают легенды птичьего сообщества: огромный живой скелет стервятника, ослепляющий белизной костей. Именно НАШ БОГ, если верить всё тем же рассказам старых жителей леса, ведал посмертной жизнью и решал куда должна отправиться душа погибшего зверя. Поэтому же он отвечал и за порядком. Кто владеет смертью, тот владеет и властью.

Теперь и я предстал перед ним, почтенно опустившись на колени и смиренно опустив голову.

— Не стоит, право, поднимайся! — сказал мне ХРАНИТЕЛЬ весёлым голосом, — Ты

тут не для того, чтобы кланяться.

— А для чего?

— Мне скучно. И я жажду хорошей беседы. Мне подумалось, что ты сможешь подарить мне интересный разговор ни о чём. Видишь ли, я тут восседаю уже целую вечность. Время течёт для меня бесконечно медленно и каждый момент вечности скучен до невозможности. Поэтому я иногда приглашаю к себе своих верных поклонников, чтобы поболтать.

— Богам разве бывает скучно?

— Поверь, бывает. Ну мне точно. С прочими лесными владыками я ни разу не говорил. Они практически наверняка неинтересные или неменяемые собеседники. Единственная местная сильная сущность, с которой мне бы хотелось поговорить, так это ХОДЯЩИЙ МЕЖСТВОЛОВ. Но он так и не проронил ни одного слова. Может, это живое воплощение СУТИ Тихого леса и не способно говорить, оттого и столь интересно. А если говорить про других посланных ко мне собеседников, то уже через каких-то несколько десятков циклов у них заканчиваются темы для разговоров и они остаются у меня в качестве вечных, не слишком увлекательных гостей. А потому приходится просить принести в жертву нового почитателя.

— Они все здесь?

— Да, мой чертог всегда открыт для птичьих душ. В обе стороны. Птицы вольны как остаться, так и уйти в любом направлении. Хоть обратно в лес, хоть в вечное небытие.

— То есть, ты можешь меня возродить?

— Могу. Буду даже рад, ибо ты сможешь поднабраться новых знаний и заглядывать ко мне в гости. Правда, на роль вечной жертвы, никто до этого не соглашался. Никто не хочет обратно в чащу. Все либо остаются в моём чертоге, благоденствовать, либо отправляются в СУТЬ леса.

— А что ждёт в СУТИ?

— Понятия не имею. Не я же его создал. Наверное. По крайней мере, я помню только то, что очнулся сильной сущностью, когда Тихий лес уже был в своём обычном состоянии. И, по сути, просто занял пустующую роль лесного судьи. В конце концов, чтобы чаша не поглотила всех нас, нужен тот, кто будет следить за соблюдением правил.

— Что ж, тогда как мы закончим, я бы пожелал вернуться.

— Интересный выбор. Почему же ты хочешь вернуться в лес?

— Ну, там мой дом. Моё призвание. Мне очень нравится наблюдать за его обитателями. Не меньше мне нравится становиться свидетелем аномалий.

— А с чем интересным ты сталкивался в последнее время?

— Ну, я очень много наблюдал за лисами. Эти твари странные даже по меркам Тихого леса. Везде суют свой нос, пытаются докопаться до истины. А сами подлецы подлецами, готовые на любые извороты ради выживания. Это довольно парадоксально. Как можно ставить во главу угла, и свою шкуру, и вселенские тайны одновременно?

— Действительно. За раскрытием тайн, звери всегда лишаются шкуры. И наоборот, за заботой о своей шёрстке, всегда теряют из виду истину. Но возможно это лисья природа?

— Если бы только она. Я очень много наблюдал за их породой. И один Охотник меня крайне удивил своей трепетностью к лесным правилам. Я никогда не видел, чтобы хитрецы столь сильно беспокоились о соблюдении законов, а не о возможности их обойти.

— Правда? Забавно. Он мог бы стать моим последователем и блюсти закон на поверхности, карая тех, кто не уважает лес. Говорят, лисы хороши в выслеживании и устранении.

— Пожалуй, что так. Тем более этот зверь стремится в высь больше прочих. Желает разгадать наши тайны.

— Он будет крайне разочарован, узнав, сколь мало вы знаете о лесе. Да даже я знаю о нём не сильно больше. Ибо я такое же его порождение, как и вы. Правда, в отличие от вас, я вроде бы не был ранее бесшёрстным.

— У меня есть ощущение, что бытность бесшёрстным, навряд ли существование гусеницей, что при попадании в лес, становится бабочкой и раскрывает себя.

— Возможно так оно и есть. Но сейчас эти пространные рассуждения не так важны. Я заинтересовался этим любопытным лисом. В большей степени, чем тобой. А потому, разу уж ты всё равно собираешься вернуться, то озаботься тем, чтобы привести его ко мне. Думаю, этот зверь сможет подарить мне несколько отличных бесед, а взамен получить несколько ответов.

— Мне нужно привести жителя поверхность к вам?

— Да, такова моя воля. А теперь, прочь! Я позову тебя, как только моё любопытство касательно этого зверя будет удовлетворено.

Скелет щёлкнул когтями на ноге и я вновь заснул. А очнулся в уже знакомом храме, привязанный к менгиру. Рана на моей груди зажила, как и отметки на лбу. Я почувствовал себя обновлённым и чистым.

И у меня была новая цель, достать новую игрушку для ХРАНИТЕЛЯ. И я чётко знал, что цикл смерть-перерождение ждёт меня ещё очень много раз...

Отчёт Федерального Агентства Разведки СПН Предоставлен Лабораторным отделом

Транскрипция разговора, записанного на аудиокассету — год 1981

Опрос проводил: Специальный Агент-Визионер по посадку Виндганкон, Роман Агафьев (далее просто САВ)

Опрашиваемый: Полевой Агент номер 098 (далее просто 098)

Место проведения опроса: Полевой штаб «Интерквел», недалеко от поселения Прость, Посад Виндганкон

САВ: Итак, агент, расскажите под запись, что конкретно произошло, когда вы прибыли на место происшествия? Меня интересуют, прежде всего общие сведения о данной аномалии, а уже потом мы перейдём к обсуждению вашего запроса директору ФАР. Это необходимо для протокола.

098: Мы приехали, откликнувшись на сообщение местных о аномальной активности в районе селения Прость. Там уже несколько лет, с разной периодичностью, бесследно исчезали люди. К тому же из того района начали поступать сообщения о странных существах, наблюдавшихся неподалёку от людских поселений.

САВ: И вы действительно обнаружили аномалию?

098: Точно. Это лес. Роща гигантских секвой, если быть точным. Таких, небольших заповедников, знаете много по всему Восточному побережью. Да и на Западном их тоже не мало. Секвойдендроны занимают площадь примерно в семь квадратных километров и стоят обособленно от прочих деревьев. Вероятнее всего, вся роща и есть одна большая аномалия.

САВ: Как вы это поняли?

098: На неё нам указали жители деревни, как на место, куда уже многие поколения никто не ходил. Все местные обходили её и ни одного человека, кто бы мог поведать, что там, внутри, мы не нашли. Позже стала ясна и причина этого. Когда агенты 121 и 065 решили войти в лес и бесследно пропали.

САВ: Как именно это произошло? Вы видели?

098: Да. Это случилось на моих глазах. Мои товарищи пересекли условную «границу» леса и проникли в глубь, примерно на пять метров... А затем... Ну... Испарились.

САВ: Испарились?

098: Да, словно в воздухе растворились! Вот раз и нет их! Уж не знаю, КУДА они попали, но обратно они скорее всего уже не вернуться.

САВ: Почему вы так считаете?

098: Мы пробовали проникнуть внутрь этой зоны самыми разными средствами: запускали туда дрон с камерой; кидали оборудование и самые разные предметы, привязывая верёвку. Знаете что произошло? И предмет, и часть привязанной к нему верёвки, что попала в зону аномалии, исчезли! Не представляете, сколько раз мы обошли эту чёртову рощу, чтобы найти лазейку в этой непроницаемой невидимой стене! И ничего! Н-И-Ч-Е-Г-О! Мы задействовали вертолёт, чтобы подобраться сверху. Так удалось выяснить, что примерно на

ста метрах, над кронами стометровых деревьев, мёртвая зона заканчивается. Этаким аномальный куб получается. Знаете, вот в космосе есть чёрные дыры, которые не может покинуть даже свет. Вот этот лес очень на них походит, разве что, слава богу, сверхсильной гравитацией не обладает.

САВ: Да, исходя из этого мы дали данному объекту гриф «Совершенно секретно» и взяли его под свой контроль. Однако, я здесь, прежде всего потому, что вы запросили повышения уровня секретности до уровня Q. Наивысшего уровня из возможных. Почему?

098: Мы, как вы знаете, в составе штаба «Интерквел» наблюдали данный лес пять лет, с самого момента обнаружения. То есть с 1976 по 1981. За это время мы не сильно продвинулись в изучении «внутренностей» сей зоны, однако с лихвой изучили всю внешнюю «поверхность» аномалии. Изучали и записывали всё, сколь глубоко она уходит в землю, сколь высоко в небо. Ну и, естественно, регистрировали площадь аномалии. Так вот, тут и случилось самое страшное. После недавнего замера, мы выяснили, что площадь рощи выросла на целый квадратный километр за год. Более того, она продолжает расти и со временем только ускоряет своё расширение.

САВ: Как это выросла?

098: Вот так. В ней не росло новых деревьев. А вот старые «сдвинулись», вместе с землёй, на многие метры вперёд. Вместе с ними расширился и «Горизонт событий».

САВ: Звучит угрожающе...

098: Ещё бы. По нашим расчётам, если рост рощи будет ускоряться в том же темпе, что и сейчас, то уже через тридцать лет она поглотит Пость. Через сорок лет весь округ станет Гигантским лесом. Через сорок пять лет, аномалия поглотит весь посад. А через сорок восемь может и всю страну превратить в одну сплошную аномалию. Если мы не сможем её остановить, то потеряем как минимум два континента. И нам ещё очень повезёт, если зараза не сможет преодолеть океан. В противном случае в опасности будет вся планета. Понимаете? Тут уже не достаточно штаба наблюдения и нескольких десятков агентов, тут необходимо вмешательство правительства и армии! Мы и без того потеряли слишком много времени.

САВ: Я передам эту информацию директору, я думаю он сделает всё возможное, чтобы посодействовать сдерживанию леса. Но что насчёт способов уничтожения рощи? Неужели вы не нашли способа сдержать её расширение?

098: Мы много чего пробовали. В основном на деревьях, что находятся за пределами «горизонта событий». Мы пробовали поджигать эти секвойи, пробовали рубить их. Но даже самые прочные инструменты ломались о древесину. Мы пробовали скидывать бомбы, в том числе и зажигательные, с вертолёта. Пробовали посадить туда насекомых-вредителей. Пробовали травить почву ядами. Пробовали и «иссушить» землю. Ни один из способов так и не сработал. Возможно, если закинуть внутрь термоядерную бомбу получится уничтожить эти чёртовы деревья, да и то совсем не факт. Пока что они считаются полностью неуязвимыми.

САВ: Да... Я думаю это заслуживает грифа Q. Есть что-то ещё, о чём необходимо знать директору ФАР на данный момент?

098: На самом деле много чего. Мы успели насобирать внушительное количество информации, с которой лучше будет ознакомиться через наши документы. Но на данный момент, я думаю, что ему стоит сообщить о результатах недавнего сейсмического исследования аномальной территории. Дело в том, что незадолго до открытия факта

расширения рощи, мы выяснили, что поверхность здесь крайне неоднородная. Примерно в центре леса есть некое строение, уходящее глубоко под землю. Вроде огромного колодца или туннеля. Мы пока так и не смогли до него докопаться и выяснить насколько глубоко он уходит. Зона аномалии уходит вглубь как минимум на две сотни метров и тут, без специальной техники нам не обойтись. Возможно, это здание и является источником аномалии, по крайней мере оно является самой примечательной чертой леса, о которой мы можем узнать снаружи.

САВ: Откуда же посреди рощи огромный туннель?

098: К сожалению, мы не нашли какой-либо информации в архивах. Никаких данных о шахтах и подобных постройках в годы активного освоения европейцами Северной Америки нет. Здесь никто ничего не строил и не возводил.

САВ: И коренное население тоже?

098: Согласно археологической и этнической экспертизе, кочевавшие племена индейцев обходили весь этот регион стороной. К тому же, они просто не могли бы построить столь масштабное и сложное сооружение, с их уровнем технологий.

САВ: Тогда кто?

098: Мы не знаем. И не узнаем, пока не доберёмся до этого колодца. А может и после того, как доберёмся. Если судить по известной нам информации, то зона рощи начала активно расширяться и проявлять активность примерно две сотни лет назад. По крайней мере, в 1771 году появилось первое свидетельство исчезновения нескольких человек в этих местах.

САВ: Думаете, тот год стал началом действия аномалии?

098: Не знаю. Но сами деревья явно существовали задолго до появления здесь людей. Меня очень сильно пугает, что возраст всех местных деревьев, который мы определили по диаметру и проверили радиоуглеродным анализом, равен 1981 году. Все они ровесники! Так ещё и начали расти прямо на заре нашей эры. Как мы это определили, среди агентов начали ходить... необычные настроения.

САВ: Какие?

098: Вы разрешите не называть имён и номеров? Я бы не хотел подставлять товарищей, разглашая их личное мнение. Более того, я начинаю во многом соглашаться с их... экстремальной позицией.

САВ: Я думаю, что мы можем сделать исключение.

098: Многие наши ребята думают, что этот лес. Ну, вроде как божья кара. Кара за то, что мы пришли в эти земли, начали их эксплуатировать. Знаете, что ещё произошло в 1771 году? Промышленная революция. Именно в этот год был изобретён механический ткацкий станок. И именно с этого года по всему миру появляются дымящие заводы, самые разные шахты и прочие чудеса машинного производства. Возможно, тогда мы зашли слишком далеко в эксплуатации природы. И чем дальше человечество тянет руки, тем быстрее начинает расти эта аномалия. Она собирается «отвоевать» у нас планету, покрыв её вечнозелёными лесами. По крайней мере, такова наша теория. Я был бы рад, если бы она оказалась неверна и это всё вовсе не божья кара за наши преступления против природы. Ведь, если это действительно так, то для нас более нет пути назад...

Конец транскрипции.

Вердикт Директора Федерального Агентства Разведки, О.Е. Павлова:

Выдать аномалии персональное имя. Повысить уровень секретности до «Q». Создать особую комиссию по контролю за ростом рожи. Выдать этой комиссии особые полномочия и дать их задачам повышенный приоритет. Эвакуировать все ближайшие поселения, в том числе и Прость (её превратить в расширенный штаб «Интерквел»). Предлог для эвакуации: «Горящие под городом угольные шахты». Назначить на объект нашего главного специалиста по пространственным аномалиям доктора Догму. Выдать оной все требуемые ресурсы и подготовить удобный наблюдательный пункт.

Дополнительно: Повысить полевого агента 098 и всех причастных к открытию до полноценных научных сотрудников и агентов-визионеров. Проверить теорию о божественной каре. Попытаться докопаться до строения в центре леса. Приготовить ядерные боеголовки. На этом всё.

Конец отчёта

Охотник — По лисьим тропам

Слова не идут во благо тайному смыслу; произнесенное вслух, все тотчас же неизменно становится чуточку иным, чуточку поддельным, чуточку глупым... то, что для одного человека есть богатство и мудрость, для другого человека звучит нелепостью. Герман Гессе, "Сиддхартха"

Сказание второе — Охотник и его судьба

В Тихом лесу сложно отличить одно место от другого. Среди бесконечных зарослей, почти невозможно потеряться, в виду того что и идти тут особенно некуда. Да, он бесконечен во все стороны и ширина местных пространств может поражать.

Но сколько бы раз ты не пересекал поляны и рощи, всё равно выйдешь на схожие деревеньки, скальные замки и грибные рынки. Да, обитать там будут совсем не те звери, которых ты видел в иных поселениях, но столь похожие друг на друга, что вряд ли стоит относиться к ним, как к незнакомцам.

Это ещё одно местное правило. Если ты относишься ко всем встречным, как к давним знакомым, то проживёшь чуть дольше. По крайней мере, пока хтоническое чудовище будет отвечать любезностью на любезность, появится шанс убежать или неожиданно напасть. Главное, потом принести извинения чащобе и преподнести жертву лесным богам, что дали шанс нарушить правило и прожить чуть подольше.

Конечно, в такой бесконечной круговерти из однотипных поселений «разумных» зверей и «безлюдных пространств», где шныряют монстры, легко сойти с ума. По крайней мере, если пытаться путешествовать и искать выход из лесной чащи.

Вот все, кто смог сохранить свой рассудок относительно непораженным шёпотом корней, и сидят в своих поселениях, не рискуя жизнью и не пытаясь что-то поменять. Мне повезло больше, ибо я — охотник и мне доступны... оригинальные способы перемещения.

Ничего сверхнеобычного, просто у моей породы есть чутьё на тропинки, которые могут вывести к удивительным местам. Подобные «лисьи тропы», могут открыться в любой момент и в любом месте. Просто, ни с того, ни с сего, на гигантских стволах появляются отметки, будто засечки, а почва под ногами превращается в вытопанную дорогу. Шествуя по этой путанной дороге, можно оказаться в любой значимой части леса всего через несколько минут.

Будто сама земля складывает пространство, для того чтобы ты добрался туда, куда корни желают, чтобы ты пришёл. И пусть, шанс выйти на такую дорогу выпадает нечасто, но иногда его можно «вызвать» самому. Порой нужно только захотеть куда-то попасть, как мох под ногами тут же расступится и превратится в путь к нужному месту.

Вот, не так давно я услышал о некоем «Великом колодце». Вроде бы просто слухи, среди селян об огромной дыре, почти в самом центре леса. И вот, на выходе из поселения, под моими ногами открылась очередная лисья тропа. Я уже знал, куда она меня приведёт. И потому, без страха пошёл по ней.

Дорога была путаной, петляла между деревьями, порой делая бессмысленные петли вокруг гигантских стволов. Но стоило мне пройти эти петли, как пейзаж тут же менялся и тропа передо мной простиралась уже совсем иначе. Это крайне странное ощущение, когда ноги сами несут тебя вперёд, а тропа, хоть и постоянно меняет направление, вода кругами, всё равно идёт непрерывно и не пересекаясь с другими.

Время в пути такого рода не имеет значения, так что я не удивился наступлению ночи и её скорейшей смены обратно на день. Для меня они пролетели, будто мгновения, как и само путешествие. Вот, я уже стою перед огромной воронкой в земле, на самом краю, и у моих ног простирается тёмная бездна.

Колодец действительно выглядел внушительно, по ширине будучи больше даже стволов стометровых деревьев-гигантов. Из его нутра веяло тёплым воздухом, который пах... полынью.

Название этой травы, будто бы было виением из прошлой жизни. Вместе с ним, пришли и иные образы, которые, казалось, я должен был навечно забыть...

Жаркое полуденное солнце, бесконечная степь без единого деревца, не тронутые аномалией двуногие разумные существа, к которым и я когда-то относился... Эти виения были так нереальны, так противоречивы... Но всё же, я был уверен, что все они — истинны. Что я действительно когда-то жил в месте, где цвела «волчья трава» полынь и не было никакого леса. Славные, наверное, были времена.

Ностальгия обуяла меня столь сильно, что я даже не заметил появления целой процессии, шествующей к колодцу. Шествие состояло из высоких, козлоголовых существ, облачённых в просторные, рваные плащи, будто бы сшитые из каких-то серых лохмотьев.

Впереди колонны шли трое рогатых: один, облачённый в цепи, и двое его охранников, вооружённых копьями. Остальные, несколько десятков козлоголовых, держали факелы и распевали песни на неизвестном языке, скорее напоминавшие стоны прокажённых. Подойдя к краю колодца, они остановились и столпились вокруг заключённого.

Чтобы лучше видеть происходящее, я встроился в их толпу, чему никто не возражал, и подобрался поближе к несчастному в цепях. Пока я пробирался мимо пахнущих сыростью плащей, из толпы вышел зверь, державший в руках книгу. Он воззвал к своим братьям:

— Внимайте мне! По велению старых законов нашего сообщества, я обязан зачитать прошение Стальному Червя, прежде чем мы преподнесём ему сего агнца!

Чтобы обратить на себя больше внимания, он поднял в воздух все четыре своих конечности, что напоминали скорее паучьи лапы. В ответ ему, все присутствовавшие, кроме заключённого и меня, также подняли свои длинные крючковатые лапы. Козлоголовый продолжил:

— Мы приносим нашему богу бессчётную жертву, надеясь, что он смилостивится и явит нам свой лик. Создатель всего, что существует в этом лесу, явиться к своим безутешным детям, если мы напитаем его достаточным количеством мяса! Пусть же преступная плоть сего агнца наполнит нутро Червя! Пусть кровь его смажет стальные шестерни! Пусть его жертва раскалит стальные лапы бога и укажет ему путь наружу! Во славу Стального Червя!

— Во славу Стального Червя! — тут же завторили ему сектанты.

В следующее мгновение, несчастный «агнец» был сброшен в бездну. Удовлетворённые принесённой жертвой, козлоголовые стали потихоньку расходиться. Видимо, подобные практики у них совсем уж обыденны. Я же решил подойти к тому существу с книгой, чтобы расспросить его о произошедшем:

— Извините, я стал невольным свидетелем этого вашего ритуала...

— Да, я видел тебя в толпе. Тут редко встречаются чужаки. Видимо, тебя привела воля Стального Червя.

— Нет, я вышел сюда случайно, по лисьим тропам.

— А кто, по-твоему, ведаёт этими «тропами»?

— Может, сам лес? Просто ранее, я никогда не слышал ни о каком черве. И уж тем более о таких чудных существах как вы. А ведь я охотник и много где успел побывать.

— Наша община крайне закрыта. Мы, как и лес, были созданы Стальным Червём и ждём его пришествия. Думается, что мы одни из первых зверей, заселивших чащу. И мы же будем последними, когда наш бог вернётся. Осталось только дожидаться...

— С самого начала времён ждёте?

— Да, стараясь не удаляться от колодца и постоянно его подпитывать. С этим, конечно, связано множество проблем. Ты вроде говорил, что ты охотник?

— Именно, хотите что-то мне предложить?

— Нужно убить одного медведя, что терроризирует нашу общину.

— А взамен?

— А взамен мы покажем тебе Тропу праведников.

— Медведь очень непростая цель. Огромный, свирепый и безумный. Даже мне не просто будет с ним совладать. Что хоть эта тропа из себя представляет?

— Две стальных линии, касаясь которых своими бесчисленными лапками, Стальной Червь найдёт путь в сердце леса, откуда всё и началось. Мы не можем пройти по ним сами, ибо обязаны стеречь колодец, но вот тебе может быть интересно пройти по этой дороге. Ты выглядишь любопытным, лис.

— Что ж, по рукам! Дайте мне только немного отдохнуть и подготовиться.

— Можешь переночевать в нашем поселении. Мы рады гостям!

Мне действительно были рады. Стоило только показаться в поселении, как меня тут же облепили заботой и вниманием. Множество бесполох козлоголовых существ потчевали меня местными растительными блюдами и расспрашивали о мире за пределами их закрытого микрокосма. Как любой уважающий себя охотник, я стал травить байки о былых свершениях и всё больше раззадоривал интерес странных существ.

Конечно, скоро им самим можно было убедиться в моём мастерстве. Ибо мне предстояла битва с медведем. Правда, мне самому как-то не очень хотелось в ней участвовать. Противник это нелёгкий даже для тех, кто велением ветвей, был рождён убивать. Огромные, в пять моих ростов, твари чудовищной силы нагоняли ужас на целые лесные общины.

Благо, обычно они проводили большую часть времени в спячке и почти никогда не приближались к самим поселениям, терроризируя земли вокруг. Может из этого правила и были исключения, но выживших после набега подобного хищника на деревню, вряд ли было много. Скорее всего их вообще не было.

Конечно, награда была неплохой. Может, Тропа праведников действительно приведёт меня к центру леса, а может и выведет из него прочь. Вряд ли сами рогатые точно знают, что лежит на другом её конце. Но рисковать жизнью подобным образом...

Я не просто так решил взять время на подготовку. Мне думалось, что я успею разузнать местоположение дороги до того, как мне придётся в одиночку бороться со столь свирепым противником. И удача мне действительно улыбнулась.

Когда наступила ночь, мне постелили в одной из небольших хижин. Моим соседом был очень уж разговорчивый зверь, который видимо не знал о награде, что мне предложили. И потому, рогатый вывалил, как на духу, когда я начал расспрашивать его о Тропе:

— Ты говоришь о Тропе праведников, что начинается у Витых терний, рядом с Великим колодцем? У нас о ней множество слухов ходит. Старейшины порой шепчут, будто Тропа

шла напрямиком из колодца и раньше по ней постоянно ползали Стальные Черви.

— То есть Червь был не один?

— Может быть. У нас принято считать, что из колодца вылезет лишь один Всесоздатель, однако, как существо обладающее безграничной силой, он вполне может разделяться и копировать себя множество раз. Да и слухам о множестве червей верить не стоит. Старейшины и сами не застали времена, когда Червь являлся к нам. Их вообще никто не застал из ныне живущих.

— Откуда вы тогда знаете, что он придёт?

— Об этом шепчутся, и листья, и корни. Мы просто внимаем их заветам и ждём. Если потребуется, мы будем ждать и целую вечность, ибо такова судьба нашей небольшой общины.

— А что будет, когда вы дождётесь?

— Настанет конец света. Тот кто создавал мир, разрушит его и Тихий лес перестанет существовать.

— И мы... не освободимся?

— А ты хочешь свободы?

— Я хочу сбежать, чтобы перестать каждый день жить в страхе за свою шкуру. Это место всех рано или поздно сводит с ума. А кого не сводит, тех просто убивает. У меня нет ни малейшего желания делить это долю со всеми прочими обитателями леса, ибо я жажду более никогда не слышать шёпота корней.

— Что ж, чужак, ты имеешь право желать подобного и верить, что из леса есть выход. Пусть эта вера и кажется мне наивной...

Мы ещё долго говорили. Вскоре, мой визави уснул и я тайком выбрался из хижины. Я уже знал на что ориентироваться, чтобы отыскать Тропу, а потому смысла оставаться в поселении не было. Однако, я решил обезопасить себя от любой погони и потому достал из своей суммы свой набор приманок.

Он состоял из нескольких видов трав, плодов и листьев, а также разного рода пахучего мяса. Смешав их в необходимом количестве, чтобы приманить медведя, я оставил приманку слегка под порогом одного из домов, а сам, в это время, ретировался прочь.

Пусть меня и гложило чувство вины, но иначе было никак. Я пренебрёг добротой козлоголовых селян, и предал своё обещание убить пугавшего их зверя. Они мне этого не простят и наверняка скинут в Колодец, при первой же возможности. А вдруг я встречу их снова? Или лесные тропинки будут снова и снова выводить меня к их поселению?

Нет, чтобы выжить в чаще, иногда необходимо принимать тяжёлые решения. Даже если поводом для них была обычная трусость. Не желая оставлять рогатых совсем уж беззащитными, я дождался появления медведя за пределами поселения и, стоило громовой поступи сотрясти землю, поднял тревогу громким криком.

Вскоре община зашевелилась и стала судорожно готовится к обороне. Из-за деревьев к ним неумолимо приближался громадный ком шерсти на шести мускулистых лапах. Один его коготь был всё равно, что меч. А огромная пасть, располагавшаяся на животе, казалось могла перекусить даже ствол дерева.

Я не стал наблюдать за расправой и поспешил быстрее убраться. Пока я бежал в сторону Колодца, до меня доносились крики, адский рык и треск ломающихся зданий. Не то чтобы у козломордых много шансов... но мои симпатии на их стороне.

Охотник — По Тропе Праведников

В Тихом лесу смиряешься со многими странностями. Когда вокруг аномально всё, начиная с мелких камушков и заканчивая самими обитателями чащобы, не остаётся почти ничего, что могло бы вызвать удивление.

Даже страх неизвестного куда-то улетучивается, уступая место тотальному безразличию к окружающему безумию. Впрочем, деревья могут удивлять и порой приводить в такие места, в которых начинаешь сомневаться: а так ли ты устойчив к безумию, как считал ранее?

Я оказался как раз в таком месте, когда забрёл на Тропу праведников. Выглядела она крайне отлично от всех прочих лесных тропинок. Ибо это была не изрядно затоптанная почва, не мощённая камнем дорога и даже не легендарный путь из светящегося мха. Две стальных линии, тянувшихся параллельно друг другу бесконечно далеко вперёд, сложно вообще принять за дорогу. Можно даже подумать, что это что-то совсем несвойственное лесу, будто оказавшееся в нём по ошибке.

Металл — вещь крайне редкая под сводами крон. Его почти невозможно достать, если не повезёт наткнуться на случайно попавшего в лес бесшёрстного, у которого при себе будет что-то железное. Ну или придётся соваться в волчьилогова, и выковыривать самородки из стенок их пещер, что можно назвать ещё более невероятным способом. Конечно, обладание сталью стоит всех затрат, ибо она крошит и дерево, и кость, и камень. Но большинству лесных зверей всё же приходится искать другие способы для самозащиты.

Мой клинок как раз из тех редких экземпляров металлического оружия, которые почти не найти в пределах Тихого леса. Меня даже пару раз чуть не убили из-за обладания таким оружием. А в этих двух параллельных линиях железа на тысячи подобных мечей и они лежат себе бесхозные. Будь моих физических данных чуть больше или имей я сообщников, смог бы утащить хотя бы одну подобную балку и переплавить в оружие. А может и просто продать за огромные деньги.

Впервые жалею, что не имею друзей... Да, эта тропа явно нехорошее место, но она должна привести меня к чему-то ещё более нехорошему. А где неприятности, там, зачастую, и сокрыты ответы на все интересующие вопросы. Так что я смело направился вдоль линий, стараясь то и дело поглядывать под ноги.

Путь по Тропе был долгим, а сама она казалась бесконечной. В какой-то момент я начал видеть их... Полупрозрачные тени поглядывали на меня из-за деревьев. Они держались на почтительном расстоянии и старались не попадаться мне на глаза, но я то и дело видел странные фигуры, краем глаза. Они будто следовали за мной, терпеливо сопровождая и чего-то ожидая. Я, конечно, не стал придавать этому преследованию слишком много внимания, но на всякий случай держал кисть на рукояти клинка. Может ли металл справиться с кем-то незримым? Вряд ли, но это лучше, чем ничего не сделать.

Я так заиклился на преследователях, что даже не заметил, как спустился туман. Сначала лёгкая дымка, а затем и тяжёлые свинцовые облака, из-за которых не было видно ничего в радиусе пары шагов. Чтобы не потерять Тропу, я старался идти прямо по стальной линии, надеясь, что в какой-то момент два стальных пути не разойдутся в разные стороны.

В тумане тени стали наглее, они сновали в серой пелене, танцевали, резвились и их силуэты всё чаще попадались на глаза. Они были и спереди, и сзади, и со всех сторон. Это чертовски сильно давило на мою голову, но я упорно продолжал путь, пока из тумана вдруг

не вынырнула башня.

Огромное строение, сложенное из тёсаного кирпича также не было похоже на что-то, что происходило из пучин леса. Она скорее являлась частью какого-то иного, не столь парадоксального мира. И это пугало в ней больше всего. Я сам не заметил, как ноги привели меня к единственной двери внутрь. Чутьё подсказывало мне, что необходимо проникнуть внутрь.

Будто бы кто-то подсказал мне ранее неизвестное правило Тропы, согласно которому просто необходимо повстречаться со всеми её духами, прежде чем найти искомое. Может сам лес подсказал мне, а может я и вовсе выдумал это правило. Но факт оставался фактом — мне необходимо зайти внутрь.

Я осторожно приоткрыл дверь и очутился в тёмном помещении, едва освещаемом светом исходящим с самого верха башни. Наверх вела винтовая лестница с очень низкими и широкими ступенями, обещавшими долгий подъём. Кроме самой лестницы свет почти ничего и не выхватывал из непроглядной тьмы. Да и моё острое ночное зрение, за неимением естественного света ничуть не помогало. Я стал осторожно ступать по ступенькам, стараясь не издавать лишнего шума и смотря под ноги: местами ступени просто отсутствовали и можно было ненароком свалиться вниз.

Когда я наконец достиг верхнего этажа, то прежде аккуратно заглянул в, освещённое множеством лучин, помещение. В нём лежало множество трупов. Некоторые были покрыты шерстью и имели следы мутаций, другие же были бесшёрстными и выглядели как обычные люди. Ха! Люди... какое нелепое слово пришло мне на ум.

Впрочем, долго подумать о нелепости этого слова, у меня не получилось, ибо когда мой нос наконец немного отпустил нахлынувший зловонный запах мертвечины, я наконец заметил единственного живого обитателя этой комнаты. Огромная чёрная старая паучиха громоздилась на горе тел и вырывала волосы из головы мертвецов, а затем что-то шила из полученных таким образом «ниток».

Я вышел к хозяйке помещения во весь рост и громко поприветствовал её:

— Приветствую!

Паучиха взглянула на меня четырьмя парами глаз, активно задвигав хелицерами:

— Охотник... Пришёл увидеть? Пришёл сохранить? Пришёл съесть? Какое сокровенное желание движет тобой? Что заставляет идти по мистическому пути?

— Я хочу освободиться и выбраться из леса.

— И поэтому ты забрёл так глубоко в его чащу?

— Я вряд ли смог бы найти его край, так что решил следовать от обратного. Хотя, если честно, то мне просто повезло попасть на эту Тропу. Если она приведёт меня к свободе, я буду рад.

— А что если ты забрёл в божественный домен?

— Так ты, получается, бог?

— Получается так. Я — Судьба. И я олицетворяю неотвратимость леса и нерушимость его правил. Здесь, в тумане, живут и другие боги. Твоя судьба встретит троих, включая меня.

— Но зачем мне вас встречать? Вы можете помочь мне выбраться? Можете спасти меня из бесконечного цикла?

— Я могу только показать тебе то, что будет необходимо в дальнейшем пути. Мои братья, их ты встретишь дальше, могут помочь почувствовать и съесть. Я же дам тебе

это... — она протянула мне маленькую куклу лисы, сшитую из волос мертвецов, — Эта вещь поможет тебе видеть сокрытое.

Я недоверчиво посмотрел на игрушку, а затем на старуху:

— Почему лесное божество дарит мне подобную вещь?

— Потому что лес разделяет твоё желание сбежать. Его волей, ты можешь стать спасителем всех, кто оказался заперт внутри.

— Тюрьма, которая хочет сбежать сама от себя и надзиратели, которые помогают этому побегу... Ладно, давай сюда свою куклу.

Стоило мне дотронуться до игрушки, как меня тут же перенесло в другое место. Даже более пугающая, чем окутанная туманом башня, полная трупов.

Ибо пространство, в котором я оказался, было мне смутно знакомо. И оно также было полно тел. Тел неизвестных существ, также будто бы вынутых из моих потаённых воспоминаний.

Я стоял в центре небольшой комнаты, без окон. В ней было несколько столов со стальными коробками на них. За каждым столом, на стуле, сидело по давно иссохшему мертвецу. Лишь одно место было свободно, моё место.

В памяти, бесконечной вереницей, начали всплывать воспоминания, как я сидел в этом помещении и общался с другими существами, что были крайне похожи на меня самого. В это было трудно поверить, ибо всё что я помнил до этого момента, было связано с лесом. Я появился в нём, провёл целую вечность, охотясь на разного рода тварей и в нём же мне было суждено умереть.

А эта комната, что когда-то кипела жизнью... было чувство, что я не имел к этой жизни никакого отношения. Будто бы в мою голову впустили чужие воспоминания и настойчиво пытались убедить в их правдивости.

Здесь всё было знакомым, но в то же время, абсолютно чуждым. Я никогда бы не стал сидеть за стальным ящиком, не смог бы долго просидеть в закрытом пространстве и уж точно бы не стал работать в команде.

Если уж я что-то о себе и знаю, так это то, что я дикий зверь, которого не загнать в подобные рамки. На этом, во многом и основывается моё желание освободиться от оков Тихого леса и сбежать из него. Если все эти отзвуки прошлого правдивы, то не получится ли так, что моя единственная мечта — пустой звук?

Будто бы в ответ мне, откуда-то из-за пределов комнаты, послышался голос паучихи:

— Ты прав, это место никак не связано с тобой. И, тем не менее, оно находится внутри твоего сознания. Оно связано с твоей судьбой.

— Мне кажется, что ты морочишь мне голову! Что за белиберда?

— Всё в этом лесу имеет свой смысл. Каждая странность — всего лишь часть одной большой цепи, что в итоге должна сложиться в единое целое. Лишь тот, кто способен пройти по каждому звену этой цепочки и не затеряться, будет достоин найти выход из чащи. Ты был рождён из самой Сути и потому имеешь больше шансов, чем любой другой местный обитатель, понять в чём тут дело. А может и излечить Тихий лес... Главное, что тебе нужно — следовать за своей судьбой. Эта кукла поможет тебе УВИДЕТЬ, так что пользуйся ей с умом. А теперь просто пожелай вернуться на Тропу, чтобы продолжить свой путь.

Я зажмурился и стал настойчиво думать о тумане и двух стальных линиях. Когда я открыл глаза, то действительно вернулся на прежний путь. Башни рядом уже не было, а вот тени, вечные спутницы, всё также настойчиво копошились рядом. Я продолжил шагать

прямо, пока не набрел на маленькую хижину.

Эта избушка состояла из различных съедобных материалов, которые были чересчур цветастыми: красными, фиолетовыми, розовыми, белыми и носителями прочих неестественных для природы цветов. Разумеется, мне стоило зайти и в этот домик.

Идя по его внутреннему двору, я отломил кусочек от забора и попробовал на вкус. Сладкий, многим слаще лесных яблок.

Я постучал в дверь. Она открылась сама и пустила меня внутрь, где среди съедобной мебели, на полу, сидел беспшёрстный старик. У него было два ряда зубов и чёрные, грустные глаза. Дед сверлил неосмысленным взглядом половые доски. Когда я поздоровался с ним, он даже не отвёл глаз от них и бросил мне безжизненно: — Знаешь, Охотник, что я отображаю?

— Откуда мне знать?

— Мне думалось, что ты догадливый. И потратишь несколько меньше, чем век, чтобы понять.

— Все боги любят загадки? Если так, то я пожалуй сойду с этой чёртовой тропы.

— Если сойдёшь с неё, то скорее всего тебя заберут души убитых тобой зверей.

— Так эти тени... души тех, кого я погубил?

— Или тех, кто погибли по твоей вине. Немалую коллекцию ты собрал. Впрочем, бессмысленно сожалеть. Сожаления их к жизни не вернут.

— Я не то чтобы собирался. Я много лет жил по правилу: «Убей или будь убит». И ничуть его не стесняюсь.

— Мне нравится твоя бессердечность. Я дам тебе свой подарок.

— И какой же это будет подарок?

— Хутсуenea. С одного древнего языка это переводится, как «ничто» или «пустота».

— Ты даришь мне пустоту?

— Звучишь недовольным. Пустота это не так уж и мало. У кого-то и её нет. К тому же она поможет тебе СОХРАНИТЬ всё что ты хочешь. Даже самого себя. Протяни правую руку в сторону.

Я последовал совету и тут же почувствовал, как моя рука погрузилась во что-то мягкое, тёплое и мерзкое. Я посмотрел на свою руку и увидел, что она исчезла практически по локоть. Я всё ещё чувствовал её и легко мог двигать по незримому отвратительному на ощупь пространству. Стоило мне потянуть руку на себя, как она тут же показалась обратно, целая и здоровая.

Старик сказал мне:

— Теперь Хутсуenea всегда будет в этом месте. Можешь хранить там сколько угодно вещей. А теперь ступай прочь. Бог пустоты более не желает тебя видеть!

Он несколько раз хлопнул в костлявые ладоши и исчез, вместе со своей съедобной хижинкой. Я незамедлительно вернулся к Тропе праведников, чтобы продолжить путешествие. Но прошёл я по ней недолго.

Вскоре туман стал столь плотным, что я перестал видеть не только дорогу, но и свои собственные руки. Я будто оказался погружён в вязкую жижу. Я даже перестал чувствовать почву под ногами и скорее плыл в бездонной серой пустоте. Даже дышать стало трудно, ибо с каждым вдохом сия жидкость попадала в мою пасть. Мерзкое чувство.

Каково же было облегчение, когда я буквально вывалился из этого странного тумана в просторное помещение. Всё оно было соткано из этой жижи, даже пол. Но я не проваливался, напротив она стала достаточно плотной, чтобы по ней можно было ходить.

Только слегка пружинила.

Мебель, которая находилась в сим «облачном замке», также была создана из этого плотного газа. Хотя особенно рассмотреть её разнообразие не получалось, ибо вся она практически сливалась в единую серую массу с поверхностью стен. Разве что, пока я шёл, я пару раз наткнулся на стулья из тумана и большой стол, несильно ударившись об их упругую поверхность.

Выйдя из первого помещения, я попал в другое такое же. В нём я и встретил хозяина сих хором. На облачном троне, восседал огромный живой скелет стервятника с причудливым посохом в руках. Он заговорил, добродушно и весело:

— Добро пожаловать в мою скромную обитель, Охотник! Не представляешь, сколь долго Бог Ветвей ждал встречи с тобой! Жаль только, что ты тут ненадолго. Но я надеюсь, что пути судьбы ещё столкнут нас и не один раз. Мне интересна твоя лисья порода.

— Я испытываю странные чувства от того, что внезапно стал интересен нескольким богам. И избран ими для какой-то безумной цели... Знаешь ли, мне не вообще не нравится, что вы все меня к чему-то готовите. Я хочу сбежать из леса, чтобы не участвовать во всех ваших игрищах.

— Если бы это были наши игрища... Они скорее твои. Впрочем, лучше будет, если ты сам всё увидишь. Мои верные подданные будут ждать тебя около ХРАМА. Там ты и найдёшь все ответы. Если выживешь, само собой.

— Так почему именно я? Мне стоит ждать ответа?

— Не сейчас. Сейчас я могу сказать только о том, что ты сам себя загнал в подобную ситуацию. А мы, слабые лесные божества, пытаемся воспользоваться твоими желаниями, чтобы получить свою выгоду. Так что не строй иллюзий, друг мой. Ты мне мил, но кроме того, ты нужен мне для кое-чего более великого. В перспективе мы все можем открыть путь к свободе... Или, по крайней мере, защитим статус-кво. Что не так уж и плохо.

— Допустим. Выбора у меня, видимо, пока всё равно нет.

— С тех пор, как ты ступил на Тропу, выбор исчез. Любопытному лису опять отрубили нос.

— Опять?

— Ты поймёшь. А сейчас прими и мой дар. Возможно, самый ценный для твоего дальнейшего пути.

Он двинул костлявой рукой и моя пасть тут же заболела. У меня, один за другим, стали выпадать старые зубы и начали болезненно резаться новые, острые и крепкие. Пол поглощал старые клыки. Вскоре, боль от появления новых улеглась я смог хотя бы разогнуться:

— Что за...

— Новые зубки для свирепого хищника. Они позволят проглотить то, что не могут проглотить обычные звери. Неплохо дополняют образ, правда? Природная способность менять облик и находить потайные тропы, прекрасно дополняются бездонным хранилищем, возможностью видеть скрытое и пожирать то, что нельзя убить. С таким набором, ты, возможно, сможешь противостоять тому чего мы все здесь боимся. Бой всё равно будет неравный и мы не сможем тебе помочь. Однако, иногда и тёмные лошадки приходят к финишу. Ну да довольно, пора тебе покидать божественную землю.

Он щёлкнул костяшками пальцев и я тут же провалился в серую жижу. Выкинуло меня на свободной от тумана поляне. Поляне, что ничем не отличалась от любой другой подобной.

Тут, разве что, стояло огромное каменное здание, заросшее и заброшенное. К нему и вели две стальные линии. Оно казалось мне крайне знакомым и я точно знал, что внутри получу ответы на многие вопросы. Да и назад поворачивать было поздно...

Так что я сделал смелый шаг навстречу судьбе.

Охотник — Охота на Стального Червя

В Тихом лесу, вотчине гигантских деревьев, практически не увидишь хоть сколько-нибудь сложных рукотворных строений. Строить некому, да и не из чего. Обычные материалы здесь: дерево, листья, глина, да мелкие камешки. Можно ли из этого построить что-то сложнее крошечных хижин? Возможно. Но вряд ли звери обладают выдающимися архитектурными умениями.

Так что встретить здесь строение из некоего монолитного, похожего на камень, материала, неожиданно. Особенно учитывая громадные размеры здания. Пять этажей могут показаться чем-то вполне исполнимым, но я многие годы путешествовал по лесу и не видел ничего столь же высокого. И чего-то столь же нерастительного?

Да, долго прожив в чащобе, ты привыкаешь к странностям местной природы. К аномальным растениям, аномальным зверям, аномальной земле и тем фокусам, что они порой выкидывают. Тебя не удивляют люди вросшие в стволы деревьев, не шокируют попытки лис влезть к тебе в голову и задурманить её галлюцинациями, не трогают крики тех кого корни утаскивают в почву. А вот когда ты видишь что-то, что является доказательством возможности победы живого ума над яростью природы... невольно даже заражаешься надеждой.

Впрочем, моей главной задачей было рассмотреть сие строение поближе, изучить его изнутри и понять, что же скрывает этот странный храм в центре леса. Однако, разумеется, что всё не могло получиться просто. Обязательно должно было возникнуть препятствие, что помешает мне зайти внутрь. И на сей раз это были птицы.

Я встречался и раньше с этими тварями. Длинные когти на ногах. Гигантские крылья с чёрным оперением. Под ними четыре тонкие руки. Уродливая голова с двумя клювами, где один был чуть меньше и располагался внутри второго. Красные, безжизненные глаза по обе стороны от пасти. В самом центре груди располагался ещё один глаз, белый, что обычно держался закрытым.

Я никак не ожидал увидеть их здесь, в центре леса, в большом количестве и во всеоружии. Неужели они охраняют это здание? Но зачем? Чтобы никто не мог подняться на крышу и добраться до ветвей? Ну нет, это здание хоть и высокое, но не настолько.

Всё ещё не зная, стоит ли ввязываться в битву, я крикнул воинам, обступившим меня со всех сторон:

— Только не говорите, что этот храм под вашей защитой.

Вперёд выступил высокий ворон, увешанный золотыми украшениями с головы до пят и державший в руках металлическое копьё. Он заговорил потусторонним голосом:

— Через нас говорят деревья! И они хотят, чтобы мы остановили Стального червя. Ты должен нам помочь или червь пожрёт храм. После доброй охоты, мы проведём тебя внутрь.

— Стальногочервя? Это то существо из большого колодца, которому поклоняются козлоголовые? Оно что, существует?

— Существует. Кто-то перебил всех стражей священной тропы и их лживого бога стало некому кормить. Оголодавшее чудовище вышло из своего укрытия и направляется прямо сюда, следуя Тропе Праведников.

— Как-то неудобно вышло...

— Время столкнуться с последствиями своих решений, лисёнок. Готовься к бою, ибо он

будет непростой. Зверь покрыт стальной кожей и очень уж резв.

— Он хоть смертен?

— Нам неизвестно.

— Ну у него же наверняка есть мозг, сердце и подобные штуки, без которых он не сможет двигаться?

— Нам неизвестно. Мы никогда не сталкивались с подобными чудовищами. У тебя, как у охотника, больше опыта в победе над огромными монстрами.

— Ладно, мы вскроем этому червю его стальной череп, если тот у него есть, и выясним на деле, можно ли его убить.

Как при любой хорошей охоте, мы подготовили засаду. Птичьи разведчики наблюдали за продвижением монстра к нашей позиции. Воины заняли позиции на ветвях, по пути следования состава. Но они скорее страховали главную ударную силу — меня. Да, у меня даже сложился план убийства. И если я правильно понимал принцип работы бездонного мешка, дарованного стариком, то всё должно было получиться как надо. Стоило только встать на пути следования гиганта и с помощью моих крылатых друзей вовремя подлететь к его голове.

Ворон с золотыми украшениями, взялся меня подбросить. Он же сообщал мне о движении монстра в нашу сторону. Видимо у этих птиц какая-то особая связь, раз им для общения друг с другом не нужно даже находиться в прямой видимости. Разведчики сообщали своему командиру информацию, находясь на довольно почтительном расстоянии.

Впрочем, уже вскоре их информация перестала быть полезной. Червь двигался очень быстро и грохот его бесчисленных маленьких ножек раздавался по всему лесу. Вскоре мне в глаза ударил яркий свет, а заросли затряслись и из них вынырнуло это ужасающее создание. Оно ревели и стучало, на огромной скорости приближаясь прямо ко мне.

Я подал сигнал своему пернатому напарнику и тот резво поднял меня в воздух. Затем, когда монстр был в считанных метрах от меня, ворон, с удивительной силой, толкнул меня всеми четырьмя руками навстречу стальной голове. В полёте, я всем телом подался вправо, в сторону своего незримого мешка. И тут же, всем телом, оказался в его тёплых и склизких внутренностях. Это пространство действительно напоминало чей-то желудок или пищевод, и слава всем богам, что я находился в этом нутре всего несколько секунд, прежде чем, по моим расчётам, хранилище должно было оказаться внутри чудовища.

Вылез я также быстро, как и залез, оказавшись внутри небольшого... помещения? Да, внутренности черепа червя напоминали комнату, в передней части которой были смотровые окна, а в самом центре покоился крошечный мозг на постаменте. Вернее сам мозг то был вполне обычного размера, но скорее походил на то, что обычно лежит в черепах среднего зверя. Никак не ожидаешь увидеть что-то столь маленькое внутри столь огромной машины.

Я без лишних раздумий всадил свой клинок в мягкое сознание монстра. Он в тот же момент начал замедляться и тормозить, пока и вовсе не остановился, закончив движение практически коснувшись стен храма.

Это была победа. Довольно простая, если признаться честно. Были монстры и пострашнее. А этот вряд ли тянул на проснувшегося бога. Скорее на бешеную тварь, сорвавшуюся с цепи.

Наружу я вышел через дверь. Как ни странно, внутри этого металлического монстра она была. Даже не одна, будто это и не живое существо, а взбесившееся здание. Может, так оно и было. Это явно не то, чему я мог бы удивиться.

На выходе меня уже поджидали внезапные пернатые союзники. Ворон, увешанный золотом, с большим почтением подошёл ко мне и протянул одну из своих четырёх верхних конечностей:

— Мы рады, что ты помог сохранить храм в безопасности. Как верховные Мурмураты, мы можем дать тебе разрешение войти внутрь.

Я с неохотой пожал поданную руку:

— «Мурмураты» — это имя, самоназвание или должность?

— В Тихом лесу ни у кого нет имён. Так что это скорее титул. Титул нашего самосознания, что даёт нам право управлять Вороньей Мурмуратией.

— Странные вы, говорите всё время «мы» и «нас», будто у вас единое сознание, а потом начинаете про титулы и власть...

— Единую волю нашей Мурмуратии кто-то должен направлять в нужное русло. Иначе единая песнь быстро превратится в беспорядочный грай. Редкие птицы, вроде сов-писарей, обладают независимым сознанием.

— В общем, всё как у нас тут, на земле. Эх, я то думал что хоть у вас по другому. А тут, как ни посмотри, всё те же волки, только более высокомерные и все в перьях. Давайте, показывайте то, ради чего меня сюда привели, пока я совсем не разочаровался в жителях верхушек.

— Тогда идём. — ворон махнул крылом, увлекая за собой.

Мы вошли в монолитное строение и сразу оказались в длинном коридоре. От него ответвлялось множество проходов, но почти все они были завалены мусором или замурованы. Свободен был лишь один ход, в самом конце, в который мы и направились. Он вёл в комнату, которую я совсем недавно видел в видении. Множество столов, какие-то железные коробки на них, повсюду иссохшие тела зверей.

Я застыл в нерешительности. Во время наваждения, я не смог толком рассмотреть это место, но сейчас... сейчас казалось, что я и не должен его изучать. Даже от стен веяло смертью и разрушением. Было очевидно, что давным-давно все ужасы, что делают лес таким, какой он есть, вылезли отсюда. И, скорее всего, всё ещё прячутся где-то внутри этого ветхого здания.

Меня потянуло к месту, которое чудилось мне своим. Оно, в отличие от прочих, пустовало. На столе, кроме стального ящика, хаотично валялось ещё несколько предметов: рукописная книжка на непонятном, но знакомом языке; пара письменных принадлежностей; куча маленьких причудливых предметов, предназначение которых мне неясно.

Кроме того, среди хаоса, стояла рамка с изображением зверя, в котором я безошибочно узнал себя. Именно зверя, а не гладкокожего, образ которого я пытался сохранять. При чём сей облик не был искалечен мутациями или повреждён. Он был чист и находился в компании двух подобных существ. Видимо, раньше я не был столь дик и одинок. Или это всё же был не я?

Мысли путались в голове. Я потянулся за куклой, в надежде, что она прояснит ситуацию. Стоило мне коснуться артефакта, дарованного паучихой, как меня забросило в очередное видение. В нём, я сидел перед светящимся экраном. С него, прямо в мою голову, выводились хаотичные изображения и надписи. Я никак не мог уловить смысл сих образов, он будто уплывал от меня от недостатка информации. Но раньше я точно знал, что все они значат и даже умел с ними правильно обращаться.

Образы были следующими: «Дилемма. Отпрыски. Перерождение. Партеногенез

Единение. Логика. Генетика. Архетип. Неозтика. Гибридизация. Евгеника. Репродукция.»

Как только они закончили мелькать перед глазами, завершилось и видение. Я вернулся в реальный мир. Мурмурат пытался вскрыть одну из закрытых дверей в этой комнате. Я спросил у него:

— Что ты делаешь?

— Мы пытаемся получить доступ к тому, ради чего тебя сюда позвали. Единственное, что нам известно, так это то, что оно скрыто именно за этой дверью.

Я подошёл поближе, чтобы помочь. И тут же заметил, что рядом со стальной дверью, что никак не поддавалась рукам моего спутника, висит маленькая золотая пластинка с изображением замка. Не знаю как, но в моей голове тут же всплыло решение загадки. Я снова взялся за куклу. И увидел самого себя, что в зверином образе, своим когтем, выводил на сей пластинке причудливый узор.

Вернувшись, я сразу же повторил этот ритуал с помощью пальцев, стараясь вывести такой же узор. Как ни странно это сработало и дверь отворилась. За ней находилось просторное помещение, полное различных кнопок и рычагов. Во всю стену располагалось окно, из которого открывался вид на лес. Причём сверху, словно это помещение и не находилось на первом этаже здания, а парило в воздухе. Решив не задумываться касательно вида из окна, я подошёл к скоплению переключателей.

Странно, но надписи на них я уже мог разобрать. Один рычаг включал и выключал дождь. Другой регулировал время суток. Третий отвечал за количество воды. Это был... командный центр леса с сотнями переключателей, которые позволяют управлять погодой и даже аномалиями. Власть скрытую за всеми этими устройствами сложно было недооценить. Но ни она будоражила меня, а таинственная красная кнопка, рядом с которой был нацарапан символ с глазом.

Я просто знал, что мне необходимо нажать на неё. И я это сделал. Лес в окне исчез. Вместо него появилось огромное изображение меня. Оно двигалось и говорило, что повергло меня в шок: — Не знаю, кто из вас доберётся первым до этого места. Но я верю, что все вы сможете выжить и сохранить критически важную информацию. Начну с главного: мне... нам всем не хватило времени. Обстоятельства гораздо сильнее меня. Скоро весь персонал лаборатории сойдёт с ума. Это неизбежно, если исходить из наших расчётов. ДНК моего вида, всё наше устройство организма, не способно пережить неизбежную катастрофу без повреждений. Как и ДНК людей, впрочем.

Другой я откашлялся и продолжил, уже более мрачно:

— Чтобы не потерять шанс раз и навсегда исцелить это место, я разделю себя на несколько частей. Каждая из них будет нести кусочек критически важной информации о моих проектах. Скорее всего ты ничего не вспомнишь о процессе своего создания и не видел своих «братьев», но ты одна из этих частей. И на твои плечи, как самого резвого из моих творений, ложится тяжкая ноша. Ты должен найти прочие копии и поглотить их. Так ты получишь доступ к моим знаниям и приблизишься к решению загадки Тихого леса. Я мог бы и сразу подсказать тебе решение всех проблем, однако, буду честен, я сам не знаю что именно нужно сделать. Надеюсь, в жестокой борьбе, независимые и автономные части смогут найти окончательный ответ. Всё же, в вас лежит моё упорство и дьявольская изобретательность.

Он замялся, будто не решался сказать самое важное, но всё же взял себя в руки:

— Уж не знаю, к какому выводу тебя приведут скитания. Какой выход ты найдёшь

верным. Однако прошу, не сбегай отсюда, если вдруг наткнёшься на выход. Ты обязан исцелить лес или уничтожить его, иначе он истребит множество миров. Невинных миров, что даже и не подозревают о затаившейся опасности. И, если в тебе вдруг нет той доброты, что есть во мне, скажу, что если он уничтожит те миры, с которыми соприкасается, то тебе всё равно будет некуда бежать. Так что мужайся. Слишком многое от тебя зависит. Надеюсь, что тебе помогут местные «программы», как мы их с коллегами зовём. Существа, что являются частью местной экосистемы и управляют определёнными элементами лесной жизни. Кто-то кажется сравнивал эти программы с божествами, но не обманывайся. Это всего лишь живые регуляторы, вроде тех рычагов на панели управления, что сейчас должна быть прямо перед тобой.

Он вновь остановил монолог, задумавшись, а потом добавил:

— Напоследок, я приготовил небольшую страховку, на тот случай, если ни у кого из вас ничего не выйдет. Дела она не поправит, но страдания многих ослабит. Как только запись оборвётся и ты соберёшься уходить, активируй рычаг, управляющий дождём. Он должен будет смотреть вниз. Так ты запустишь таймер, по истечении которого прольётся дождь, что убьёт всех обитателей чащи, избавив их от всяких страданий. Может быть, так мы сможем замедлить того кто скрывается в КОРНЯХ. У тебя будет тридцать циклов, прежде чем все сомоет последний дождь. За это время ты должен будешь выследить и поглотить своих «братьев». Скорее всего, менее разрушительные дожди будут иногда происходить в лесу, забирая неосторожных зверей, но это достойная цена за возможность спасти остальных. В любом случае вынужден откланяться. Удачи на главной охоте в жизни!

Другой я исчез, а вид за окном вновь сменился на лес с высоты птичьего полёта. Первое, что я сделал — активировал рычаг. Тридцать суток на выслеживание добычи всё равно что вечность для столь опытного охотника, как я. Даже учитывая то, что охотиться в этот раз придётся на самого себя. Да и есть определённая доза здравых рассуждений в том, чтобы принести всем обитателям смерть без особых страданий. Особенно учитывая, что нас ждёт что-то очень страшное впереди. Что-то, чему прошлый я предпочтёт смерть. А я склонен доверять самому себе, как бы странно это сейчас не звучало.

Вторым моим действием, было обращение к моему пернатому спутнику, что был свидетелем обращения из прошлого:

— Я могу рассчитывать на поддержку этого вашего Мурмурата, после всего того что ты увидел?

— Бог Ветвей послал нас содействовать тебе и мы готовы помочь в любом деле. Нас не так уж и много, но сверху многое видно лучше. Кроме того, ты можешь остаться у нас, на ветвях, в качестве гостя.

— Отлично, тогда у меня к вам есть первая просьба: соберите информацию про всех Охотников, что живут в лесу. Думаю мне пора будет их навестить.

Я немного подумал, а затем добавил:

— И чёрной настойки мне достаньте! Да побольше! А то в горле что-то пересохло от всех этих странствий...

Агент Галлер — Король Волков

Доктор Догма, глава отдела пространственных исследований Федерального Агентства Разведки, говорила на инструктаже, что нам нельзя мыслить об аномальном лесе только как о своего рода чёрной дыре. Она считала, что это вовсе не материальная часть нашей реальности, в которой всё бесследно исчезает. Скорее, это некий слепок глобального вселенского бессознательного, которое являет собой первородное безумие и ужас некой разумной цивилизации. Может быть нашей, а может быть и какой-то ещё.

Стремление леса к расширению — вовсе не неосознанное и неторопливое поглощение всего окружающего мира, а вполне разумная тяга к познанию. Роща расширяется потому, что так она познаёт наш мир. И как младенец, ещё не имеющий чёткой личности и осознанного подхода к изучению, Тихий лес тянет всё попадающееся на пути себе в рот. Это базовый инструмент, который всегда даёт исчерпывающую информацию о вещи.

Также делают и акулы, что из-за отсутствия рук также вынуждены изучать новые для себя явления с помощью пасти. Едва ли им интересны в качестве еды люди, но они просто не могут иначе исследовать чуждый для себя организм, а потому нападают на нас и на вкус выясняют истинную природу инородных вторженцев в морские пучины. Догма считала, что лес тоже своего рода акула: не совсем разумная и не имеющая иных инструментов для познания.

Это хорошо перекликается с теорией о том, что эта аномалия — коллективное бессознательное целой цивилизации. Их переживания и страхи были настолько сильны, что обрели форму целого измерения. Она является родиной ужаса, сводящей с ума всех, кого касается своими ветвями.

Доктор думает, что именно из-за этого мы бесконечно теряли агентов в пучинах рощи. Мы просто пытались защитить их не от того, отчего действительно следовало обороняться. Мы одевали защитные костюмы, отправляли транспорт, использовали тросы, посылали роботов и ещё много чего использовали, полагая что аномалия несёт именно физическую угрозу жизни людей. Но теперь было решено применить иную тактику: мы решили подготовиться психологически.

Тут важно было не просто отобрать крайне устойчивых людей: ветеранов ФАР, видевших немало паранормальной жути за свою жизнь, вроде меня и моих товарищей. Скорее всего, Догма хотела дать нам своего рода путеводную звезду или маяк, что будет вести нас через "тёмный лес" вселенского подсознательного. А потому вручила нам небольшие особые медальоны в виде анатомически верного сердца, помещённого внутри лучистого солнца. Она считала, что "ДАНКО" (Динамический Алгоритм Нейронной Концентрации серии 0) поможет нам в самой критической ситуации. Однако, я не слишком верю, что какая-то побрякушка может помочь нам в изучении леса.

Впрочем, когда я оказался на мягком одеяле холодного мха, то думал уже несколько иначе. Поднимаясь на ноги и осматривая хтонический лесной пейзаж, раскинувшийся во все стороны, я уже вполне был готов поверить в теорию о том, что Тихий лес — отражение коллективного ужаса целой цивилизации. И мне бы очень хотелось, чтобы это была именно наше бессознательное. Ибо встречаться с тем, чего так или иначе бояться все люди, гораздо проще, чем узреть что-то выходящее за рамки понимания. Просто потому, что с человеческими страхами, будет гораздо меньше неожиданности.

Двое из трёх моих напарников, лежали неподалёку от меня. Мы только совершили переход в это аномальное пространство и было чудом то, что мы это пережили. Нас не разорвало, не испарило и не раздавило. Кроме того, мы оказались при всём снаряжении и недалеко друг от друга. Я не видел только агента Шафура, что должен был последним пересечь границу зоны действия аномалии. Но мне хотелось верить, что его просто закинуло чуть дальше чем нас.

Сначала я помог подняться Шире, что очнулась раньше Гора. А потом, мы вдвоём растолкали последнего нашего товарища, что выглядел несколько потерянно и даже немного напугано. Первым вопросом, который он задал, был:

— Где я?

— На задании, Гор. — сказал я.

— На... "задании"? Каком "задании"? — он всё ещё, казалось, не мог понять что происходит.

— Шира, у тебя тоже проблемы с памятью? — спросил я, обращаясь к девушке.

Та покачала головой и заключила:

— Возможно, его знатно приложило после перехода. Или... — она бесцеремонно расстегнула две верхние пуговицы его куртки и обнажила пустую грудь, — ...причина в том, что он потерял "ДАНКО".

— Думаешь, нам стоит его поискать? — спросил я.

— Нет-нет, я в порядке, правда... — сказал Гор, глядя куда-то мимо нас, — Ничего не нужно. Пусть у меня в голове сейчас гуляет ветер, я быстро оклемаюсь. Наверное воспоминания вернуться, как только шёпот прекратится.

Мы с напарницей переглянулись. Парень посмотрел на нас непонимающе:

— А вы этого не слышите? Тихое шуршание, будто кто-то колыбельную напевает...

— Это жутковатая информация... — сказала Шира, — Но едва ли мы что-то с этим можем сделать прямо сейчас. Гор уже попал под действие аномалии, так что не факт, что ему станет лучше, даже если мы отдадим ему один из своих медальонов. Да и мы, не факт, что не присоединимся к нему, если расстанемся с подвесками. Так что предлагаю следующий план действий: берём нашего беспмятного под руки, вместе находим Шафура и пробуем эвакуироваться отсюда. Именно безопасное путешествие туда и обратно наша основная задача, так что мы выполним Догмы, а уж она, думаю, выяснит что не так с Гором и можно ли ему помочь.

— Хороший план, — согласился я, — она женщина умная, лучше нашего поймёт что делать. С "ДАНКО", она вроде бы даже оказалась права.

— Если причина того, что нас не затронула потеря памяти действительно в медальонах... — заметила девушка.

— Это мы ещё выясним.

— Не хотелось бы делать это на личном опыте, однако ты прав. А теперь пойдём, нам лучше не стоять на одном месте.

Шира достала локатор, на котором отображались наши персональные датчики. Сигнал от Шафура, согласно прибору, был в нескольких километрах от нас. И мы пошли в его сторону, шурша мхом и боязливо оглядываясь по сторонам. Лес пребывал, казалось, в состоянии тотального покоя. Ни зверька, ни ветерка, не проносилось мимо. Тем не менее и я, и двое моих спутников, аккуратно осматривались, сжав в руках автоматические винтовки.

Координаты от нашего потерянного товарища то и дело изменялось. Стрелка на

локаторе металась, показывая, что Шафур то отдаляется от нас, а то напротив приближается. Казалось он ходил кругами. И мы все надеялись не попасть на такой же круг.

Хотя можно ли было вообще на это надеяться, учитывая, что мы точно сейчас находились в крайне огромной пространственной аномалии, принцип работы которой едва ли понимали? Мне почему-то сразу вспомнились муравьи. По ходу движения, они выделяют особый феромон, который помогает их товарищам находить путь. Чем больше этого феромона, тем надёжнее им кажется дорога.

Так вот, если вдруг один муравей опишет круг, пометив его этим путеводным веществом, то уже едва ли сможет выйти из него, так как будет вечно следовать за своим же собственным следом. А если к нему присоединятся и другие муравьи, которые, к тому же, будут усиливать запах от этой адской круговой дорожки и своими феромонами, то получится огромный водоворот из насекомых, которые обречены вечно кружить и кружить, и кружить, пока не умрут от усталости.

Вот нас я как раз и мыслил сейчас такими муравьями. Может, мы и не шли на адский круговорот, но ощущение того, что я вот-вот наступлю на капкан, меня не покидало. Успокаивало только то, что едва ли эта огромная роща секвойядендронов, даже будь она разумна, понимала концепт наших сигнальных маячков. То есть, можно было бы не опасаться запланированной и хитрой ловушки, подстроенной на основе наличия у нас пеленгатора.

Да, слабое утешение в подобной ситуации, но это хотя бы что-то позитивное... Особенно учитывая то, что через какое-то довольно длительное время, с момента начала нашего неспешного продвижения, Гор стало плохо. Он вдруг безмолвно упал на колени прямо передо мной. И я, и Шира, подошли, чтобы его поднять, но он вдруг так ослабел, что не смог даже опереться на наши плечи.

Молодой и крепкий мужчина, в момент обмяк и так и норовил прильнуть к холодной земле. Мы решили оттащить его к ближайшему стволу и уложить его спиной к дереву. Когда мы это сделали, я попытался напоить товарища из своей походной фляжки, однако прежде чем та коснулась его губ, Гор внезапно отхаркнул огромный ком какой-то чёрной жижи. Мне повезло, что я успел убрать руку и эта гадость не попала прямо на меня. Парень вдруг зашептал, совсем не своим голосом:

— Это начинается. Корни и ветви леса взывают ко мне. Скоро всё закончится.

Мы с Широю переглянулись, и без слов порешили то, что наш напарник сбредил под влиянием аномалии. Я полагал, что с Шафуром могло произойти что-то подобное. И он сейчас тоже где-то бродит кругами, шепча бред и отхаркивая какую-то дрянь. Если это было и правда так, то не удивительно, почему до сих пор наши экспедиции ни разу не возвращались.

То, что Гор не просто осел наземь, я понял, когда тот вдруг начал неестественно дрыгаться, будто находился в эпилептическом припадке. Шира тут же отпрянула и направила на него своё оружие. Я же лишь немного отстранился и также схватился за автомат. С нашим другом явно происходило что-то неладное. И это "что-то" могло угрожать нам всем. Рисковать было нельзя. Это было бы непрофессионально. Я кивнул напарнице и та тут же разрядила очередь в нашего бывшего друга.

Так, мы хотя бы будем уверены, что он не превратится в нечто, что уже нельзя будет взять пулями. Когда Гор обмяк, мы обнаружили, что он начал обрастать шерстью, что показывалась из-под кожи, местами отпавшей, будто скорлупа яйца. Руки его видимо стали

удлиниться, а ладони раздвигаются точно между средним и безымянным пальцами. Едва ли то, во что он должен был бы превратиться, стало бы похоже на человека.

С помощью походной сапёрной лопатки, я вырыл неглубокую могилу в мягком дернистом лесном грунте. В неё мы и положили Гора. Затем я его закопал. Шира произнесла про себя какую-то молитву. А я мысленно надеялся, что не разделю участь несчастного и "ДАНКО" спасёт нас от подобной участи.

Господи, что такого Догма добавила в эти кулоны?! Надеюсь, что-то надёжное.

Делать было нечего и мы пошли дальше, надеясь, что хоть Шафур предстанет перед нами в человеческом виде. Когда до его метки, по прибору оставалось всего несколько сотен метров, так, что мы вроде бы должны были его видеть, произошло нечто. Ледяной прорыв ветра пронёсся с той стороны, где должен был быть наш товарищ.

Вместе с ним, будто бы разом включились все те лесные звуки, что до сего момента стояли на паузе. Послышались: далёкое журчание ручейка, шуршание листвы, тихий треск каких-то жучков и скрежет костей. Последнее исходило откуда-то спереди, где ныне и без того тёмный лес, ещё больше чернел. Казалось, тьма начала обретать материальную форму, стелиться между стволами и тянуть к нам свои тёмные щупальца.

Я стоял, не смея и шелохнуться, чувствуя, что нечто ползёт к нам и бежать от него абсолютно бесполезно. Вскоре оно действительно показалось. Огромное, высотой в четверть местной гигантской секвойи, чёрное аморфное существо, венчанное белым волчьим черепом, двигалось между деревьями, подтягивая себя вперёд с помощью длинных когтистых рук. Оно приближалось неумолимо быстро, а вместе с ним приближалась его сумрачная свита: скелеты самых разных форм, едва обтянутые остатками мышц.

Среди них я заметил один, что был в форме агента ФАР и больше всех прочих походил на человеческий. Вот такая судьба Шафура постигла...

Пока я в нерешительности стоял, не зная что делать, моя напарница решила перейти к тактике "Бей, а не беги". Она вскинула свою винтовку и тут же выпустила весь магазин в сторону огромного чудовища. Все её пули потонули в аморфной тьме его тела, не причинив никакого вреда. Перезарядив оружие, девушка уверено выпустила ещё один магазин, затем ещё один.

Тут то я и решил бежать прочь: бросил автомат и рюкзак с припасами, а затем стал отступать задним ходом, стараясь не выпускать чудовище из вида. Моя напарница же перешла на свой пистолет, когда рожки автомата опустели. Казалось её захватила боевая ярость, раз она не хотела останавливаться даже видя, как бессмысленны попытки атаковать аморфную тьму.

В отличии от меня, Шира ни на шаг не сдвинулась с места, продолжая шпиговать монстра свинцом. Это её и погубило.

Длинная чёрная лапа зависла над ней и девушка тут же начала взлетать ей на встречу, будто её тянула наверх какая-то неведомая сила. Поднявшись на высоту четырёх человеческих ростов, моя спутница зависла в воздухе. Чудовище поднесло к ней вторую руку и, также не касаясь её, резко дёрнуло свою конечность в сторону. В тот же момент кожа девушки слетела, будто какой-то тканевый мешок, обнажив окровавленный скелет.

Кости эти тут же ожили и были опущены на землю, уже в виде злобного мертвеца. Мне очень повезло, что я успел скрыться до того, как этот процесс завершился. И, пока монстр отвлёкся на странное превращение, я смог зарыться в сухой мох и ворох опавших листьев между двумя толстыми корнями, образовав небольшое укрытие. Оставалось только

надеяться, что меня не заметят в этом импровизированном укрытии.

Я старался даже лишней раз не дышать, чтобы ненароком не зашуршать сухостоем, который выступил мне маскировочной сеткой. Чудовище, вместе со своей жуткой костлявой свитой, бродило рядом, не замечая моего присутствия. Видимо, оно не могло учуять моего запаха или просто не знало, как должны пахнуть люди. Или, быть может, причина тому, что произошло с моей подругой, стала её агрессия в сторону неизвестного существа?

Я старался отвлечься и не думать об ужасе той сцены, что только что наблюдал. Тут я вдруг вспомнил про "ДАНКО". Догма, кажется, говорила, что медальон может спасти меня в самой экстренной ситуации, если её теория о разумности леса верна. Учитывая, что именно благодаря её странной идее мы с Широю не последовали за Гором, возможно и сейчас доктор могла бы мне помочь.

Тем более что выбора у меня особенно то и не было. Существо никак не хотело уходить и ныне бродило здесь кругами. Видимо, я был на его территории. В царстве тьмы и мертвецов. Так что, чтобы выжить, возможно, мне не стоит бежать. Так я точно буду замечен и схвачен. А вот если бы в кулоне оказался какой-нибудь секрет...

Я начал шарить пальцем по гладкой поверхности медальона в виде сердца, пытаюсь нащупать что-то вроде кнопки или тайного отсека. К своему удивлению, я действительно нашёл крошечную кнопочку на задней стороне защитного украшения. Не задумываясь, я нажал на неё, надеясь на лучшее. Из медальона послышался тихий и серьёзный голос Догмы:

— Агент Галлер, если ты это слышишь, то скорее всего прямо сейчас находишься в опасности. Самое время, чтобы проверить мою теорию о том, что лес разумен. Глубоко вдохни и настрой своё сознание на то, что я тебе сейчас скажу. Знаешь ли ты, что является настоящим маяком для разума? Искусство и образы, заключённые в нём. Нечто известное и понятное, что ведёт нас сквозь тьму, освещая её. Кулоны, которые я вам дала, сами по себе ничего не делают. Это просто красивые блестяшки с заключённым внутри маленьким динамиком. Однако, если ты это слышишь, значит, вероятно, они защитили тебя от ментальной угрозы. Всё дело здесь в символизме. Веря в защитную способность амулета, ты не даёшь этой аномалии захватить свой разум и подвергнуть тебя своему влиянию. По сути, то, что ты держишь в руках — действительно маяк, но маяк лишь для твоего сознания. Чтобы концентрируясь на нём, оно не потерялось в тёмных дебрях инородного влияния.

Доктор откашлялась и продолжила:

— Сейчас запись прервётся, а уже через секунду прозвучит стихотворение, зачитанное мной. Ты должен будешь сконцентрироваться на его словах вне зависимости от их смысла. Если все предыдущие мои предположения верны, то столь мощное символическое влияние должно спасти тебя от текущей опасности и помочь повлиять на сам лес. Едва ли это сработает дважды или трижды, но первый раз эффект должен быть достаточным, чтобы защититься.

Спустя мгновение наступила тишина, а затем из динамика выразительно и громко было продекларировано:

"На страже наш варшавский договор...

И я на страже, над твоей постелью.

В глазах твоих, слабеющий укор.

В глазах твоих, я отражаю тенью...

-
И нас двоих, благословит лишь Тор,

Войну вести своим благословением
И под медовым опьянением,

Нести судьбы острейший топор.

-
Визионер. Я снова сбит видением:
Во все дома стучит крысиный мор.

И над тобою смерть, костлявым привидением,
Диагноз пишет словно приговор.

-
Я знаю, так тут всё и будет.

Ведь с правдой жизни бесполезен спор.
Кто мы с тобою? Мы — всего лишь люди.
Кто против нас, я знания лишён..."

Когда стихотворение закончилось, я вдруг обнаружил себя в полном одиночестве. Монстр, что только недавно бродил рядом, ныне будто бы испарился, как и его армия мертвецов. Холодный ветер больше не дул, да и скрежета костей слышно не было. Неужели какой-то дурацкий стих смог спасти меня? Что вообще сейчас произошло.

Долго подумать об этом мне не удалось, ибо стоило мне только встать, как тут же появилась ещё одна угроза моей жизни. На этот раз в виде неизвестного, что внезапно, будто из ниоткуда, появился рядом и наставил мне на горло клинок:

— Как ты это сделал? — спросил сурово человек, единственной особенностью которого было наличие лисьего хвоста.

— Сделал что?

— Телепортировал Короля Волков! А ещё, будучи бесшёрстным, пережил попадание в Тихий лес, не будучи изменённым! Я изучал эту тварь несколько дней, убедился в том, что она практически неуязвима, а ты смог пережить встречу с ней, хотя едва ли провёл здесь больше одного цикла. Да и вообще, зов корней давно должен был переработать тебя! В чём секрет?

— Почему это ты задаёшь вопросы? У меня тоже есть чем поинтересоваться, раз уж я встретил тут вменяемого человека!

— Потому что у меня в руках оружие и я тебе им угрожаю.

— Едва ли ты добьёшься от меня ответов таким способом. Так что нам нужно договариваться иначе.

— И как же ты предлагаешь выйти из этой ситуации?

— Сначала ты опустишь оружие, затем мы познакомимся и уже потом, в более приятной обстановке зададим друг другу те вопросы, которые нас интересуют. Информация в обмен на информацию и никаких угроз. Идёт?

— Звучит разумно. — сказал незнакомец и сунул свой клинок за пояс.

— Так, хорошо, теперь давай знакомиться. Моё имя Джеймс Галлер и я агент Федерального Агентства Разведки. А с кем я имею честь говорить?

— В Тихом Лесу ни у кого нету имён. Но ты можешь звать меня Охотник.

— Так что это за тварь была? — спросил меня странный бесшёрстный, когда я наконец привёл его в свой лагерь.

Мы уже успели с ним достаточно поговорить, чтобы я мог хотя бы не опасаться удара в спину. Едва ли этот парень мог представлять для меня хоть какую-то опасность. Пусть он и не подвергся влиянию леса, всё же, в плане подготовленности к местным опасностям, этот рослый и крепкий мужчина скорее походил на маленького щенка, брошенного среди хищников. Едва ли он мог бы выжить здесь без моей помощи. А я был готов её предложить, в обмен на информацию о мире снаружи и штуке, которая помогла ему пережить встречу с одним из самых жутких лесных зверей.

— Король Волков, я же говорил.

— Да, но почему оно такое... жуткое? Что оно вообще из себя представляет?

— Едва ли то, что ты видел своими глазами. Пока я его выслеживал, подметил, что он всегда предстаёт в разных обликах. Точнее, каждый зверь видит в нём что-то, чего больше всего боится. В этом его сила. Так он правит самым сильным сообществом в лесу, внушая страх тем, кто уважает лишь силу. Поэтому его так и зовут. Он действительно король у волков. А вот кем он является по факту... кто его знает?

— И кого же в нём видишь ты?

— Себя. При этом, скорее всего я не так уж далёк от истины в своём видении. Подозреваю, что этот зверь — моя копия. Я бы объяснил подробнее, но боюсь что ты не поймёшь.

— Да нет, всё и без того вполне понятно. Это твой клон, который обладает способностью менять облик. Едва ли меня это удивляет. Раньше я видел и не такое.

— Вот и хорошо, что объяснять не надо. Тогда, пожалуй, тебе следует рассказать о том, как ты его отпугнул. Это может помочь мне в дальнейшей охоте. Тебе же это явно облегчит жизнь. У тебя будет на одного врага меньше.

— Я очень надеюсь, что ты имеешь ввиду его, а не себя.

— Именно так, я пока не считаю тебя другом. Уж извини, но раньше я отлавливал подобных тебе и продавал на Грибном Рынке. И тебе очень повезло, что у меня сейчас есть дело куда более важное.

— То есть, мы не одна команда?

— Нет.

— Тогда зачем мне тебе рассказывать то, что ты хочешь узнать?

— Потому что в противном случае я оставлю тебя одного и ты умрёшь.

— Тогда ты точно не узнаешь мой секрет.

— Да, но я тогда в любом случае не узнаю того, чего хочу. Ты можешь многие циклы шантажировать меня своим знанием, пользуясь моей нерешительностью. А так я хотя бы припасы сэкономлю и душу облегчу, всяко полезней будет, чем таскать тебя с собой.

— На это мне нечего ответить. Ладно, всё дело в этом, — он достал из кармана странную подвеску в виде сердца, заключённого внутри солнца, — "Данко", изобретение доктора Догмы. Каким-то образом он мешает лесу воздействовать на меня ментально. И ещё он способен вытаскивать из передрыг с помощью поэзии. Но вроде бы только один раз.

Я взял из его руки кулон и произнёс:

— Я не понял половину слов, которые ты сейчас сказал, но я заберу эту вещь себе.

— Пожалуйста. Я снял его со своей мёртвой напарницы. У меня на шее висит такой же.

— Что-то ей он не слишком помог...

— Не думаю, что она догадалась его использовать. Всё же она была в боевом кураже.

— Да, я видел как замечательно она стреляла в воздух, высоко над головой своего противника.

— Учитывая, что она видела что-то своё, её можно понять. Догма говорила как-то, что у любого существа есть четыре стратегии выживания при смертельной опасности: побег, приспособление, бой и примирение. Каждый выбирает какую-то одну стратегию и пользуется ей всю жизнь. Она приняла битву со своими страхами. А я позорно сбежал...

Мы оба стыдливо замолчали. Я понял, что у меня есть кое-что общее с этим странным бесшёрстным. Всё же, я тоже выбрал побег. Всегда выбирал именно его. И всегда это приводило к излишним жертвам. Но только теперь, когда я взял на себя ношу спасителя леса, кое-что внутри моей черепушки поменялось. Теперь я будто несу в жертву себя самого и отступать больше некуда.

Конечно, всё это лишь ради того, чтобы по итогу выбраться из чащи и навсегда покинуть проклятые поросли. Но сам факт того, что я теперь, вроде как, всех спасаю, заставляет меня чувствовать себя виноватым за былые проступки. И вот теперь, я привёл бесшёрстного к своему костру, накормил его и был готов взять с собой. Просто потому, что чувствовал то своим долгом. Чувствовал, что иначе поступить просто нельзя.

Тем более, что у нас с ним было кое-что общее. А ещё он поделился со мной медальоном. Раньше, я бы просто узнал то, что мне было нужно, убил его, забрал обе подвески и продал бы тело в ближайшем селении. А теперь вот оно как...

Пора было двигаться дальше, попытаться ещё раз сесть на след Королю Волков. Я поднялся, закидал скромный костёр сырой землёй и предложил своему новому союзнику выдвигаться. Тот, пусть и выглядел крайне уставшим, согласился с тем, что сидеть на одном месте нельзя. Он взял своё громоздкое, странное оружие и решительно двинулся вслед за мной.

Я планировал выйти на лисью тропу и добраться до ближайшей волчьей крепости, чтобы устроить рядом наблюдательный пункт. Это едва ли было похоже на засаду. Потому что мы едва ли могли бы рассчитывать на убийство Короля Волков прямо в его вотчине. На это у нас явно не хватило бы подготовки. Нужно было собрать многим больше знаний о его повадках и возможностях. Потому что шанс у меня будет только один.

Кроме того, глупо нападать на лидера, в окружении его подчинённых. Может, волки и не самые крупные звери, которых я убивал, но в зависимости от их великого количества, их ужасающая сила растёт в геометрической прогрессии. С одним, может быть даже двумя я справлюсь относительно легко. Но что если их будет сотня? И все засядут в этой своей крепости, заманив меня внутрь?

Тогда я едва ли могу рассчитывать на длительную борьбу. Я не супергерой и далеко не бессмертный. Более того, я крайне боюсь умереть. Можно сказать, что страх смерти и двигает меня к побегу. И я едва ли могу его контролировать. Так что лучше пожертвовать кем-нибудь другим, нежели подставляться под удар самому. Тем более, теперь у меня как раз есть одна "приманка", которую можно было бы использовать подобным образом. Всё же, я привык работать один. Это моя судьба и этот бесшёрстный лишь временный союзник, возможно даже слишком "временный", чтобы о нём переживать.

Мы вышли на лисью тропу и я абсолютно не ожидал встретить кого-либо на этих аномальных дорожках. Всё же, на то это и безопасные лисьи пути, чтобы и избегать любых опасностей леса в своём нелёгком путешествии от точки А к точке Б. Но сегодня всё было иначе. Я впервые встретил другое существо на своих персональных тропах. Это была маленькая козлоголовая девочка с белой шерсткой и в рваном, потрёпанном платьице, будто бы сотканном из какого-то мешка.

Она стояла прямоком на нашем с Галлером пути и пристально гладела прямо на меня. Я спросил у странной девочки:

— Как ты оказалась в таком месте? Тебя не должно быть здесь.

— Я пришла сюда потому, что ты убил всех моих близких, Охотник. — неожиданно жёстко отрезала девочка, — Из-за тебя, мой дом разрушен, а мои родители мертвы.

Подозревая, что прямо сейчас я столкнусь с мезтью за былые проступки, я взялся за свой клинок. Козлоголовая заметила это:

— Ты и меня убьёшь? Давай, монстр, убей меня. Порадуй свою кровожадность.

— Я не собираюсь тебя трогать, если ты не собираешься нападать. — сказал я.

— Я маленькая девочка, какой вред я могу причинить тебе?

— Учитывая то, как по-взрослому ты рассуждаешь, ты совсем необычная маленькая девочка. Я не знаю, что от тебя ожидать.

— Осуждения. Это всё, что я могу тебе дать.

— А я могу тебя добить, если ты так хочешь вернуться к своим родным.

— Я не хочу к ним возвращаться. Я хочу пойти с тобой, чтобы вызывать у тебя вечное чувство вины.

— Я не набираю команду убогих. Я вообще команду не набираю. Особенно склонную к деструкции.

— Ты так просто бросишь последствия своих предыдущих решений?

— Без особых зазрений совести. Мне нет дела до тех, кто пытается вызвать у меня сожаления о своих поступках. В конце концов, я их уже совершил. Сколько бы вы все не плакались, я всё равно ничего не исправлю.

— Но ты ведь можешь страдать, вечность сожалея о содеянном.

— Едва ли я способен сожалеть. Только не в Тихом лесу. Сожалеющий зверь — мёртвый зверь. И тебе стоит это понять, если ты планируешь вырасти и выжить. Боги и монстры едва ли будут тебя жалеть. Другие звери точно не будут. Вот и выбирай, ожесточиться тебе и быть в безопасности или получить нож в спину.

— Ты сам его получишь, этот нож. Рано или поздно.

— Может быть. Но не стоит думать, что я не буду к этому готов.

— Не будешь.

Я слегка обернулся и махнул рукой своему спутнику, в знак того, что нам пора продолжать путь. Когда я снова посмотрел на то место, где стояла девочка, её уже не было. Она будто бы растворилась в воздухе или и вовсе привиделась мне.

Я старался не думать об этом, ведь это далеко не самое странное, что я видел в лесу. Стоит ли удивляться маленьким мстительным козлоголовым девочкам?

Однако вскоре моя беспечность сыграла против меня. Пророческими оказались её слова о предательстве. Ибо уже совсем вскоре после странной встречи, я услышал странный щелчок за своей спиной. Как только я развернулся, так практически сразу же пугающее оружие моего спутника метнуло огнём прямо мне в грудь. Стальной зуб, вылетевший из

ствола отрикошетил от стального нагрудника, который я носил под одеждой и который мне выдали вороны в качестве платы за спасение их дорогого храма. Тем не менее, удар всё равно был чудовищной силы и я пошатнулся, еле удержавшись на ногах.

В глазах моего спутника явно читалось удивление тем, что ему не удалось насквозь прострелить мою рёберную клетку. Я, если честно, тоже был этим удивлён, но долго восхищаться крепостью птичьей стали, мне не стоило. Надо было действовать и я стремительно сократил дистанцию до моего внезапного противника. Однако он, также быстро, со скоростью, вообще не свойственной бесщёрстным, стал отступать. Более того, после одного предательского выстрела он побежал от меня прочь, удивительно ловко петляя по лисьей тропе.

Я побежал в след за ним, удивляясь, что тропа ведёт его ничуть не медленнее, чем меня. Да и как он вообще мог идти по тропе, если никому, кроме моей породы они недоступны?

Человек бежал быстро. Даже слишком быстро, я почти потерял его из вида и, вдруг, снова обнаружил, но уже настороженно водящим своим пугающим оружием по сторонам в поисках меня. Было странно то, что он не знал что меня стоит ждать со спины и атаковать именно в этом направлении. Однако, это играло мне на руку. Я мог подобраться к нему гораздо ближе.

Галлер выкрикивал изошрённые ругательства, призывая меня "показаться". Я же залез внутрь своей бесконечной суммы, всем телом подавшись вправо и забравшись в мерзкие, но тёплые внутренности своего странного хранилища. Я ориентировался в пространстве по крикам своего соперника, аккуратно ползя по тёмному склизкому пространству. Выход всё время находился по левую руку от меня, так что я был способен выйти в любой момент.

Когда гневные возгласы оказались прямо слева, я взял клинок и нанёс точечный колющий удар. Предсмертные хрипы стали чётким подтверждением того, что я попал. Выйдя из своего укрытия, я оказался прямо над мёртвым телом моего товарища. Сзади послышался едкий смешок. Развернувшись, я увидел другого Охотника, то есть себя самого.

— А ты умеешь преподносить сюрпризы, верно? Мне думалось, что он сможет убить тебя своей жутковатой пушкой. — сказал он.

— Его винтовка не смогла пробить мой панцирь. — я постучал по броне, всё ещё спрятанной под плащом.

— Это была не его винтовка.

Охотник поднял свой балахон, обнажив рёберную клетку, а затем слегка надавил рукой себе на грудь, достав одно из своих рёбер так просто, будто доставал меч из ножен. Подбросив его в воздух, поймал он уже точную копию оружия Галлера:

— Едва ли моя точная копия обладает такой же убойной мощью, что и его оружие. Так, может разве что с сильно ударить.

— Ты целился мне в солнечное сплетение, надеясь вывести из равновесия?

— Да, выигрывал время.

— Чтобы было больше времени нас сравить?

— Именно. Но, видимо придётся разбираться со всем самолично. Всё же даже первый мой план предстать перед тобой в виде убиенной по твоей вине девочки, чтобы затем тебя убили "последствия твоих решений", не удался. Хотя на мой вкус, он был самым ироничным.

Я сразу догадался, зачем мой враг показался прямо передо мной и сейчас рассказывал свой план. Клинок всё ещё был у меня в руках, так что я не задумываясь с разворота нанёс удар тому, кто приближался сзади, вооружившись костяным ножом. Это был ещё один мой

клон. Вернее сказать, это была копия моего клона. Да, всё действительно становилось запутанно.

— А теперь ты пытался меня заговорить, чтобы получить возможность нанести удар сзади. Ей богу, если бы я не задумался о том, что ты не мог одновременно быть в двух местах, стравливая и меня, и Галлера, я бы уже был мёртв.

Другой Охотник проронил хриплый смешок, держась за шею в том месте, в котором я уколол его клона:

— Я и не рассчитывал на меньшее упорство. В конце концов, мы с тобой схожи в своей хитрости. Мы много в чём схожи и это мне крайне неприятно. Так что скажи, схожи ли мы в решительности? — он слегка отряхнулся и достал из-за пазухи костяной клинок, подобный моему.

— Более чем. — я также приготовился к атаке, понимая что кость перед металлом не устоит.

Хватит всего одного удара, чтобы его меч треснул. И я был готов его нанести. Сначала мой оппонент начал было просто сближаться со мной, сохраняя визуальный контакт и будто испытывая мои нервы. Однако затем он внезапно бросил на землю два гриба волчьего табака. Они взорвались, выпустив огромное облако спор, закрывших мне обзор.

Я отскочил, не желая получить удар из этой дурно пахнущей завесы. Моему же сопернику только это было и нужно. Он кинул в мою сторону своё костяное оружие, вылетел из дыма и поднял лежавшую на трупе бесшёрстного пушку. Когда я переломил жалкий костяной клинок отразив его в полёте, на меня уже смотрело тёмное тонкое дуло. Этот гад опять меня перехитрил...

Я снова рванул всем телом вправо, однако несколько разгорячённых стальных зубов были многим быстрее и успели вонзиться мне в руку и ногу, прежде, чем я спрятался в своей безопасной сумке. Оказавшись в укрытии, я порвал рукав своего плаща на пару бинтов. Затем, припрятанным ножом, я аккуратно выковырял застрявшие зубы из своей плоти и туго перевязал раны, чтобы они не кровоточили. На лисах быстро всё заживает, но эти раны ещё знатно поболят...

Гораздо хуже, что у этого моего "брата" было теперь столь разрушительное оружие. Учитывая, как просто он меня сделал, мне думается, что добраться до него теперь будет не так уж и просто. Особенно зная, что он умеет ходить по лисьим тропам и столь быстро и точно менять свою внешность. Вероятно, ещё он может плодить клонов. Это пока всё, что я знаю о его силах. Но это не значит, что все они заключены лишь в этом.

Я уверен, что у него ещё достаточно сюрпризов и секретов, с которыми будет не так уж и просто совладать. А совладать с ними надо, ибо его мне необходимо убить также, как и Короля Волков. Учитывая, какую прыть он проявил, боюсь представить что мне ждать от повелителя Волков... А если третий мой клон, о котором я пока ещё ничего не знаю, сильнее их обоих вместе взятых?

Вероятно, я и вовсе самый слабый из всех четверых. Но это вовсе не значит, что у меня нет шансов. Просто они ничтожно малы. А ещё, перед новой встречей с этим... Как бы его назвать? Пусть будет Трикстером. Это имя ему подходит.

И перед следующей встречей с ним, я тоже заготовлю парочку приёмов. Уровню наши шансы и нанесу решающий удар в тот момент, когда он не ожидает. Или, по крайней мере, заставлю его спуститься на мой уровень и принять "честный" бой. В конце-концов, если я хочу сбежать из леса, то мне просто необходимо победить их всех, а затем пожрать их силы

и воспоминания. Только так я докопаюсь до сути. Только так можно выжить в этом месте.

Жить полной жизнью можно лишь ценой своего «я». Герман Гессе, "Степной волк"
Сказание третье — Охота на самого себя

Прочие звери мало что помнят о своём прошлом. Лес проникает в их сознание и стирает все воспоминания. Однако, я не такой. У меня кое-что осталось из прошлого. У меня осталась моя память. Да, это скорее обрывочные образы из прошлого, но с ними у меня вполне получается создать более-менее полную картину о том, что происходит.

Так, я всегда знал, что в лесу живут иные версии меня. Теперь я ещё знаю то, что одна из версий начала выслеживать другие. Очевидно, что он собирается убить нас и остаться один в этом лесу. Но зачем? Почему вдруг мы не даём ему покоя? К чему убивать тех, с кем можно было бы сотрудничать?

Даже проследив за ним долгое время, я так и не смог найти чёткого ответа. Временами он просто пропадал из моего поля зрения. А потом, кроме всего прочего, ещё и стал якшаться с птицами! Интересно, как он смог так легко заполучить таких сильных союзников?

Очевидно, что они придут к нему на помощь, в случае чего. Кто-кто, а вот птицы своих не бросают и старых обид не забывают. А это значит, что даже заполучив в свои руки оружие чужака и имея возможность замаскироваться, я всё равно в положении жертвы. Особенно учитывая то, что мой соперник откуда-то получил способность исчезать из видимого мира. И ладно бы этот Охотник использовал бы её лишь для трусливого побега. Но нет! Он может и атаковать из ниоткуда, что при его хитрости может плохо для меня закончиться. Кроме того, может я видел ещё и не все его способности...

В общем, я его, конечно, победил, но только временно. Он вернётся и при следующей встрече убьёт меня. Разве я могу это допустить? Позволить ему нарастить силы? Разумеется нет. Инстинкты и здравый смысл едва ли позволят мне просто так сдаться, даже при виде столь значительной угрозы.

У него есть оружие? У меня тоже есть и даже многим более опасное. У него есть способности? Я тоже кое в чём хорош и, верно, многим хитрее своего врага. Он обладает сильными союзниками? А вот тут, как раз, у меня есть определённая недоработка. Мне тоже нужны сильные друзья, которые могли бы прикрыть спину. Нужно выставить что-то равноценное птицам. И тут вариантов у меня немного.

Я пришёл к лесному колоссу. Он, мрачный, четырёхрукий, дородный, сидел в своём обычном месте, среди погнутых, исписанных рунами, деревьев. Моя охота не так давно завершилась, а потому нет ничего удивительного, что я так легко нашёл его. Кроме того, у меня как раз была более чем щедрая жертва лесу.

Когда одна из огромных лап протянулась ко мне, я сразу же водрузил на неё отрубленную голову бесшёрстного. Рука, вместе с даром, быстро поднялась куда-то вверх. Затем, ко мне обратился громогласный голос, раздававшийся прямо у меня в голове. Он сказал:

— Это очень щедрый дар лесу. Ты хочешь что-то за него получить?

— Я хочу найти одного Охотника, похожего на меня.

— Чтобы найти кого-то в лесу, надо обратиться к птицам и их богу. А ты, кажется, у него не в почёте. Едва ли одной головы бесшёрстного хватит для того, чтобы они были

обязаны тебе помочь.

Другая лапа гигантского существа раскрылась передо мной, требуя иного дара. Я без сомнений достал костяной нож, взялся за своё ухо и резким движением отделил его. Было чертовски больно, но я аккуратно перевязал кровоточащую рану повязкой, а затем положил обрубок на ладонь. Голос вновь прозвучал в моей голове:

— Жертвуя свою плоть, ты жертвуешь своим врагам кусочек своей души, обязывая тем самым помочь тебе. Смелый ход. Кроме того, твоя решимость вдохновляет лесных богов. Так что птицы помогут тебе. Скажут где тебе искать собрата. Но кого из троих ты хочешь найти?

Я задумался. Пусть соблазн и был велик, мне явно не стоило встречаться с тем, кто нас убивает. Он, может, и ранен, но явно уже ожидает моего нападения, да и силы в этот раз могут оказаться неравны. Затем я подумал о Короле Волков. Пусть он злобный и сам себе на уме, но даже с ним можно было бы объединиться перед лицом общей угрозы. Правда, для этого с ним надо поговорить, а после прошлых наших встреч, он едва ли подпустит меня к себе. Так что у меня был всего один возможный вариант.

Конечно, я изначально хотел найти именно его, но всё же, перед принятием подобного решения стоило взвесить и альтернативные варианты, чтобы убедиться в том, что ничего другого у меня просто не остаётся. Только с ним я могу договориться. Только он всегда меня понимает. Только его силы могут значительно перевесить баланс сил в мою сторону.

Я сказал гиганту:

— Я хочу найти Агнца.

— Благоволением Ветвей, лисья тропа выведет тебя к нему.

— Спасибо. Я очень признателен за помощь леса.

Стоило мне отойти от гиганта, как ноги сами вывели меня на тропинку. Я шёл по ней долго. Она петляла, извивалась и всё никак не хотела заканчиваться. И вот, я наконец в логове Агнца.

Просторная поляна, укрытая простынёй высокой травы и люминесцентных цветов, пребывала в тишине. Зелень здесь была многим выше меня и представляла собой настоящее зелёное озеро, в которое можно было только погрузиться с головой и плутать, в надежде наткнуться на хозяина этого укрытия. Что ни говори, а маскировался Агнец ничуть не хуже своих собратьев.

Шаг мой был твёрд и я смело зашёл в высокую траву. Зелёные колосья нежно шуршали, колышась на ветру. Они прогибались под моим наступлением только для того, чтобы вновь встать в строй за моей спиной, укрывая меня от внешнего мира. Я шёл строго вперёд, порой посматривая под ноги, чтобы не упасть. Мне ужасно не хотелось стать удобрением для этой поляны.

Человеческая винтовка лежала у меня в руках, готовая выплюнуть несколько раскалённых стальных зубов по любой опасности. И уже вскоре её пришлось применить. Прорываясь через волны создаваемые зеленью, я вдруг наткнулся на необычного зверя.

Он стоял весь в крови, среди травы, понутив голову, которая парила над шейей, никак к ней не присоединяясь. Стоило мне на него наткнуться, как зверь ожил и, двигаясь так, будто бы был подвешен на невидимые нити, как марионетка, развернулся и пошёл на меня. В каждом его шаге была какая-то неестественная искусственность, будто он пытался нелепо парадировать движения живого существа и от этого становилось как-то не по себе.

Не сильно думая о последствиях, я выстрелил прямо по висевшей в воздухе голове зверя. Та отлетела, а существо всё равно продолжило своё жутковатое наступление. Я стал

отступать. Следующая пуля полетела ему в сердце, но и она лишь оставила дырку в груди. Я уже хотел броситься бежать в другую сторону, чтобы попытаться обойти существо и избежать драки, однако в тот же момент наткнулся спиной на ещё одного зверя с "парящей головой".

От ужаса я отпрыгнул в сторону. И вот уже две жуткие марионетки наступали на меня, уводя от намеченной тропы. Теперь я рисковал потеряться на этой аномальной поляне или и вовсе, быть загнанным в какую-нибудь ловушку. Но что-то поделать было поздно. Тем более, что существ вдруг стало три. Я продолжал уверенно пятиться, держа тварей на мушке. Их стало сначала четыре, потом пять.

Одна за одной они показывались из высокой травы, неестественно дёргаясь и уверенно следуя за мной. Пора было что-то предпринять, пока я не оказался окружен. И я решил пойти в ва-банк, открыв огонь по коленям существ. Стальные зубы легко пробивали их коленные чашечки, заставляя согнуться и рухнуть на землю. Сами выстрелы едва ли наносили хоть сколько-нибудь существенный ущерб их телам, но вот падения...

Стоило жутковатой твари упасть на землю, как та тут же пожирала их, плотно обхватывая корнями и утаскивая куда-то в грунт. И вот, преследователи закончились быстрее, чем мой магазин.

Тут же я вдруг вышел на небольшую площадку, чистую от травы. Там меня и ждал хозяин всей поляны.

Это была красивая девушка с лисьими чертами, что сидела на холодной земле и что-то кропотливо плела из крапивы. На её голове громоздился цветочный венок, а тело покрывало платье из воздушной ткани. Ничего, в сущности, не изменилось с моего прошлого появления на этой поляне. Не отвлекаясь от своего занятия, девушка сказала:

— Ты, Трикстер, кажется только что по кое-кому стрелял?

— Я так понимаю, что это были твои друзья...

— Они хотели лишь проводить тебя сюда.

— Тогда им следовало говорить об этом несколько яснее.

— Но они же в итоге справились со своей задачей, верно?

— Наверное, можно и так сказать. Я надеюсь, что не сильно им повредил.

— Что ты, нет! Они просто вернулись туда, где и живут всё время — под землю. Просто твои действия были исключительно... невежливыми.

— Если это самое страшное из того, что сейчас случилось, то я пожалуй сразу перейду к делу, ради которого я пришёл. Дело в том, что я...

Вдруг агнец подняла свой указательный палец, остановив меня на полуслове. Она наострила уши и настороженно оглянулась:

— Кажется самое страшное то, что ты кое-кого привёл... Пернатые пожаловали в гости! — она вскочила на ноги.

— Птицы? Видимо они проследили за мной! Не стоило обращаться к ним за помощью!

— Да уж, это было глупо, чем бы ты им там не насолил. — девушка едва ли осуждала меня своим замечанием, — Но уже ничего не поделаешь. Придётся отбивать их нападение.

Я перезарядил автомат и уже морально настроился на битву, однако моя собеседница жестом меня остановила:

— Сядь. Я сама разберусь с незваными гостями.

Я послушно уселся на землю, сам не зная почему. Девушка хлопнула в ладони, вокруг неё, из рыхлой земли, стали вставать звери с парящими головами. Они двигались всё также

неестественно, но на этот раз ещё и несли в своих руках причудливые музыкальные инструменты самого разного вида. Когда Агнец хлопнула второй раз, зазвучала музыка. А у самой девушки из туловища вышло две дополнительные руки. Третий хлопок, совершённый уже двумя парами лап, прозвучал тогда, когда над поляной уже показалось бессчётное множество пернатых.

Они слетались на это поле, будто саранча, все облачённые в броню и вооружённые мечами. Они слетались, уверенные, что в своём множестве, смогут легко победить владычицу этого тихого места. Но та разрушила их ожидания, начав свой разрушительный танец.

Двигаясь в такт мистическому ритму и рисуя в воздухе причудливые узоры своими четырьмя лапами, Агнец призывала на свою защиту силы самого Леса. Из дёрна стали подниматься шипастые лозы в бесчисленном количестве. Они дёргались под ритм и быстрыми темпами поднимались в воздух. Пернатые налётчики, летевшие первыми, при виде этих странных растений в растерянности остановились. Однако они едва ли успели что-либо понять, когда тернии резко бросились в их сторону и мгновенно обхватили их худые тела, ибо уже в следующее мгновение с десятков схваченных птиц были швырнуты об землю со всей дури.

Павших тут же утащили под землю корни, чтобы уже через мгновение выпустить их перерождёнными: марионетками с парящими головами. Только убитые взлетели и бросились на своих бывших товарищей. Тем временем жуткий танец Агнца продолжался. Она плясала, синергируя с окружающим хаосом, и, своими плясками, режиссировала его.

Так, на головы сражавшихся с живыми мертвецами, вдруг пролился дождь. Крупные кислотные капли обрушились на поляну из внезапно собравшихся грозových облаков. Они буквально превращали в решето тех несчастных, на кого попадали. Ибо каждая капля прожигала в живом теле небольшую сквозную дыру. Не обошло это и крылатых зверей, с парящими головами, но они переносили подобные повреждения многим проще, своих живых противников. Им просто было всё равно на медленное растворение собственного тела.

Дождь не шёл только на том участке, где находились мы с Агнцом. Так что я имел счастье не почувствовать влияние разрушительной стихии на себе. А вот птицы, спасаясь от кислотных капель, пытались сокрыться в высокой траве, резко пикируя вниз. Но тех пернатых, которые на это решились, вскоре ждал иной удар. Из туч вдруг промелькнула яркая молния, упавшая в зелёное море и подпалившая его. Синим огнём запылала зелень, сжигая вместе с собой тех, кто осмелился скрыться у земли.

Страдальческие крики ударили мне в уши. Запах палёных перьев забил чуткие ноздри. Ужас от жестокости Агнца заполнил череп. Я застыл, созерцая не столько её танец, сколько окружавший фон: под свинцовыми тучами из которых льётся смертельный дождь, живые бьются с мёртвыми товарищами, а под ними расстилается бездна синего пламени. По моей щеке невольно пролилась скупая слеза, от вида тех мук, которые переносили мои враги. За ней прокатилась другая слеза, от осознания того, что на эти страдания их обрёл я.

Когда всё закончилось и дождь успокоился, из нападавших уже не осталось никого. Все они были поглощены прожорливой землёй поляны и, скорее всего, переродились в очередных марионеток. Огонь в поле потух, Агнец успокоилась и села наземь, как ни в чём не бывало, снова взявшись за вязание. Она посмотрела на меня крайне невинным взглядом и сказала:

— Так, почему пернатые за тобой следовали?

Я не сразу смог подобрать нужные слова после увиденного, но вскоре взял себя в руки:

— Именно из-за этого я к тебе и пришёл. Кое-кто открыл на нас охоту.

— Охоту неудачную, стоит думать... — сказала она, как бы намекая на то, что у пернатых не удалось нас пересилить.

— В том то и дело, что на нас охотятся не только птицы. Они почему-то помогают одному из наших братьев.

— Неужели у них есть что-то общее с Королём Волков?

— Если бы.

— Значит, что на нас охотиться тот Охотник-Изгой? Но мне всегда казалось что ему нет до нас дела. Более того, я думала, что он единственный из нас, кто не знает о других своих версиях.

— Теперь, видимо, кое-что поменялось. И он решил нас всех убить. Я встретился с ним, когда он выслеживал Короля Волков. Буду честен, я всё-таки смог его перехитрить, но далеко не сразу. Кроме того, пусть я и победил на этот раз, у меня есть стойкое ощущение, что он ещё нарастит свои силы. И, в следующий раз, мне уже может так не повезти. Учитывая, что у него за спиной есть сильные союзники и некие ещё неизвестные мне силы, я могу точно сказать, что он является угрозой для всех нас.

— И ты пришёл ко мне, потому что я буду готова объединиться с тобой против общего врага, в отличии от Короля Волков?

— А ты и правда будешь готова?

— Да. Это действительно звучит, как серьёзная угроза. И мы, едва ли можем позволить ему нарушить баланс сил, чтобы он там не задумал. Да и ничего хорошего от Кин-Кут не жди.

— От... кого?

— Ты разве не знаешь? Хотя, может, память об этом досталась лишь мне одной... В любом случае, я расскажу тебе кое-что о душе, а также о том, что её можно разделить на четыре части. Обладая кое-какими воспоминаниями о прошлом, я давно подозревала, что мы четверо можем быть частями одного целого. Осколками одной души. Наш Охотник-Изгой хочет не просто убить нас. Я подозреваю, что он для чего-то хочет собрать кусочки, извлекая их из наших тел. Из моего тела он сможет извлечь Ийэ-кут или материнскую душу, то есть ту часть естества которая отвечает за связь с землёй, семьёй и истоками всего. Из тела Короля, он извлечёт Виа-кут или биологическую душу, которая отвечает за все телесные функции и физическую силу. Из твоего он извлечёт Аш-Кут или душу ума, которая отвечает за знания и чувства. И вот, обретя недостающие фрагменты, он обретёт не только наши силы, но и целостную личность.

— Это звучит всё не так уж и плохо.

— Если не знать, что в этом единении будет править бал именно он, а не мы. Его аспект — Кин-кут, что меня пугает, ибо является моей полной противоположностью. Я символизирую рождение и исток души, он же воплощение разрушения и смерти. Чтобы он не задумал, мы не можем позволить править бал смерти. Только так мы сохраним и лес, и нас самих. Вернее сказать, ты сохранишь.

— Я?

— Да. Потому что ты меня съешь.

— Прости, что я должен сделать? — сказал ошарашенный Трикстер.

— Съесть. Меня. Так мы сможем объединиться

— Разве вдвоём мы не справимся лучше, чем если я буду действовать совсем один?

— Это работает не совсем так, как ты думаешь. Кроме того, рано или поздно это всё равно должно будет произойти. Кто-то из нас четверых должен будет получить силы и разум остальных. В данный момент, мы максимально близко подошли к этому. Король или Изгой, вполне могут поглотить друг дружку, пока мы будем пытаться наступить им на пятки. Тем более, если мы будем действовать по отдельности. А это значит, что у них будет внушительное преимущество, а кроме того, абсолютно испорченное мировоззрение. Холодная злоба смерти и волчья мрачная гордость — ужасающее сочетание! А если они будут доминировать над нашими личностями? Или и вовсе, наши личности уйдут в небытие, даровав им лишь силу? Я готова расстаться с жизнью, при условии, что в итоге ты сможешь их пересилить. Потому что у тебя, хотя бы, есть чувства и сомнения, а значит, что ты точно не причинишь вреда лесу. Мы должны сохранить статус-кво!

— Может... Может ты и права... — он явно всё ещё находился в сомнениях, касательно моего предложения.

— У нас нет выбора. Мы должны остановить Изгоя, чего бы нам это не стоило. А потом уже заняться Королём. Давай, — я взяла смертоносное окончание его странного оружия и приставила к своей груди, — Убей меня. Не хочу чувствовать боль в тот момент, когда ты будешь поедать моё тело.

— Я не могу вот так.

— Ты должен. Стреляй, я не буду сопротивляться.

Раздался громогласный хлопок. Я почувствовала нарастающую боль в своей груди. Было нестерпимо ощущать такой прилив страданий. Сознание медленно утекало от наплыва эмоций и я совсем перестала ощущать своё тело. Всё, что было ниже головы, просто в миг испарилось. Мир кругом завертелся, контраст между светлым и тёмным стал невыносимо большим. Всё окружающее в миг превратилось в мельтешащие белые и чёрные пятна.

Затем раздался мерзкий писк, перекрывший окружающий шум. Пространство и время сложились в трубочку, перестав иметь какое-либо значение. Мельтешащие пятна вдруг сложились в чёткую картину: чёрные стали стенами, полом и потолком, а светлые кругом света в конце чёрного туннеля. Не ощущая своего тела, я пронеслась по этому туннелю к свету.

За ним скрывался просторный зал, будто бы построенный из серых туч. В этом зале, на облачном троне, я рассчитывала увидеть птичий скелет — Бога Ветвей. Он был известен, как владыка загробного царства. Да и его вотчину описывали точно так, как это помещение с внушительным тронем. Однако, здесь его не было. Вместо птичьего владыки, на троне сидел странный лис с черепом надетым на голову.

Ну как сидел, скорее даже лежал, вольготно положив спину на один подлокотник, а ноги на другой. В правой руке он вертел небольшую золотую корону, похожую на ту, которой обладал Король Волков, и, казалось, даже не заметил моего появления. Однако уже вскоре он обратился ко мне, не отвлекаясь от своего занятия:

— Агнец-Агнец, как же приятно тебя видеть во время "Гибели эго"! Уж не думал, что

ты будешь первой, кто здесь окажется.

— Где я? — попыталась произнести я, но не услышала своих собственных слов.

Тем не менее мой таинственный собеседник, кажется, меня понял:

— Ты мертва, но ещё не совсем. Конечно, уже ничего нельзя сделать. Однако твоё сознание ещё какое-то время будет жить. Для мира это всего лишь пара секунд, но вот для тебя — целая вечность. Теперь ты в палатах своего собственного умирающего мозга. До той поры, пока ты не решишь наконец переступить черту, ты можешь пребывать здесь, в этом забавном слепке из предрассудков о загробной жизни и былых воспоминаний. А как всё же решишь закончить последние самокопания, так я отведу тебя к лодке. На ней ты сможешь покинуть это место и отправиться дальше.

— Кто ты такой? — всё так же беззвучно спросила я.

— Я? Это довольно сложно объяснить. По крайней мере я вряд ли смогу сделать это так, чтобы тебе вдруг всё стало понятно. Сойдёмся на том, что я твой проводник. И мне было бы интересно взглянуть на твои воспоминания. Точнее на ВАШИ воспоминания. Ибо долгое время судьба у вас четверых была общей, пока в один день не была вдруг разделена. И каждый из вас, кусочков одной личности, пошёл своей дорогой. Твоя вот, привела тебя сюда. И это мне тоже интересно. Почему же ты на самом деле решила пожертвовать собой? В то время как твои братья цепляются за свою жизнь, ты так просто позволила забрать у себя всё и отправилась бороздить неведомый океан смерти. Это не могло быть просто рациональной необходимостью.

— Я помню кое-что, чего они не помнят.

— Каждый из вас помнит что-то такое, чего не помнят остальные. За исключением, пожалуй, Изгоя, ему не повезло вообще ничего не помнить. Королю ведомы визуальные образы прошлого и его идеалы. Трикстер, который также зовётся Небыль, помнит чувства и эмоции былого. А вот тебе ведомы сами события, без прочей конкретики. Может быть, всё дело в них?

Я попыталась вспомнить конкретную причину, по которой я так легко рассталась с жизнью. Но почему-то мысли настойчиво не хотели лезть в голову. Если у меня вообще сейчас была голова.

— Не можешь припомнить? — спросил незнакомец, — Ничего страшного. Здесь, внутри твоего сознания, мы можем всё посмотреть воочию.

— Ты сможешь показать мне мои воспоминания?

— Нет, это ты сможешь мне их показать. Мы же в твоём мозге, а не в моём. Просто визуализируй себе место, где мы сможем абстрагировано наблюдать за происходящим.

— Как я смогу визуализировать, если даже не могу закрыть глаза?

— Так же, как ты можешь говорить с закрытым ртом. Ибо, фактически, они у тебя уже закрыты и всё что ты видишь — игры твоего испаряющегося сознания. Так что просто перевизуализируй эту картину на иную.

Я попыталась представить место, где можно было бы наблюдать за собственной жизнью со стороны. И представила себе театр. И вот, я уже сижу в кресле, перед небольшой сценой. Рядом, на таком же кресле сидит мой странный собеседник. Он, закинув ногу на ногу, ткнул пальцем в сторону помоста и сказал:

— Ну что, на что посмотрим в первую очередь?

— Предлагаешь выбрать из чего-то?

— Скорее интересуюсь программой.

— Надо понять, наверное, с чего всё началось.

Я попыталась выудить из памяти тот самый переломный момент из моей былой жизни. В тот же момент на сцене появились четыре деревянные марионетки. Вместо лица, к каждой была приклеена бумажка с текстом: "отец", "мачеха", "сын" и "пришлый". Усилием воли я оживила эту странную сцену. Активно жестикулируя, первым "говорить" (его слова просто материализовались текстом прямо в воздухе) начал пришлый:

— Поймите, ваш ребёнок обладает незаурядным талантом, который мог бы пригодиться нашей компании. Мы обеспечим ему прекрасное будущее в дали от местной разрухи. Как я уже говорил, вероятнее всего вы его уже никогда не увидите. Однако, будьте уверены, что он делает благое дело для всего нашего народа. А что хорошо нам, то хорошо и вам.

— Он никуда не поедет! — сказал отец, — Его место здесь, с его семьей. Его задача: восстанавливать мёртвый мир вместе с нами.

Тут в разговор вмешалась мачеха:

— Давай отпустим его. Он здесь лишний. Кроме того, он опасен для других наших детей, потому что он вышел весь в свою мать.

— В тебе говорит лишь ревность. — сказал марионетка-отец.

— Во мне говорит здравый смысл, а вот в тебе только былые чувства к его матери. Ты только поэтому не хочешь отпускать его. Хочешь, чтобы в твоей жизни хоть что-то напоминало о прошлом, что было ещё до того, как случился Апокалипсис. Но былого уже не вернуть, а в настоящем ты же не отправляешь его на смерть. Просто изолируешь его от нас всех. Или ты забыл, как он недавно раскроил лицо нашему общему сыну? Он же и без того постоянно дерётся с нашими детьми!

— У него просто возраст такой. Буйный. Кроме того, конфликтов тут и не избежать, ведь он сильно отличается от своих сверстников. Потому что он просто другой. Он скорее...

— ... весь в свою мать. А если он вдруг будет болен теми же идеями, что и она? Ты же не забыл, кто именно устроил Апокалипсис?

— Хватит. Я не хочу это обсуждать. Тем более, что она уже мертва. А о мёртвых либо хорошо, либо ничего. Лучше ты, сынок, скажи что ты на самом деле хочешь. Не стоит отмалчиваться, когда тут решается твоя судьба. Давай, скажи, что ты хочешь остаться дома и мы именно так и решим.

Наконец заговорил сын:

— А разве меня будут слушать? Моё мнение, вроде, до сего дня никогда не учитывалось. Иногда приходилось навязывать его этим болванам с помощью силы. Но раз уж, наконец, у меня решили поинтересоваться, то я выскажусь. Я за то, чтобы свалить с этой засушливой помойки. Я не против того, чтобы жить в семье, но я решительно не могу переносить ваших высканков и уж тем более её. — он указал на мачеху, — Мне душно и, учитывая, что больше никого во всём мире не осталось. Возможность надыхаться появиться у меня только в других мирах. А отправиться в них у меня другого шанса может и не быть. Так что я согласен на это предложение! — сказал он и пожал руку Пришлому.

— Ну если это твоё окончательное решение, то мне нечего возразить. Если ты и правда так похож на мать, то пойдёшь за ним до самого конца. — сказал отец.

С его словами все манекены исчезли, и сцена закончилась. За ней, сразу же началась новая, но марионетки уже были совсем другие. Их всего было около десятка и все, кроме двух, изображали активную работу за столами, которых не было. Да и стулья не были, поэтому "актёры" из моего воспоминания просто сидели на воздухе и активно водили

руками по невидимым столешницам. Двое же тех, кто не "работал", а просто стоял рядом, в отличие от прочих имели имена вместо лиц: первым был всё тот же "сын", а второй именовался "главный". Сначала заговорил именно второй, подводя своего собеседника к невидимому столу:

— Мы определили тебя, как младшего сотрудника и твоё новое рабочее место будет здесь, в отделе пространственных исследований! У нас тут как раз новый проект открылся, которому не помешал бы свежий, молодой взгляд.

— И что же я буду изучать? — спросил сын.

— Мы называем это карманное пространство "Тихий Лес". Милое место, хочу я тебе сказать. Местные обитатели, милые зверюшки, мирно себе живут, ходят друг к другу в гости, чаёвничают, да сеют лишь доброту. Но они то как раз нам интересны гораздо меньше, чем окружающий их мир. Ведь их этот лес, живёт по своим правилам. Их работа нам пока не ясна, но мы уже выяснили, что здесь всё завязано на серьёзных пространственных и временных аномалиях. Кроме того, местная чащоба, соединяется с несколькими другими мирами, являя собой небольшой перекрёсток, в который иногда забредают случайные люди. Лес не вредит им, однако встреча с местными обитателями мало кого оставляет равнодушным. Да и если они вдруг выходят не в своём родном мире, то это, порой, вызывает определённую путаницу...

— И так, в них появляются всякие путешественники во времени, которые не могут предсказать будущее. А также всякие "пришельцы" из чудных иных планет. Я представляю себе, как это работает.

— Ну, тогда у тебя вряд ли возникнут проблемы с изучением этого забавного мирка. Тем более, что это самое безопасное и спокойное место из тех, куда тебя могли бы направить. Так что считай, что выгащил свой счастливый билет!

— Счастливый билет для меня — работать подальше от дома...

Эта сцена закончилась также, как и предыдущая. Мой странный визави, всё ещё сидевший слева, вдруг сказал мне:

— Кажется билет был и правда удачным, да вот с поезда ты сошла не вовремя. Разве нет? — видимо он даже не ожидал от меня какого-либо ответа, ему просто было важно сказать свою мудрость. Только вот нужна ли мне теперь какая-либо мудрость?

Я попыталась сосредоточиться на чём-то гораздо более близком к настоящему дню. И вновь перед моими глазами появились две марионетки: "сын" и "главный". Начальник сидел на невидимом стуле, положив ногу на ногу. В то время как второй манекен стоял рядом, скрестив руки на груди. Слово снова взял первым главный:

— Каин, я понимаю, что ты уже очень долгое время на нас работаешь. Многие годы ты усердно справлялся со своей работой и это я лично отметил, в конечном итоге повысив тебя до главы научной группы, работающей над "Тихим Лесом". И ты, конечно, заслужил свой отпуск. Но я просто не могу тебя отпустить.

— Тогда я уйду от вас насовсем и вы меня больше не увидите. Я уже второй раз прихожу к вам с простой просьбой, и вы уже второй раз мне отказываете!

— Вот только не начинай снова. У отказа на перевод в другой проект нашей организации есть ровно одна объективная причина: мест нет. И я тебе просто так не могу родить другую руководящую должность, пока та естественным образом не освободится!

— Это вы не начинайте снова. Я, кажется, в прошлый раз согласился с тем, что я нужен здесь. Даже несмотря на то, что в этом чёртовом приторно-сказочном лесу ничегошеньки не

происходит. Теперь же у меня осталось одно простое желание: повидать отца. Почему вы не можете разрешить мне взять перерыв для этого, я не понимаю.

— Хорошо я тебе расскажу, чтобы ты не предпринимал опрометчивых действий! Видишь ли, у нашей компании есть политика сохранения психологической стабильности сотрудников...

— Бла-бла-бла... Я всё это и так знаю, ближе к делу.

— Это важная часть того, о чём я хочу тебе сказать. Понимаешь ли, твой родной мир... В общем, мне не хотелось тебе сообщать это именно так, но видимо придётся. Твоё родной мир умер. Мы потеряли с ним какую-либо связь много лет назад. Учитывая, что его население составляла всего одна-единственная семья, то тут уж можно и не гадать. Апокалипсис их прикончил, как прикончил до этого всё остальное население вашей планеты. Тебе некуда возвращаться и некого больше видеть.

— Но... как?!

— Мы не знаем. И едва ли когда-нибудь узнаем. Думаю, они просто были обречены.

Очередная сцена подошла к концу. Манекены опять исчезли. Вновь заговорил мой странный спутник:

— Так вот оно что! Ты не хотела жить дальше, потому что знала, что бежать и возвращаться тебе некуда. Вероятно, ты рассчитываешь встретить своих предков на ТОЙ стороне. Не так ли?

— Да, но не совсем. Вернее это только половина всей проблемы. Есть кое-что ещё, что заставило меня сделать то, что я сделала.

— Расскажешь? А может, даже, лучше покажешь?

— Сейчас попробую.

Я попыталась вывести на сцену тот самый момент, который окончательно вбил гвозди в крышку гроба какой-либо надежды. Момент, в который я самолично всё запорола и уничтожила. Кажется, тогда я много дней пила чёрную настойку, смешивая её с "весёлыми" таблетками. Пыталась заглушить боль по родине и родным...

На этот раз на сцене стоял только "сын". Он держал в одной руке стеклянную бутылку, с чёрной жидкостью на дне. В другой же, в свою очередь сверкал своей полированной сталью громоздкий пистолет. Марионетка шаталась и едва стояла на ногах. Она невразумительно бубнила что-то себе под нос. Это продолжалось до тех пор, пока не появилась ещё одна фигура. "Помощник", он заговорил серьёзно, держа в руках какие-то бумаги:

— Господин, мы проверили причину актов агрессии среди лесных жителей, как вы и просили...

— Мне это не интересно.

— Но это очень серьёзно! Нечто проникает в эту реальность. И это может угрожать нашей лаборатории. Это может угрожать всем нам.

— Отлично! Лучше и не придумаешь.

— Что ж, я понимаю, что вы сейчас не в очень адекватном состоянии. Я пойду к начальству и сообщу о своей находке сам. Отдыхайте, панове.

— Ну-ка стой! — приказал сын, направив пистолет в спину уже развернувшемуся помощнику, — Ты никому ничего не скажешь.

— Если мы хоть немного промедлим, это плохо кончится! — сказала вторая марионетка, неуверенно развернувшись, — Пожалуйста, положите оружие на пол. Вы себя не контролируете.

— Я хочу, чтобы всё плохо кончилось! Хочу промедления.

— Прошу прощения, но вы поступаете...

— ... прямо как моя мать?

— Я ничего об этом не хотел сказать. Я вообще не знаю, кем была ваша мать! Просто хотел сказать, что вы поступаете как очень неразумный человек и для вашего статуса...

— Она была мстительной, неуравновешенной и непредсказуемой. Так мне о ней рассказывал мой отец. И я унаследовал многие её черты. Заразился её безумной искрой. Знаешь, что я сделаю сейчас? — он начал потихоньку подходить к своему собеседнику.

— Понятия не имею... — сказал помощник, пятясь назад.

Когда сын наконец приблизился на расстояние удара, он неожиданно замахнулся бутылкой и разбил её об голову второй марионетки. Та упала, разметав бумаги. Нападавший собрал их в кучу, бегло посмотрел и сказал:

— Я пожалею об этом, когда всё выветрится из моего тела. Но сейчас я страдаю невыносимым желанием разрушать. — после этих слов, сын порвал бумаги. Сцена завершилась.

Театральная обстановка исчезла вместе с ней. Мне больше нечего было вспомнить. Точнее больше ничего вспоминать и не хотелось. Мы, с таинственным незнакомцем, теперь стояли на небольшой деревянной пристани, рядом с которой прибилась крошечная лодочка. Вокруг был практически сплошной туман и только силуэт замка, на острове, к которому примыкал пирс, был ясно виден. Лис сказал мне:

— Что ж, получается в том, что здесь случилось, есть и твоя вина?

— Получается, что так. Мы могли бы что-то сделать до того, как ситуация вышла из-под контроля и лес превратился в то, во что он превратился. Но мои усилия были направлены лишь для затягивания решения. Когда же я наконец осознала, что творю, было уже поздно что-то делать. И вот, я оказалась здесь. У меня нет того чувства надежды и инстинкта самосохранения, которые движут Трикстером. Только вина за былые свершения и груз прошлого. Так что я пожертвовала собой, понимая, что сама я вряд ли могла бы остановить Охотника или Короля Волков. А теперь скажи мне, когда я сяду в эту лодку и поплыву на ту сторону, я увижу свою семью?

— Откуда мне знать? Я ТАМ никогда не был. Но знаешь, если вдруг ТАМ у тебя попросят плату за проход, то вот тебе монетка от меня. — он ловким движением пальцев пульнул в мою сторону небольшой золотой кругляшок.

Я, силой мысли, задержала его в воздухе, на уровне своих "глаз". На одной стороне монеты был изображён скелет лиса в балахоне и с косой, а на другой красовалась надпись: "Вот дверь, за которой всё тайное становится явным. Стоит войти в неё, и откроется не то что кажется, но то что есть".

Вот я пытаюсь пробраться через массивные ворота с помощью своей бездонной сумки, аккуратно проползая по кишке на другую сторону. Меня сразу же ловят и убивают на месте, как нарушителя, стоит мне показать свою голову из мешка. У волков слишком хорошее обоняние, чтобы я мог пролезть незаметно.

Вот я прошу своих пернатых сообщник закинуть меня на "крышу" скальной крепости. Пытаясь найти расщелину, через которую можно было бы попасть внутрь, я застреваю ногой в камнях. Чтобы не остаться там навечно, пришлось отпилить ногу. Затем, не справившись с равновесием без одной ноги, я падаю вниз с огромной высоты и мгновенно умираю, так и не найдя пути внутрь.

Попросив оставить меня не на вершине громадного камня, а у одного из окон, я всё также не удерживаюсь на карнизе, в попытках протиснуться через очень узкую раму. В итоге я также падаю и разбиваю себе череп.

Попытавшись прорыть длинную нору под крепостью, я сталкиваюсь с одной большой проблемой: камень уходит вниз слишком глубоко. Более того, даже если я вдруг достигну его "дна", то не факт, что я смогу найти там лаз, через который можно было бы проникнуть внутрь. В итоге меня просто может завалить землёй или камнями, мгновенно убив.

Прикинув все возможные варианты действий с помощью своей куклы, я решил, что лучшим выходом будет добровольно сдаться волкам. А уж внутри, на месте, решить как бы убить Короля Волков. Я легко могу замаскироваться под одного из кроликов-рабов, надеть на себя кандалы и так они сами впустят меня внутрь. Уже там, я смогу снять с себя колодки, которые сам же заранее ослаблю, и, в итоге, убить владыку крепости, тихонько подкравшись к нему по тёмным коридорам.

Кукла настойчиво отказывалась показывать мне исход этого плана что могло означать только то, что я, по крайней мере, переживу сей путь внутрь. Ну или мне просто очень хотелось в это верить. Ибо я в любом случае точно не представлял, что происходит внутри таких крепостей и зачем волкам рабы. Может, они заставляют их копать тоннели в скалах. Может устраивают гладиаторские бои. А может и для чего-то, о чём в приличном обществе едва ли позволено говорить.

И, при любом раскладе, я явно смогу применить свои таланты, чтобы приспособиться к ситуации и выйти сухим из воды. По крайней мере, я точно смогу найти способ в итоге освободиться, так что я едва ли испытывал хоть какой-то страх, в момент когда подбирался к небольшому волчьему конвою.

Они собрали в нём десяток с чем-то зайцев со всех окрестных деревень. Их должны были конвоировать в крепость Короля, так что всех за колодки сцепили одной цепью. Я заранее подготовил похожие на волчьи оковы, которые позволили бы мне, если что, сразу же дать дёру, освободившись от ослабленных пут. Надев их, я принял облик кролика и, когда парочка стражей отвлеклись, вклинился в строй, зацепив цепь на своей колодке.

Никто из пленников даже не обратил внимания на мой поступок. Скорее всего, все они просто дрожали от страха, чувствуя, что ничего хорошего их впереди не ждёт. А вот один из конвоиров, при пересчёте, обратил внимание на пополнение и сказал своему напарнику:

— Тут, кажется, затесался лишний. В прошлый раз, когда я считал, их было всего двенадцать. А теперь стало тринадцать.

— Глупости! Кому может понадобиться присоединиться к пленникам? — спросил его второй.

— Понятия не имею, но в своих расчётах я уверен, поскольку погибал пальцы. Одного мне не хватило, значит урожая стало на одного больше!

— Имеет смысл. Что же, если кто-то добровольно решил присоединиться к пленникам, можем ли мы быть против? Поведём его вместе с остальными.

— А Король не будет злиться на нас? Он предпочитает, чтобы мы всегда чётко следовали плану.

— Никто не будет кричать на нас из-за того, что мы сделали больше, чем надо. Это просто иррационально.

— Вклиниваться в ряд рабов тоже иррационально, тем не менее это случилось. Давай отпустим чужака.

— А как ты поймёшь, кто из них чужак? Всё это мясо на одно лицо!

— Ну тогда давай отпустим кого-нибудь случайного. Так, на всякий случай.

И они действительно отпустили одного зайца, того что должен был идти впереди. Волки сказали ему:

— Сегодня твой счастливый день!

И это действительно был его счастливый день. Настолько счастливый, что он так и не смог совладать со своим счастьем и в безумстве побежал в сторону чащи. Что его ждало там, мне не известно, однако я сомневаюсь, что он добрался до своего дома, так как, насколько мне известно, ближайшие кроличьи поселения были в другой стороне.

Серые хищники едва ли обратили внимание на это странное поведение и буднично пошли проверять крепления колодок. На мне страж остановился, подметив, что оковы были ослаблены. Он лёгким движением затянул путы, что теперь больно впились мне в кожу. Затем он зачем-то похлопал меня по плечу и пошёл дальше, перепроверить крепление тех пленников, что стояли передо мной.

Теперь, сбежать было гораздо сложнее чем раньше, однако мои пленители всё же поверили в мою маскировку и в итоге пропустят меня в свою крепость. А уж дальше — дело техники. Оружие было заранее припрятано в мой невидимый мешок и только ждало своего часа, когда я наконец обращу его против своего брата.

Может, используя силы Короля я смогу победить Трикстера и спасти лес. Мне очень хотелось верить, что в следующей битве я смогу его перехитрить и бой будет проходить на моих условиях. Но, учитывая то, каким оружием он сейчас обладает, сделать это всё равно будет не просто. Особенно, если он что-то предпримет до нашей следующей встречи. Но именно поэтому, мне и нужно торопиться и торопить весь строй.

Шли они, понятное дело, не очень охотно. Однако, стоит признать, уверенно. В них явно боролись страх скорой смерти в крепости и страх ещё более скорой смерти от лап надзирателей. Благо, мне удавалось подгонять их, ускоряя темп и вынуждая всех впереди идущих плестись чуть быстрее.

Когда мы наконец дошли до громадной скалы, представлявшей собой крепость Короля, я и сам вдруг поймал себя на ужасе. Он накатывал без особой причины, будто плохое предчувствие. Страх обжигал мою грудь, выплясывая на солнечном сплетении и смешиваясь в нём с душевным благоговением перед мрачной громадой. Сам замок не казался мне страшным, ибо я наблюдал его много раз до сего момента. И много раз я видел как умирал внутри...

Дело тут было в другом. Само по себе это чувство было абсолютно иррационально, но я знал что его вызывает. Моя личная позиция: бежать. До сего момента я обходил все проблемы стороной, стараясь не вмешиваться понапрасну в дела, которые меня не касались. А сейчас сам шёл опасности в пасть. Причём, сам же придумал именно такой план, чтобы наиболее глубоко погрузиться в омут неприятностей. Это была странная внутренняя метаморфоза. И именно она пугала меня.

Очевидно, что я делал всё это, только для того, чтобы в итоге сбежать из самого леса и освободиться от постоянного ощущения опасности. Но разве стоит это того, чтобы залезть в пасть к чему-то безусловно демоническому? Разве стоит это того, чтобы биться за жизнь с кем-то столь похожим на тебя самого?

Не то чтобы я не был готов идти на жертвы, однако сбежать, как то было раньше, больше не получится. И у меня не будет никакого второго шанса. Так что в качестве ставки теперь — моя жизнь. И она же будет мне главным призом.

Мы зашли за массивные деревянные ворота. За ними был запутанный лабиринт коридоров и комнат, по которым слонялись без дела массивные серые туши. Меня вели мимо них, и, в отличие от прочих пленников, я гордо сверлил волков вызывающим взглядом. Они, понятное дело, не ожидали от добычи такого невербального напора и отводили свои мутно-серые глазища.

И тут вдруг нам навстречу вышел сам Король. Он шёл мимо ряда, довольно осматривая свои новые приобретения. Наконец, он остановился на мне, подозревающе принюхался и сказал своим слугам:

— Этого отцепите и оставьте. Остальных отправьте есть.

Когда я наконец был освобождён, а конвоиры, вместе с пленниками, ушли прочь, владыка волков похлопал меня по плечу и сказал крайне доброжелательно:

— Ты пахнешь прямо как я. Безрассудством и хаотичностью. Можешь больше не прятаться, Охотник. Я тебя узнал.

Сменив свой вид на более привычный, я спросил:

— Так значит, ты меня знаешь?

— Знаю. Ты, конечно, не горел желанием знакомиться с кем-то из своих копий, но они сами иногда за тобой поглядывали. Так, ради безопасности. Всё же нужно держать под контролем тех, кто действительно может тебя убить.

— Ты не поверишь, какое совпадение...

— Ты пришёл меня убить? Разумеется, я это понял. Ведь ты не пришёл ко мне как гость, а пробрался тайком как убийца.

— Можно подумать, ты бы меня пустил.

— Пустил бы. Почему нет? Я рад гостям. Особенно тебе. Даже несмотря на то, что ты почему-то захотел моей смерти. Я не держу на тебя зла за это. Особенно, если ты так же пытался убить Небыль и Агнца. Они, несомненно, больше заслуживают смерти, чем я. К слову, ты ещё не прекратил их существование?

— Пока только огрёб от одного из них.

— Очень жаль. И поэтому ты решил напасть на меня? Но зачем ты вообще это делаешь?

— Пытаюсь спасти лес и свалить отсюда.

— Занятно. Я пытаюсь сделать то же самое, но не убивая себе подобных. Но об этом, я бы не стал разглаживать на проходной. Не возражаешь, если мы пройдем в мою личную обедню? Ты, наверное, проголодался.

Я уже было начал взвешивать все "за" и "против" того, чтобы идти с ним куда-либо. Однако его предложение не было просьбой, а скорее являлось приказом. Потому он бесцеремонно схватил меня за руку и потащил к одной из близлежащих комнат.

Помещение это было крайне скромное. В нём стоял только небольшой стол, да пара стульев. Из узких окон пробивался холодный свет, едва освещавший половину комнаты. Вторую половину освещал слегка потрескивавший камин, вырезанный прямо в каменной стене. Несмотря на скудную обстановку, "обедня" была вполне уютной. Ещё уютней она стала, когда по первому щелчку Короля, на стол принесли богатый набор блюд.

Пара графинов чёрной настойки стояли рядышком с самыми разнообразными закусками: жареными трёхглазыми сухопутными рыбами под соусом из древесной сои; маринованными гигантскими чёрными грибами с толстых стволов лесных секвой; пирожные с вареньем из белёсых ягод; грибная похлёбка с лисичками; творожные ватрушки их молока козлоголовых; и, наконец, в середине стола — главное блюдо, целиком запечённый дикий кролик посыпанный травами.

От такого разнообразия у меня навернулись слюни, однако недоверие к хозяину стола было больше, чем голод. Король подметил мою нерешительность и сказал:

— Ешь. Так велит традиция. А пока ешь, расскажи, почему ты решил, что я должен умереть.

— Чтобы спасти весь Лес.

— Как этому поможет моя смерть? Я не стою у тебя на пути.

— Узнаю только тогда, когда убью тебя.

— То есть, у тебя нет плана?

— Есть. Убить всех клонов и таким образом узнать, что нужно делать для спасения всего леса.

— Тогда можешь успокоиться. Больше в твоём плане нет необходимости. Я и так знаю, как всех вытащить из этой передраги.

— И что ты предлагаешь?

— Я не предлагаю. Я делаю. Давно и довольно успешно. У меня договор с БОГОМ КОРНЕЙ. Я помогаю ему прорости в этом измерении. А он гарантирует, что освободит нас от оков аномальной тюрьмы.

— И ты веришь что он сдержит обещание? Кем бы этот твой бог ни был.

— Он могущественен. Куда сильнее всех прочих божеств этого места. Такая могущественная сущность способна разрушить само понятие пространства. Когда ты столь силён, вряд ли тебя будет интересовать обман настолько слабых существ, как мы с тобой. Даже ради развлечения.

— Если он так силён, зачем ему твоя помощь?

— Чтобы обрести все свои силы ему нужна небольшая помощь. Когда это случится, он будет править здесь и чинить свой порядок. И это уже будет многим лучше, чем то, что происходит сейчас. Посмотри наружу. Что ты там увидишь? Хаос и насилие. И эти две вещи надо кому-то усмирить, раз нынешние боги не справляются.

— Думаешь, так правда будет лучше?

— Лучше сделать что-то новое, чем вечно пребывать в медленно регрессирующем застое.

— А почему бы не вернуть всё так, как то было раньше?

— А ты знаешь будто, как это сделать.

— Это именно то, что мне поручил "я" из прошлого. Вернее "мы" из прошлого.

— Тем не менее, никаких чётких инструкций он не дал. Только безумный приказ убить остальных подобных тебе.

— "Нам" из прошлого лучше знать.

— "Мы" из прошлого могли ошибаться или вообще врать. Я кое-что помню о прошлом. В основном это всего лишь отзвуки образов былого. Но и их достаточно, чтобы понять то, что всё это ложь. Мне вот помнится светлый и прекрасный Лес, где все звери друг с другом дружат и никто никому не делает зла. Разве можно такое представить? Или вот, мне ещё помнится бескрайняя пустыня или степь, в которой тоже живут какие-то звери. Я помню серьёзных существ в красивой белой одежде, занимающихся чем-то важным в белых помещениях. Всё это тоже правда? Мне так не кажется. Тихий Лес всегда был таким, какой он есть сейчас. И есть только один способ изменить его — привести нового хозяина в этот дом.

— Постой, но разве не могло и правда всё это быть? Сначала пустыня, потом лес... Я тоже что-то об этом помню. Запах полевых трав... Дуновение ветра...

— И что, потом, на месте пустыни вырос лес с добрыми зверюшками? А потом что-то заставило их превратиться в... ну ты понимаешь в кого.

— Но ведь мы ранее могли происходить вовсе не из леса. Или ты не знаешь о бесшёрстных пришельцах, что, то и дело попадают к нам?

— Знаю. Но мы не такие, как они. Мы с тобой даже не такие звери, как остальные в этом лесу. Мы с тобой не похожи даже на Небыль и Агнца. Так что я больше верю в то, что мы изначально приходим отсюда и бежать нам некуда. Нужно измениться и приспособиться или умереть пытаюсь.

— А если ты не прав? Мы не узнаем этого, пока не попробуем.

— Если выход есть и, более того, существует и наш настоящий дом где-то вдалеке от этих мест? Тогда у нас нет иного варианта сбежать, кроме как выслужиться перед БОГОМ КОРНЕЙ. Нынешние боги даже сами не знают, как это место работает. А вот тот, которому я служу, очень хорошо изучил многомерность. Что ему стоит исправить лесное пространство, свернувшееся в трубочку? В конце концов, когда мой план удастся, то ты будешь волен выбирать бежать тебе или остаться. Сейчас ты и такого выбора лишён.

— Нет, я всё же кое-что выбрал.

— Какой же ты упёртый. Ну пойдём, я наглядно тебе покажу, от чего ты отказываешься. — с этими словами он встал из-за стола и жестом приказал следовать за ним.

Мы вышли из обедни. Я шёл чуть позади Короля, пока он уверенно выстилал шаг по запутанным коридорам. Он был очень уверен в выборе маршрута, и, казалось, его не заботило ничего кроме дороги. Не заботило его и то, что в какой-то момент мы проходили довольно тихую часть крепости, где ни стражи, ни каких-либо других зверей не обитало. Коридор был полутёмен и пуст. Момент удобнее, трудно было подгадать.

Я вытянул руку направо, нащупал свой клинок. Дальше действие развивалось молниеносно. Со всей силы всадив лезвие в спину радушному хозяину, я сходу пробил хребет. Сталь прошла прямо между позвонков, и, с противным хрустом, вышла с другой стороны, раскрошив лёгкие. Через рукоять я чувствовал последние биения сердца и уже не сомневался, что убил своего брата.

Но тот, вопреки моим ожиданиям, не рухнул наземь, хватаясь за грудь. Он сделал пару

уверенных шагов вперёд, заставив меня отпустить оружие. Затем, с клинком, торчащим из груди, он спокойно развернулся и тяжело вздохнул:

— Это было очень и очень подло. Мне горько, что нам, видимо, так и не удастся подружиться. И я поступлю с тобой не менее жестоко. Господа, сопроводите, пожалуйста, гостя к ростку БОГА.

Будто бы из ниоткуда, за моей спиной возникли два волка, схватившие меня за руки. Это было столь внезапно, что я так и не успел рвануть вправо, чтобы сбежать от опасности в свой бездонный мешок, как то делал ранее.

Меня привели в небольшую залу с высоким потолком. В её центре находилось нечто, походившее на огромное зелёное яйцо, укутанное в множество корней. Вокруг него, кружком, стояли звери, присоединённые к этому странному объекту головами. Из их черепов, будто трубочкой, стебли высасывали мозг. Я понял, что меня ждёт то же самое.

Острый коготь вычертил круг вокруг моей головы. Сильная лапа сняла верхушку черепа, обнажив содержимое. Корень от странного яйца потянулся к моей голове. Последним, что я услышал, были слова Короля:

— Теперь ты действительно ВСЁ увидишь сам.

Охотник — Смерть I

Больше моё сознание не принадлежало тому миру, которому принадлежало моё тело. Сложно сказать, где мой разум прибывал теперь. Я всё ещё почему-то мог чувствовать своё тело, но само оно будто висело в невесомости. Я даже мог двигать руками и ощупать себя. Однако я совершенно не ощущал внешнего мира.

Не было ни звуков, ни запахов, ни температуры. Здесь будто бы не существовала ни воздуха, ни материи, только я один в безграничном вакууме, что был многим страшнее в своей бесконечности, чем Тихий Лес. Всё из-за неизведанности. Тотальной и всепоглощающей. Впервые на своей памяти, я ощущал, что не знаю, что мне делать.

До сего момента, я руководствовался простыми правилами и обычаями. Я всегда знал, к чему я стремлюсь и за что сражаюсь. Теперь же я был в тотальном нигде и не мог сделать ничего, чтобы исправить своё положение. Мне оставалось плыть в этом тёмном пространстве, в надежде, что вскоре я перестану дышать или умру от усталости. Так, за первой моей смертью, приведшей сюда, наступит вторая, окончательная. По крайней мере, мне очень хотелось, чтобы хотя бы эта оказалась последней и я обрёл покой.

Здесь же, в самом сердце бездны, я едва ли был мертвенно спокоен. Меня мучали мысли не только о том месте, где я находился, но и о тех событиях, что лежали до него. Я бесконечно корил себя за ту попытку закончить всё быстро и убить Короля в том злосчастном коридоре. Мне думалось, что он будет смертен в той же мере, в которой смертен я. Но, видимо, на сей раз я ошибся. При чём дважды.

Первый раз, когда попытался убить добычу, не изучив её в достаточной мере. Да, у меня была на то причина. Поражение от Трикстера подорвало мою уверенность и спокойствие, заставив действовать быстрее. Но спешка никогда не приводила к чему-то хорошему. Я знал это на своём опыте и, тем не менее, поспешил.

Второй же моей ошибкой было то, что я не прислушался к предсказанию куклы. Когда я надумал проникнуть в цитадель своего врага в амплуа раба, артефакт не показал мне ничего и я решил, что это будет отличный план. Но, может быть, куклолка показывала мне именно ЭТО? Может она просто не могла заглянуть в это пространство и потому не показала, что может меня ждать? Мне явно стоило насторожиться, но я просто не до конца понял свойства игрушки, что была дарована мне богами. Паучихе стоило объяснять понятнее...

А мне, вероятно, стоило просто постучаться и напроситься в гости. Может быть и вовсе, даже не пытаться убить радушного хозяина. Не разжигать напрасно пламя ярости...

Разжигать... Я вдруг вспомнил про коробку горящих палочек, которые я как-то стащил у одного из бесшёрстных. Как раз незадолго до того, как впервые встретился лицом к лицу с птицами. Парень попался на удочку дикой лисы и пришлось его спасти, чтобы в итоге пронаблюдать как он превратился в банального кролика. В итоге я его, конечно, продал знакомому торгашу, но дельце это было абсолютной тратой времени. Тогда я хотя бы поживился содержимым карманов вторженца. Одной из находок и были эти прелестные палочки, высоко ценившиеся в лесу за способность создавать огонь одним движением.

Мне повезло и в своём кармане я действительно нащупал небольшой шершавый коробок. Вытащив его, я вынул оттуда одну палочку и черкнул по одной из стенок коробочки. Тут же пространство кругом озарил яркий свет. И сразу же погас, так как от увиденной картины я выронил огонёк из рук.

На это мгновение, пламя открыло реальное положение дел. Я висел в центре небольшой пустой сферы. Её границы обозначало НЕЧТО. Это было безумное переплетение мясистых красных корней, что пульсировали и будто бы "дышали". И они были повсюду, окружив меня со всех сторон непроглядной стеной. Это была не самая мерзкая вещь, которую я когда-либо видел, но учитывая ситуацию, меня действительно пугало то, что предстало передо мной. Потому что я совсем не понимал, где нахожусь и что именно вижу.

Собравшись с силами и решив взглянуть на пространство вокруг ещё раз, я достал ещё одну палочку и снова зажёл огонь. На сей раз я удержал его в руках. Моему взору вновь предстал клубок вен древесного вида. Но теперь, под более длинным воздействием света, они вдруг недоброжелательно зашевелились. Из их переплетения, в мою сторону потянулись тонкие красные нити. Они сложились прямо передо мной в странную гуманоидную фигуру. Существо заговорило, звуча прямо в моей голове:

— Кто ты такой?

— Мне, кажется, что это я должен спросить у тебя.

— Это мне не нравится. Необходимость задавать вопросы. Будь ты един со мной, я бы смог показать тебе всё то, что знаю я, а ты бы, в ответ, поделился своими знаниями. Но ты, почему-то, оказался здесь вне моей власти. Первое живое существо в этом мире, что имеет свободную волю. Помимо моей бесконечной паутины, пролегающей в этом и ещё десятке других вселенных, здесь никто не должен обладать возможностью мыслить свободно. Ты первое подобное существо в моих владениях за ушедший миллиард лет. Ты должен объяснить своё появление.

— Будто бы я знаю как сюда попал! Секунду назад я был в комнате с огромным семечком. Меня к нему подключили и вот, я оказался здесь.

— Тогда ты уже должен был быть частью меня.

— Тем не менее это не так. Я этому рад.

— А я не очень. Ты не был поглощён и не можешь быть поглощён. Твоё сознание уничтожило тот большой перикарион, который должен был его обработать. Оно просто пробило дыру в моей огромной нейросети и сформировало из моих частей себе новое тело.

— Так это не моё тело и не какая-то иллюзия? Забавно, а выглядит прямо как настоящее. Даже одежда и содержимое карманов точь-в-точь моё. — я ещё раз взглянул на свои руки, чтобы убедиться в том, что они идеально похожи на те руки, которые я всегда видел перед собой.

— Что ты за тварь такая?

— Это, опять же, должен был быть мой вопрос.

— Так ты мне не расскажешь?

— Я не знаю, что тебе рассказать.

— Расскажи про себя. Я хочу понять, почему у меня не получается тебя поглотить.

— Мне нечего про себя рассказать. Я жил спокойно в лесу, охотился, мечтал сбежать. А потом чёртовы птицы втянули меня в безумную канитель с богами, клонами, воспоминаниями и вот, теперь, с собственной смертью. Ничего особенного, если задуматься об общем положении дел в Чаще.

— Если бы ты действительно жил в Тихом Лесу, я бы чувствовал тебя. А ты бы слышал мой зов.

— Так это ты заставляешь зверей мутировать? Это твой голос заставляет некоторых дичать?

— Это не моя цель. Это её побочное влияние. Мой зов действует на ваш мир, заставляя его изменяться. Но мне нет дела до этих изменений, ведь в итоге он весь будет моей частью. И все, кто слышал мой голос, будут мной.

— Сейчас я тебя слышу и, тем не менее, со мной ничего не происходит.

— В этом всё и дело. Ты второе существо, что может меня слышать и говорить со мной.

— Первым, надо думать, является Король?

— Ты его знаешь?

— Ну он о тебе рассказывал, Бог Корней. Рассказывал как раз перед тем, как сунуть мою голову под твой стебель.

— Какое милое имя вы мне придумали. Бог Корней... А я ведь совсем не похож на создателя. Я скорее ассимилятор. Моя цель — поглощение.

— Это я понял. Хочешь поглотить наш лес и хочешь, чтобы волки помогали тебе с тем, чтобы прорасти в нашей реальности. Отлично ты им наплёл, чтобы устроить настоящий апокалипсис и всех убить.

— Я никого не убью. Все вы станете моей частью.

— Какое это имеет значение? Если все звери лишатся своих личностей, дополнив твою. Это равносильно смерти.

— Их личность никуда не денется. Все их воспоминания, чувства и мысли просто зазвучат в унисон. Они помогут расти нашей общей нейросети, напитывая её силой и позволяя поглощать не только живую материю, но и целые звёзды, галактики и квазары. Это уже случилось с бессчётным числом существ в трёх вселенных. Говоря от их имени, я могу сказать, что они более чем счастливы в новом положении.

— Разве личность создают только воспоминания, мысли и чувства? Я вот вообще ничего не помню о прошлом. Однако, нельзя сказать что я не являюсь личностью.

— Ты захотел пофилософствовать со мной о природе вещей?

— А что мне ещё делать? Я, можно сказать, умер. И теперь заперт тут с тобой на неопределённый срок. Придётся подружиться и изрядно поболтать, чтобы скоротать вечность. Разве ты, будучи один во всей своей вселенной и даже не одной, не хотел бы с кем-нибудь поболтать?

— Я сам себе собеседник. Бесконечное число нейронов, обменивающихся друг с другом информацией в пределах всей вселенной.

— Всей вселенной, где нет ничего кроме тебя.

— Я и есть вселенная. И я же её население.

— И всё же, по сути своей, ты один.

— Ты возвращаешься всё к той же теме.

— А что мне ещё делать?

— Исчезнуть. Или стать моей частью.

— Я не уверен, что я могу это сделать.

— Ты можешь себя убить, чтобы твоё сознание покинуло тело и позволило мне его поглотить, восстановив разорванные синапсы.

— Ну конечно, так я себя и убил.

— А что тебе ещё делать?

— Говорить. И я буду это делать до тех пор, пока я окончательно не выбешу тебя так, что ты вернёшь меня в моё тело.

— Это невозможно. Я не могу тебя вернуть. Я даже прикоснуться к тебе не могу.

— Что ж, тогда я ещё с тобой поболтаю. Всё равно никто из нас другому не уступит.

— Это всё бессмысленно и глупо. Я растил столь огромную нейросеть не для того, чтобы выслушивать кого-то столь ничтожного.

— Тогда ты мне что-нибудь расскажи, раз не хочешь слушать. Ты сам сказал, что в этой вселенной нет никого кроме нас двоих. Более того, ни я, ни ты, не можем уйти друг от друга. Так что кто-то из нас должен говорить. Чисто фактически, я мёртв и меня одолевает просто смертельная скука! При таком раскладе мне нет дела, что хочется тебе. Особенно учитывая, что именно из-за тебя мы оба оказались в таком положении. Развлекай меня, Бог Корней!

— Всё ещё пытаешься меня вывести?

— Это хоть какое-то развлечение: пытаться вечность вывести мозг вселенского размера. Особенно учитывая, что этот мозг очень самовлюблённый, раз считает, что он лучше знает, как и кому мыслить.

— Во мне заключены септиллионы сознаний. И это их коллективное суждение. Ты не можешь быть умнее, чем такое количество разумов. И, соответственно, не должен осуждать их решение.

— А ты не думал, что всё не так? Я имею в виду, ты не думал, что на самом деле не являешься тем, кем себя заявляешь? Пусть в тебе и могут быть заключены память, знания и идеи всех этих несчастных, но по сути ты можешь всё ещё быть тем, кем был изначально.

— Кем я был... изначально?

— Ну вот это твоё расширение на несколько вселенных, оно же не случилось просто так. Оно должно было с чего-то начаться.

— Кажется, это было многие миллиарды лет назад. Воспоминания об этом затерялись где-то в глубинах моей памяти. Однако, я кое-что могу рассказать о своём самом первом разуме.

— Ну, что нам ещё делать? Рассказывай!

Это случилось очень давно. НИИ «Агрокомплекс», в котором мне посчастливилось проходить свою студенческую практику, был одним из многих научных учреждений, медленно умиравших после развала СССР. Работа давно уже не кипела в его стенах, а просторные залы, кабинеты и лаборатории, лишь покрывались толстым слоем пыли, вместе со всеми достижениями, произведёнными в стенах комплекса.

Немногочисленные оставшиеся сотрудники, целыми днями только и занимались тем, что перебирали все эти груды никому не нужного хлама, для последующей консервации. В основном здесь доживали свой век седые и морщинистые профессора, что когда-то, словно атланты, держали небесный свод над Союзом, двигая его науку вперёд и стремясь накормить весь мир. Теперь же они больше походили на анатомические экспонаты, которые нам как-то демонстрировали на парах в Институте Общей Генетики.

Впрочем, кроме них тут были и студенты вроде меня, помогавшие старшим и мудрым умам, разбирать величественное здание сего НИИ по кирпичикам. Работа эта не пыльная, знай себе сортируй бумаги, таскай оборудование, да гоняй чай вместе с профессорами, крайне любившими потравить давнишние байки своей бурной юности. Да и платили мне хорошо. Как-никак, а сорок тысяч лишними не бывают. Особенно, когда ты работаешь всего пару часов поздним вечером.

При чём, основной деятельностью, а именно отправкой всего древнего барахла на консервацию, все занимались крайне медленно и неохотно. В конце концов, все понимали, что как только процесс завершится, всех умудрённых опытом старцев отпустят по домам, а величественное шестнадцатиэтажное здание, расположенное в самом центре города, отправят под снос или приспособят под торговый центр.

Моей главной задачей была сортировка старой документации, касающейся исследований НИИ, которую, однако, мне строго на строго запретили читать старшие товарищи. А потому, сортировал я её лишь по названиям и категориям, что были напечатаны кое-где стёршейся жирной чёрной краской, прямо на толстых бурых папках.

На удивление часто мне попадались папки с грифом «Секретно», имевшие до ужаса привлекательные и таинственные названия: «Проект Вавилон», «Проект Улыбающийся Будда», «Проект 245», «Проект Ярмо», «Проект Гавана» и так далее. Как же сильно мне хотелось вскрыть хотя бы один подобный документ! Вот например «Проект Кукуруза», датированный шестидесятым годом, во времена «Кукурузной лихорадки» Хрущёва.

Я уверен, что советские генетики пытались сотворить с этим несчастным злаковым нечто абсолютно невероятное. Может вот, прямо тут, в этих пожелтевших от времени листах скрыт секрет озимой кукурузы, которую можно было бы рассадить по всем просторам нашей необъятной, как и планировал генсек. Может, по каким-то политическим причинам столь масштабный проект забросили и оставили до лучших времён. А теперь я, обычный студент-генетик, возьму да и откопаю скрытое наследие, получив все лавры первооткрывателя. Да, это немного нечестно по отношению к тем учёным, что занимались этим проектом в те далёкие годы, но разве я виноват в том, что они так и не воспользовались своей возможностью накормить мир?

Да и даже, если я всё же тешу себя наивными мечтами о славе, всё равно здорово изучить подобный исторический документ, погрузившись в глубины времён, пусть и не

очень давних.

В любом случае, пока рядом со мной постоянно находятся мои коллеги, я вряд ли смогу прикоснуться к подобному сокровищу, ибо сразу же рискую навсегда покинуть данное заведение. А может и уехать в Сибирь в тюремной робе. За разнюхивание государственной тайны, например.

А потому, остаётся только дожидаться окончания рабочей смены и лишь затем, в ночной тиши, изучить наконец вожделенные бумаги. В том, чтобы остаться в НИИ после закрытия не было ничего сложного. Нужно только заранее отпереть одну из чересчур массивных ставень, чтобы потом, сделав вид, что я ухожу с практики вместе с остальными, залезть внутрь. Благо, на ночь, в здании не остаётся ни единой живой души, даже на пресловутого охранника никто решил не тратить.

Да и зачем, если это внушительное строение вряд ли возьмёт и взрыв ядерной бомбы, настолько крепкие у него стены и окна. Да и кто, в самом центре города, решится ограбить практически пустующее здание, откуда давно вынесли все ценности?

В моём плане мне сильно подсобило то, что одна сторона Агрокомплекса выходила на его внутренний двор. А потому, всё что мне оставалось сделать, так это просто положить деревянный брусок, позаимствованный из рабочей кладовки, между открытыми ставнями, чтобы случайный порыв ветра их не захлопнул.

Всё прошло довольно гладко и я без лишних проблем пробрался внутрь, спокойно пройдя в кабинет, где ещё недавно разбирал документы, чтобы наконец спокойно приступить к чтению.

Налив кружку горячего зелёного чая пряником из казённого чайника и взяв казённые же плюшки, я развалился на кресле и взялся за «Проект Кукуруза». За окном хлестал лёгкий дождик и завывал игривый ветерок, создавая идеальную атмосферу для погружения в историю...

**

Удобрение. Я чувствую. Оно здесь, наверху. Солнце зашло. Нужна энергия. Вернуться к дыре в потолке. Вернуться полным энергии и питательных элементов. Я посажу новые семена. Да. Нужна почва для семян. Нужна энергия, чтобы дать им жизнь. Сколь не двигал стеблем? Долго. Слишком долго. Должен размножиться. Есть и размножиться. Я должен найти удобрение.

**

Что... Что это было? Я только взялся за чтение, как тут же мне показалось, что я был в совершенно ином месте, где-то среди непроглядной тьмы, где единственным источником света является маленькая дырочка в потолке, пропускающая лишь тусклый и бледный свет луны. Это ужасное место, однако я чувствовал себя там... словно дома.

Кажется я просто уснул. Всё хорошо, я достаточно утомился за день. Сейчас я просто возьму и спокойно вернусь к документу. Фух... Выдохнул, теперь к чтению:

«Комментарий главы КГБ СССР В.Е.Семичастного о провальном проекте Лысенковщины, под кодовым именем Кукуруза.

Передать лично в руки товарищу Л.И.Брежневу.

Проект Кукуруза был разработан по прямому приказу Никиты Сергеевича Хрущёва. Он

был призван создать нового советского человека, который навсегда бы избавился от проблем с голодом. Всё, что для этого нужно — дать человеку фотосинтез, и тогда он сможет полностью себя обеспечить благодаря энергии солнца.

Этим проектом занимались наши лучшие генетики, однако, все они были смещены новым главой НИИ, доктором Лысенко. Он не поддерживал идею постепенного скрещивания генов человека и растения, считая, что она не принесёт должного результата. В итоге, в результате кардинальных перестановок и сжатия сроков подготовки начального образца, товарищем Лысенко было принято решение — действовать крайне рискованно.

Выбрав добровольца из числа ассистентов, доктор предпринял попытку использовать для эксперимента нечто, выходящее за грань моего понимания. Возможно в этом замешаны демонические силы, не знаю. Бог не способен сотворить что-то подобное, а вот человек вполне... Не гоже, конечно, так глаголить атеисту, но то, что использовал товарищ Лысенко во время своего проекта, сложно описать не прибегая к теологической лексике.

Ибо доктор действовал с фанатизмом, свойственным редкому верующему. Во время эксперимента, юношу-комсомольца опускали в чан с химикатами, прививали ему разные растения прямо в кожу, мучали двумя продолжительными операциями, и только затем, пропустив огромный разряд тока через добровольца, доктору удалось соединить его с повиликой, превратив в нечто ужасающее и практически не похожее на человека.

Мне удалось наблюдать его лишь пару минут, однако этого было достаточно, чтобы выписать ордер на арест Трофима Лысенко и отправить группу оперативников Пятнадцатого Главного Управления КГБ на зачистку подвальных помещений комплекса.

Ибо прямо на моих глазах, сие нечто набросилось на одного из учёных, махом осушив его. Этот, с позволения сказать, испорченный комсомолец, за несколько секунд буквально выпил все внутренности из лаборанта. Позже, мы обнаружили, что он также успел посадить семена в высохший труп. Видимо, из них потом должно было вырасти что-то похожее на сей порочный союз человека и растения, а потому мной было принято решение сжечь всё что осталось от бедолаги. От греха подальше.

К сожалению, самого человека-растение найти не удалось, вполне вероятно, что он скрылся где-то в технических помещениях подземного комплекса. Вряд ли оно протянет там долго, а потому, ради безопасности своих людей, я решил законсервировать нижние уровни и временно закрыть лаборатории Агрокомплекса. Уверяю вас, группа зачистки Пятнадцатого Управления сейчас неусыпно следит за территорией НИИ, а потому прекращать работу верхних этажей и информировать их сотрудников о возможной угрозе, не считаю рациональным.»

Признаться честно, данное письмо, напугало меня до чёртиков. Неужели всё это время, прямо подо мной находились старые секретные лаборатории? Видимо, они законсервировали их слишком хорошо. Я ожидал чего угодно, однако это...

Через пару минут в моих руках резво чередовались записки, заметки и протоколы, связанные с объектом Кукуруза. Так, например, из них я узнал, что ЭТО может воздействовать на разум своих жертв странным образом. А также то, что электрические приборы неподалёку от ЭТОГО просто сходят с ума и порой вовсе ломаются. Однако, все эти наблюдения, хоть и были интересны, лишь наращивали растущую в нутре тревогу. Ибо я так и не нашёл никакого отчёта о том, что данное существо было устранено или хотя бы умерло своей смертью. А это значит...

Чёрт, кажется хватит с меня сегодня секретных документов! Выбрал, понимаешь, время и место... Пора выбираться из этого проклятого здания. Я только схватил куртку...

**

Он рядом. Тут. Выше. Осталось только забраться. Лифт мешает мне. Чёртова кабина. Надо убрать её...

Я схватился своими псевдоконечностями за дно лифта и с силой потянул вниз, кабина со скрипом полетела вниз. Я вжался всеми стебельками в углубление шахты, а потому остался цел. Путь был свободен.

**

Что... Неужели опять? Это так странно, я словно бы видел себя самого через стены. Наблюдал за собой, изучал. Неужели это оно... Если это так, что пора убираться с удвоенной скоростью. К чёрту вещи, я уйду! Возьму только увесистую статуэтку медведя, стоящую на одном из столов, вряд ли это остановит неведомую тварь, но лучше всё же иметь хоть какое-то оружие, чем не иметь ничего.

Вне кабинета меня ждал крайне неприятный сюрприз. В другом конце коридора, там где был лифтовый холл что-то упало с адским грохотом. Я чуть не оглох от столь резкого звука, однако, стоило мне оправиться и наконец посмотреть туда, откуда шёл шум, как моё сердце чуть не остановилось.

Там стояло нечто, состоящее из тысяч кроваво-красных вьющихся стебельков, образующих из себя высокую и широкую гуманоидную фигуру, что медленно и неумолимо приближалась ко мне.

И мало того, что в мою сторону двигалось неведомое нечто, так ещё и свет в коридоре предательски замерцал. Сначала, лампы мигали совсем не сильно и короткими очередями, затем перерывы стали длинными, словно работала световая сирена. Но самое страшное произошло, когда старенькие лампочки накаливания стали излучать столь яркий свет, что на него практически нельзя было взглянуть. Продолжалось это пару секунд, пока наконец нити накаливания не выдержали, и всё освещение вдруг разом погасло.

Я остался в крошечной темноте, один на один с ЭТИМ. Оно характерно хлюпало при передвижении, но и без этого я прекрасно понимал, что оно продолжает тянуть свои стебли в мою сторону. А потому стал отступать. Не знаю куда. Я просто пятился в темноту, всё дальше от спасительных лифтов и лестниц.

Может там будет пожарный спуск, может тупик, а может и ещё один кабинет, в котором можно попробовать скрыться. Но есть ли в этом толк? Оно скорее всего способно выбить дверь, или просочиться сквозь неё, или сделать ещё чёрт знает что... Тут уж как повезёт.

**

В темноте... Его запах силён. Он боится. Я вижу его страх. Я уже рядом. Я наблюдаю за его следами. Мои стебли проголодались. Я покормлю их.

**

Вновь я наблюдал за собой со стороны. Оно не видит меня, но чувствует, благодаря запаху. Почему оно медлит? Пока я задавался вопросами, спина упёрлась в стену, на которой мне удалось нащупать переключатель. Я молил, чтобы лампочки, которые он активирует были ещё целы. Мне было нужно хоть немного света.

Щелчок. Красное аварийное освещение, недружелюбно мигая, прояснило общую картину происходящего.

Чудовище нависло прямо надо мной огромным клубком стеблей, что копошились и

мельтешили, словно опарыши в гнилом мясе. Между нами было не более десяти сантиметров. Монстр дёрнулся, и множество стеблей, изображавших верхнюю конечность гуманоида, вцепились в мою руку.

Мучительнейшая боль и жжение прокатились по всему телу. Я чуть было рефлексивно не согнулся в три погибели. Однако, вместо этого я, машинально замахнувшись свободной рукой, со всей силы, вlepил прямо по «голове» этой растительной туше. Удивительно, но это сработало. Громадина качнулась и отстранилась от меня, подарив мне несколько спасительных секунд. Ловко, насколько это только возможно, я отскочил за спину монстру и рванул в сторону лифтового холла.

За несколько секунд проскочив весь коридор, я оказался прямиком у главной лестницы. Судя по ускорившимся хлюпающим звукам, человек-растение оправился и теперь быстро преследовал меня. Дальнейшее решение необходимо принять быстро.

Спрятаться? Атаковать? Сбежать? С последним будет сложнее всего, ибо если и бежать, то через окно. Но будет ли у меня время отпереть и распахнуть тяжёлые ставни? А если и будет, то не заставлю ли я чудовище выйти наружу вместе со мной? Судя по документам, которые я прочёл, оно может размножаться, а значит, что если ЭТО выйдет наружу, то мигом создаст множество себе подобных. Нет, я просто не могу позволить этому случиться!

Значит, я должен придумать, как его убить. Но прежде, мне нужно где-то спрятаться и перевести дух. Архив! У него крепкая металлическая дверь, а внутри могут найтись ещё документы касательно этого чудовища. Но он находится на пятом этаже, а значит мне, с третьего, необходимо преодолеть два пролёта вверх и ещё пробежать длинную галерею...

Ноги сами понесли меня по ступенькам вверх и я в несколько мгновений оказался на четвёртом. Существо, однако не отставало и уже добралось до лестницы, чтобы, ползя прямо по стене, перегородить мне дорогу на следующий пролёт. Нельзя не признать, что оно на удивление проворно для клубка стеблей.

Удвоив усилия, я просто взлетел на верхний этаж, подгоняемый противным хлюпаньем. Дорога до архива также была проделана столь стремительно, что я даже не успел понять, как оказался внутри, захлопнув практически бункерную дверь. Запах древней бумаги и злобные удары по металлу за спиной, наконец позволили выдохнуть. Честное слово, не прилей слоновья доза адреналина к голове, тут бы и слёг.

Не время расслабляться! Среди сотен высоких шкафов, мне предстояло найти хоть какую-то новую информацию об этом чудовище. Чем собственно я и занялся, зайдя в отдел с секретными папками и начав со шкафа с буквой «К». На этот раз удача мне улыбнулась. Я быстро выудил с одной из полок тоненький листик с названием: «Новые правила сдерживания — проект Кукуруза».

«Постановление для оперативников Пятнадцатого Управления прикреплённых к НИИ Агрокомплексу. Год 1991.

В целях безопасности и во избежание лишних денежных затрат, всех бойцов, а также учёных, знающих о существовании проекта Кукуруза, следует перевести на иные, более важные объекты, расположенные не менее чем в пятнадцати километрах от данного комплекса. Все документы, повествующие о данном существе рекомендуется вывезти с территории НИИ, а затем уничтожить.

Данное решение принято в связи с урезанием бюджета КГБ и политической нестабильностью данной структуры. В связи с недавно выясненной особенностью существа,

которая показала, что оно реагирует лишь на тех, кто о нём знает и думает в данный момент (таким образом оно выслеживает жертв). А также в связи с ночным образом жизни объекта (днём, оно занимается фотосинтезом в неизвестном месте), руководство ведомства решило оставить существо в покое.

Приказ Л.И. Брежнева о взятии его живым, аннулируется. Во избежание несчастных случаев, выдан запрет на работу НИИ в ночное время. Иные средства сдерживания не требуются.»

Иные средства сдерживания не требуются... Я даже не знаю, кого теперь винить за ту ситуацию, в которой я оказался. Развал Союза за хаос, который не позволил вывезти эти документы из комплекса? Брежнева, который зачем-то решил взять объект живым? Хрущёва, который всё это организовал? Лысенко, который создал этого монстра? Или своё любопытство, которое заставило меня сунуть нос в эти чёртовы документы?

Пожалуй да, любопытство и поставило меня в такую ситуацию. Чёрт бы побрал моё научное мышление, требующее новых открытий!

**

Внутри. Среди пыльных книг.

Я ползу по узкому стальному проходу, он сдавливает моё тело. Но трапеза того стоит! Я вижу его отсюда... Надо только сбить решётку.

**

Резкий грохот вернул меня в своё тело. Он опять залез мне в голову, а я опять оказался в его. Неужели он уже здесь? Там, за шкафами, слышался до боли знакомый мерзкий звук. Потолочная лампа с треском замерцала...

Чёрт, вряд ли ему потребуется много времени, чтобы меня найти. Надо придумать, как его отвлечь, чтобы быстро сбежать за дверь.

А куда я направлюсь дальше? Никаких подсказок, как его убить, я так и не нашёл. Быть может будь у меня дробовик или что-то вроде того... Я бы не справился, я же не разу в жизни не стрелял, я студент-генетик, а не чёртов спецназовец!

Ладно, хорошо.

Чего бояться растения? Жуков? Вряд ли я найду колорадского жука по размеру. Может химикатами? А какими? Ладно, вспоминай, чему тебя учили на парах по растениеводству! Как борются с повиликой? Карантином. Что ж, кажется, сотрудники КГБ действовали не так уж и глупо... Пока не появился я.

Огонь! Точно, его бояться все. И я сожгу чёртово растение переросток дотла! Где взять огонь? На кухне. Столовая НИИ крайне приятное место, да и готовят там неплохо. Заманк человека-растение туда, оболью маслом и зажгу спичку!

Теперь, чем его отвлечь? Оно реагирует на запах и залезает в голову, чтобы понять, где я. Значит, нужно дать ему ложный след. Так, я вспотел столь сильно, что свитер, футболка и брюки превратились в мокрые половые тряпки. Наверное, провоняли они знатно. Пора от них избавиться. Лучше потом буду объяснять полиции, что я делаю в трусах посреди ночи в закрытом Агрокомплексе, чем стану грядкой для семян этой дряни.

Так, одежда отправляется на пол. А монстр уже приближается к тому месту, где я нахожусь. Нужно кинуть в него что-то чтобы ненадолго вывести из равновесия и позволить мне спокойно выскользнуть из столь сложной ситуации. Какая-нибудь увесистая книжка подойдёт. Вот, «Староград», прости, но сегодня тебе суждено пришить жуткое чудище...

План сработал почти идеально. В первый раз, я промахнулся по монстру, а потому вслед за первой книжкой, сразу же полетела вторая «Капитал» Маркса, менее увесистая, но не менее действенная. Дальше всё словно в тумане, рёв монстра, новый хлопок стальной дверью, спуск по лестнице. Кухня.

Подсолнечного масла здесь было в достатке, можно всё здание облить. Кроме него из горючих материалов была разве что кем-то припрятанная бутылочка сидра. Она тут же отправилась ко мне в нутро. Для смелости.

Так, теперь зажечь комфорки. Чудовище кажется ещё не оправилось от шока, ибо всё ещё не залезло ко мне в голову. Значит есть время подготовить план Б и открыть окно. Кухня находится на первом этаже, так что я запросто улизну, если всё пойдёт не по плану, а затем попытаюсь захлопнуть окно с той стороны, чтобы оно не выбралось.

Окно открыто, комфорки горят, помойное ведро, приспособленное для десяти литров масла, в руках. Как только оно подойдёт к плитам, я оболью его маслом и буду надеяться, что огонь с них перекинется прямо на ЭТО. План идиотский. Но лучше я пока не придумал.

**

Он тут. За дверью. Корм прямо на кухне. Почему я помню что это такое? Не важно. Важно то, что сейчас я поем. От него так и веет жаром. Я аккуратно захожу на кухню. Пища видит меня, но не убегает. Почему? Сдался?

Хорошо, я приму его поражение и позволю стать частью себя. Остаётся лишь подойти и взять то, за чем я столько гонялся.

Самое время привести план в действие! Я быстро плеснул всю жидкость из ведра на своего противника. Жадное пламя кинулось на свою жертву, заставив корчиться в адских муках. Я с восхищением наблюдал, как эта тварь бьётся в агонии и молил всех богов, которых знал, о том, что от подобной прожарки она погибнет.

Я смотрел на горящее тело минут пять, а затем ещё полчаса на тлеющие останки. Дело сделано, тварь повержена. Что теперь? Уйду. Да, просто выйду через окно и отправлюсь домой, словно ничего и не произошло. Хороший план.

Правда холодно на улице. Особенно если ты в одних трусах. Влитый внутрь сидр тоже, почему-то не слишком согревал. А вот голову мутил знатно. Еле передвигая конечностями я выбрался на улицу. Было ещё темно. По всему городу горели фонари, однако прохожих на улице не было. Всё же это был тихий древний район в центре, лишённый каких-либо клубов и ресторанов. Кому тут бесчинствовать в ночи? Разве что мне.

Вон, идёт какая-то женщина. Попрошу у неё телефон, позвоню в такси, пусть увезёт меня домой. Надеюсь, она не примет меня за маньяка или извращенца какого, в таком-то виде...

Подхожу к ней, прямо под неприветливо мигающим фонарём, и трогаю её за плечо. Она в замешательстве оборачивается, но почти сразу же меняет удивление на невероятный испуг. Затем нечеловеческий визг. И она убегает.

Я конечно понимаю, что выгляжу не слишком и приглядно, однако не настолько же, чтобы вот так от меня сбегать. Я взглянул на своё отражение в луже под ногами. Множество копошащихся ростков посмотрели в ответ. Лампа уличного фонаря лопнула...

Охотник — Смерть II

Мне не было дела до той истории, что пыталось рассказать мне это странное существо. Ситуация и без того слишком безумная, чтобы я на полном серьёзе слушал рассказы о прошлом какой-то совсем уж неведомой твари. К тому же это всё могла быть ложь, искажённые воспоминания или и вовсе, вся ситуация была моими предсмертными галлюцинациями.

На тот случай, если последнее предположение всё же было неверно, я и решил отвлечь это существо на рассказ о своём прошлом. Всё же, у меня был ещё один козырь в рукаве, чтобы попытаться выбраться отсюда. И мне бы не хотелось, чтобы это корневое нечто знало, чем именно я собираюсь воспользоваться для того, чтобы сбежать. Может, в будущем это могло бы мне пригодиться. Особенно, если оно действительно общалось с Королём.

При мне не было оружия, моего внепространственного мешка и тех артефактов, которые мне дали боги. Видимо потому, что мой разум не мог воплотить их или получить к ним доступ в этом пространстве. Однако при мне был медальон в виде сердца заключённого внутри солнца, что был снят с тела одной беспшёрстной и передан мне моим временным союзником. Насколько я понял, он может спасать от воздействий леса. Может быть, если хотя бы часть безумств была вызвана той корневой сущностью, что предстала предо мной, то я смогу использовать этот необычный талисман, чтобы спастись из её сетей.

Пока бог был погружён в свой рассказ, я ощупывал металлическую поверхность безделушки, чтобы понять, как она работает. В один момент я нащупал маленькую нажимную пластинку. После её активации, из устройства раздался тихий женский голос:

— Агент Шира если ты это слышишь, то скорее всего оказалась в опасности. Самое время, чтобы проверить мою теорию о том, что лес разумен. Глубоко вдохни и настрой своё сознание на то, что я тебе сейчас скажу. Понимаешь ли ты, что является настоящим маяком для разума? Искусство и те образы, что в нём заключены. Нечто известное и понятное, что ведёт нас сквозь тьму, освещая её. Кулоны, которые я вам дала, сами по себе ничего не делают. Это просто красивые блестяшки с заключённым внутри маленьким динамиком. Однако, если ты это слышишь, значит, вероятно, они защитили тебя от ментальной угрозы. Всё дело в символизме. Веря в защитную способность амулета, ты не дашь этой аномалии захватить свой разум и подвергнуть тебя своему влиянию. По сути, то, что ты держишь в руках — действительно маяк, но маяк лишь для твоего сознания. Чтобы концентрируясь на нём, оно не потерялось в тёмных дебрях инородного влияния. Теперь запись моего голоса прервётся и начнётся воспроизведение стихотворения. Ты должна сосредоточиться на его словах и не важно, какой смысл они за собой несут. Если мои предположения верны, то подобное символическое влияние должно спасти тебя от текущей опасности и помочь повлиять на все ментальные угрозы. В первый раз эффект должен быть достаточно сильным, но дважды такой трюк скорее всего не работает. Удачи.

Затем наступила тишина, а после из динамика выразительно и громко было продекларировано:

"Древние боги, одетые в мех,
Смотрят на мир с белоглавых вершин.

Достоинно быть войном в мире мужчин,

Достоинство коль честью заляпан доспех.

-

Нас встретит альтинг славою тех,
Кто навечно ушёл в каменелую твердь.

Ворон покорно уселся на жердь,
Свежую кровь вместо падали ев.

-

В ласках нагих окровавленных дев,
В пении скальдов на веки веков,

Ты не утопишь яростный гнев,
Не утолишь кровожадность богов!

-

Верю предков, сагой клинков,
Историю пишет чернеющий зев

И чрево того, кто губитель веков,
Чье чрево страшнее всех хищников чрев.

-

Прислушайся! Слышишь отчаянный зов?
Сверканье стали ты видишь во мгле?

В безумстве атаки стая волков
Кровавые почести вносит земле!

-

Так можно мужчиною стать и лишь так!
Кровавые руны внося на покров

И меч окрапив, в бессилии слов,
Ты вой! Ибо и имя твоё — волколак!"

Когда речь закончилась, я будто бы на мгновение исчез. Испарился из этой реальности полностью утратив самосознание на короткий момент, чтобы в итоге прийти в себя в своём теле, в зале со странным зелёным яйцом. Стебель, присоединявшийся к моей голове, отпрянул и засох. Я поднялся на ноги, шатаясь.

Первым делом я ощупал своё тело. От былой слаженности не осталось и следа. Мало того, что мой череп теперь был вскрыт, а мозг оголён, я сам будто бы иссох и постарел. Мышцы опали и едва держались на костях. Истончившаяся кожа плотно обхватила рёбра. Руки дрожали и в них уже не было былой уверенности.

Я огляделся. Обстановка в помещении была так себе: рядом сидели уныло полуживые бедняги, присоединённые к семени; в дальнем углу были сложены их унылые пожитки. Моего клинка среди них не было. И уже это было более чем паршиво. Я и так оказался едва живой, в тылу врага. Так ещё, видимо, и умру теперь без оружия в руках.

Повезло только, что в помещение с жертвами волки не оставили стражу, иначе мой конец был бы моментальным. Видимо они считали, что сущность сможет удерживать свою

добычу сама и нет необходимости стеречь своих пленников. Плохо было то, что они всё же иногда проверяли это помещение и из глубины коридора показался громадный волк с белой шерстью.

Я понял, что вот сейчас мой конец и придёт, а потому просто смотрел на него. Хищник замер и также уставился на меня, не шевелясь. Так бы мы и стояли, сверля друг друга удивлёнными взглядами, если бы он вдруг не сказал:

— Видимо я в тебе не ошибся.

Он повернулся ко мне спиной и махнув рукой, пригласил следовать за собой:

— Пойдём, у нас не так много времени.

— Пойдём куда? — спросил я.

— Убьём то, что убить нельзя. — отрезал он.

Я сразу понял, что он имеет в виду Короля. Также мне пришло на ум, что ещё одно поражение я уже не переживу. Сражаться в таком состоянии тоже. Значит, удача моя всё же кончилась и теперь пора встретиться с тем, от чего я всегда бежал. Со смертью.

Охотник — Смерть III

Белый волк привёл меня в маленькую каморку, неподалёку от зала для жертвоприношений. Он прикрыл дверь и, нависнув надо мной своим громадным телом, что казалось ещё более огромным ввиду моей собственной иссушённости, серьёзно затараторил:

— Слушай меня внимательно, Охотник, у нас с тобой будет всего одна попытка, чтобы совершить невозможное.

— Я слушаю. Какой у тебя план?

— Очень простой. Ты вызовешь Короля на дуэль за верховенство в стае и сразишь его в честном бою на глазах у всех.

— Честный бой? В моём состоянии?! У меня тут, вообще-то мозги всё ещё обдувает ветром.

— И ты всё ещё жив. Кроме того, ты пережил встречу с БОГОМ КОРНЕЙ, а это уж достаточно хорошо показывает твои шансы.

— Я пережил встречу с чем-то, что рассказало мне историю, как за ним гонялся монстр с которым он обменялся сознанием и после поглотил пару вселенных. Я конечно не понял половину рассказа и не слишком его слушал, но как по мне, это явно не самая страшная угроза с которой можно было бы встретиться.

— Богам свойственно врать, разве ты не знаешь? Так рождаются все их уроки и испытания — через ложь. Особенно это касается БОГА КОРНЕЙ. Он всему лесу мозги задурил, не говоря уже о Короле.

— И это одна из причин, почему ты просишь меня его убить...

— Именно. Пора покончить с его благородной недальновидностью. Я мог бы и сам бросить ему вызов, но я точно его не пересилю. А вот ты точно такой же как он.

— Только вот он бессмертен. Я не смог его поразить, хотя бил в самое сердце.

— Потому что его внутренности высохли и мумифицировались. У него нет уязвимых органов потому, что у него вообще нет ничего живого внутри.

— И как мне убить то, что не живо?

— Придумай что-нибудь. Если этого не сделаешь ты, то этого никто не сделает.

— Мне нужно восстановиться, хотя бы пару дней...

— И где ты собрался восстанавливаться? Из крепости тебе не выйти, по пути тебя явно убьют, накинувшись толпой.

— Тогда я останусь здесь.

— Первый учуявший тебя стражник закончит твой отдых.

— Король его закончит даже быстрее!

— Ладно, давай так. У тебя нет выбора: или ты идёшь и бросаешь ему вызов, или я лично верну тебя обратно к БОГУ КОРНЕЙ. Он всё равно убьёт тебя многим мучительнее истощив плоть.

— Хорошо, а если Король откажется от боя?

— Не откажется, если не хочет потерять уважение стаи. Если он его потеряет, то на него разом накинутся все сородичи. Меня устроят оба варианта. Но самый вероятный устроит и тебя. Ты его убьёшь и сам станешь Королём.

— Я всё ещё очень сомневаюсь, что я его убью.

— Сомневайся. Однако роль свою ты всё равно сыграешь.

С этими словами он открыл дверь и выглянул наружу. Убедившись, что никого рядом нет, он достал с одной из полок кладовки большую корзину с крышкой. Открыв её, он жестом приказал мне залезть внутрь.

— Это очень глупая идея. — констатировал я.

Однако зверь ещё раз сердито указал пальцем на короб. Пришлось подчиниться и залезть внутрь. Белый волк легко поднял тару вместе со мной и на руках понёс куда-то по длинному коридору.

Корзина была очень пыльной внутри, так что я еле-еле сдерживался, чтобы случайно не чихнуть. Внутренняя поверхность была сделана из очень грубо обработанного дерева, а потому неприятно царапала мою кожу. Кроме того, в ней было темно, поскольку плетение было очень плотным, так что я едва ли мог наблюдать за происходящим снаружи. Разве что слышать имел возможность.

Однако, долгое время ничего особенного не было. Шарканье моего внезапного союзника, порой перекликающееся с шагами проходящих мимо обитателей крепости.

Белый волк заговорил лишь когда мы пришли к окончательной цели:

— Король, я пришёл просить поединка за власть.

— Ты решил бросить мне вызов, Белый?

— Нет я бы не решился. А вот мой подарок вполне. — с этими словами он поставил короб на землю, открыл крышку и выпустил меня наружу.

Я вновь увидел перед собой свою точную копию. Он стоял в окружении своих ужасающих слуг, вооружённый одноручным стальным топором. Мы все находились в довольно большом помещении, предназначенном, по-видимому, для оттачивания боевых навыков. Здесь стояли соломенные манекены, а также стойки с оружием и бронёй.

Еле поднявшись на ноги, я отряхнулся и попытался встать в максимально уверенную позу. Хотя, кажется, все понимали, что моя уверенность была напускной.

— Значит, ты всё-таки выбрался из ЕГО царства? — спросил Король, явно удивлённый моим появлением, — Интересно...

— Не так уж просто меня убить. — сказал я.

— В этом мы с тобой похожи. — вожак стаи добродушно усмехнулся.

— На сей раз я не ошибусь так, как ошибся в прошлый раз. Дай мне мой клинок и мы сразимся честно. — я вовсе не был уверен, что хочу сражаться честно, но ситуация уже не позволяла отступать.

— С твоим клинком мы уже попрощались. Я велел его переплавить. Но ты можешь выбрать любое оружие из того, что найдёшь в этой комнате. И надень какой-нибудь шлем, что ли, а то у тебя мозг видно.

Он приказал своим слугам расступиться и дать мне доступ к оружейным стойкам. Белый волк проследовал к ним вместе со мной. Рассматривая самые разные клинки, копья, молоты и топоры, я спросил у него, полушёпотом:

— Не знаешь ли ты, есть ли у него какие-нибудь уязвимости?

— Если бы я знал, то сам бы давно уже расправился с Королём. — сказал волк, — Тебе предстоит выяснить его уязвимости в процессе.

— Значит, мне нужно что-то, чтобы продержаться как можно дольше.

— Да, время подумать будет не лишним.

Я взял в руки изящную металлическую глефу. Длинная, крепкая деревянная рукоять и прямое смертоносное лезвие с крюком давали большой простор для манёвров. С таким

оружием я мог как держать своего противника на расстоянии, так и держать его в своей зоне контроля, не позволяя нанести удар. Если не пустить Короля вплотную к себе, то я вполне смогу продержаться достаточно долго, чтобы придумать способ, которым я его прикончу. Но даже если он и сможет подойти слишком близко, то мне всё ещё будет чем ему ответить. Как раз на такой случай, я повесил на пояс короткий меч.

Оставалось только выбрать подходящую броню. Гладкий шлем, который выступит мне заменой отсутствующей части черепа, на деле не внушал надежды. Один удар по нему, всё равно что удар по обнажённому мозгу: и так и сяк содержимое головы не получится сохранить в целости. Однако, лезвие может быть уведено в сторону, если пройдёт по самому краю шлема. В таком случае кинетическая энергия не передастся моему самому уязвимому месту, а значит хоть немного я буду защищён.

Нагрудник я выбрал лёгкий, чтобы не сковывал движения. А вот наручи и поножи были крепкие, из толстой стали, чтобы первый же удар по рукам или ногам не закончил мой смелый выпад вперёд. Вот и вся защита. Нехитро, но большего груза я бы и не унёс на себе. Мне и глефу то было нелегко держать на весу, что уж говорить о чём-то окромя неё?

Наконец, я был готов к тому, чтобы попытаться принять бой. Вся надежда была только на то, что я смогу попробовать разные тактики и понять, что будет наиболее эффективно. Король же едва ли брал на себя какие-либо волнения или надежды. Он был уверен, что у меня не выйдет его одолеть, а потому он просто смиренно ждал, пока я закончу приготовления, не сменивши свой топор на что-то другое. Броню мой брат также не удосужился надеть.

Его безграничная уверенность окончательно подтачивала мою. Я взял своё оружие покрепче и кивнул ему в знак готовности. Он кивнул в ответ. Все волки разошлись, обступив нас широким кругом, обозначающим края импровизированной арены. Мы встали в разных её сторонах. С моей стоял и Белый. Он шепнул мне украдкой:

— Удачи.

Дуновением в рог был подан сигнал к началу битвы. Мы, с моим оппонентом, начали постепенно сближаться. Я выставил глефу вперёд, чтобы отгонять своего врага, если тот решится напасть первым. Однако он никак не решался. Король расслабленно стал меня обходить, не приближаясь и даже не поднимая топора. Я поворачивался вслед за его движением. Вскоре мы ходили кругами. Каждый из нас ожидал, что соперник нанесёт первый удар.

И я решил быть первым. Моей изначальной идеей было отрубить своему врагу все конечности, чтобы обездвижить его. Мне думалось, что он не сможет просто отрастить отрубленную руку или ногу, так что, чтобы его обезвредить, стоило попробовать его разделить. Молниеносно замахнувшись, я приземлил глефу прямо на неудачно подставленную руку своего противника. Острое лезвие легко вошло в плоть, однако внезапно встретилось с очень твёрдой костью.

Я будто бы ударил металлом по металлу и меня даже повело назад так, что я чуть не потерял равновесие. Сила, с которой я нанёс удар должна была быть достаточной, чтобы хотя бы раскрошить кость, однако та, судя по всему, осталась невредимой. Да даже кровь из столь глубокой раны не шла, что вполне объяснялось высушенными внутренностями Короля. А кроме того показывало, что столь сокрушительный удар он даже не почувствовал.

— Хорошая попытка, но попробуй ещё разок, я позволяю. — сказал Король, с насмешкой, — Мои кости гораздо прочнее любой стали.

Он демонстративно отвёл правую руку в сторону, чтобы я ударил ещё раз. Подумав, что снова пытаться пробить кость было бы глупо, я решил воспользоваться его показушничеством и ударить прямо по локтю. Хрящ явно должен быть не таким прочным, как кости, а потому перерубить его должно быть довольно просто.

Второй замах попал точно в цель, вот только лезвие внезапно застряло в соединительной ткани. Да так, что даже дёрнувшись назад я не смог её вытянуть. А вот Король дёрнул рукой и я, всё ещё крепко обхватив древко, полетел прямо на него. В тот же момент, мне в живот полетел его кулак. Удар пришёлся прямо в солнечное сплетение, ввиду чего я тут же отпустил оружие и согнулся в три погибели.

Король вытащил лезвие глефы из своего локтевого хряща, а саму её отбросил в сторону. От топора, летевшего в голову, меня спас заготовленный клинок. Впрочем, рубящий замах моего противника был столь сокрушительный, что моё последнее оружие расколосось напополам.

Прежде чем в меня полетел добивающий удар, я, всё ещё стоя на одном колене, ловко отстегнул свой шлем и метнул его прямо в голову моему противнику. Это позволило мне перегруппироваться и отступить. Теперь я был без оружия и защиты головы. Но отступить было некуда, а значит надо было продолжать бой.

— Это было ужасающе скучно. Друг мой, я ждал от тебя большего. Но ты раз за разом разочаровываешь всё сильнее. — сказал Король.

Я не стал ему отвечать, лишь глубоко выдохнул и ринулся в абсолютно самоубийственную атаку с одними кулаками. Как я и ожидал, мой противник замахнулся топором для того, чтобы ударить меня сбоку. Я блокировал этот удар крепким наручем. Тот расколосся, да и рука неприятно вывернулась, однако всё же она не пострадала. Второй, свободной рукой, я всадил оппоненту прямо по челюсти.

Это было не самое разумное решение, так как это было всё равно что бить кулаком об стену. А вот ответный удар по моей челюсти действительно нанёс мне серьёзный урон. Это был довольно мощный апперкот, который заставил меня отлететь на несколько метров от своего противника.

Он был столь силён, что мой правый клык мигом раскрошился. При этом, сломанный зуб выпустил из себя какую-то жидкость, которая тут же смешалась с заполнившей мой рот кровавой слюной, сделав её густой и вязкой. Когда это произошло, я вдруг вспомнил о подарке Бога Ветвей. За всей этой чехардой, я совсем забыл про зубы, что должны позволить мне сожрать то, что нельзя убить.

До сих пор я ни разу ими не пользовался. Более того, я совсем не знал как это делать. И даже теперь, лёжа на холодном полу истекая кровью, я едва ли мог рассчитывать на то, чтобы подняться и укусить своего противника. Однако жидкость, заполнившая мой рот, возможно могла меня спасти. По крайней мере, мне хотелось думать, что она то как раз и должна стать тем, что поможет мне повергнуть бессмертного брата.

Король, к тому моменту, как я получил свою последнюю надежду, уже подошёл к тому месту, где я лежал и занёс топор над моим бранным телом:

— Слабоумие и отвага. Ты разочаровываешь даже больше, чем Небыль и Агнец. Но, поскольку теперь твой путь окончен, я позволяю тебе сказать последнее слово. Подумай над ним хорошо, чтобы не опозориться хотя бы перед самой смертью.

Пусть это было глупо и очень самонадеянно, но вместо ответа, я плюнул ему прямо в лицо. Король пошатнулся, выронил своё оружие, закрыл руками свой аристократический лик

и вдруг упал.

Когда я поднялся, сплюнув остатки смертоносной жижи в сторону, мой противник, только что готовившийся праздновать победу, уже застыл на полу в полном ступоре. Его мышцы затвердели и застыли, а единственной вещью, которая свидетельствовала о том что он ещё жив, были глаза. Они испуганно двигались, следя за всеми моими действиями.

Я приблизился к его окоченевшему телу и склонился над ним:

— Может я тебя ещё раз разочарую, но я не горю желанием делать то, что должен. Тем не менее у меня нет другого выхода. Я бы мог попытаться облегчить дальнейший процесс чем-то или позволить сказать тебе последние слова. Но первое не позволят сделать твои кости, а второе мой парализующий яд. Если честно, я и сам не думал, что это сработает. Но теперь пути назад уж точно нет. Прости меня, Король.

С этими словами я вцепился в его плоть, отрывая куски и тут же проглатывая их, не особо жуя. С каждым съеденным кусочком, я чувствовал, как становлюсь сильнее. Моё тело активно заживлялось и даже череп стал активно восстанавливать утраченные части. Кроме того, вместе с силами, в моём разуме стали возникать воспоминания и образы, которых там раньше не было.

Вместе с их приходом, я понял, что сегодня, на этой арене, Охотник умер. Всё потому, что с новым грузом воспоминаний и стремлений, я уже явно был кем-то другим. Ни Изгоем, ни Королем, а чем-то новым, рождённым из их симбиоза.

Нечто новое — Что-то за пределами

Сначала думал я, что имя — серафим, И тела легкого дичился, Немного дней прошло, и я смешался с нимИ в милой тени растворился. Осип Мандельштам, "Я в хоровод теней..."

Сказание четвёртое — Каин

Мысли собирались воедино из разрозненных кусочков, обретая определённую, вполне чёткую форму. Воспоминаний, собранных таким образом было не так уж и много, но все они давали мне чуть более чётко заглянуть в прошлое. Кроме того, теперь я помнил и то, что случилось с Королём Волков за всё это долгое время.

Это уже давало мне представление о том, что происходило в лесу за то время, пока я скитался, зарабатывая себе на жизнь охотой и заказными убийствами. Например, я чётко видел, как Король заключал сделку с Богом Корней. Видел невысокое дерево, оплетающее окружавшие его мегалиты своими корнями, прямо в том месте, где происходил злополучный договор.

Бог обещал Королю спасение для всего леса и тот наивно поверил в замыслы инородной сущности. Но что это было за спасение на самом деле? Лишь становление частью монструозной нейросети, которая многие и многие циклы разлагала лесные законы и саму суть местной природы.

Но можно ли в этом винить моего почившего брата? Едва ли он знал, с кем на самом деле заключает договор. Король действовал исключительно из благородных мотивов, жертвуя немногими ради спасения всех. Так что сам он не был злодеем, однако последствия свершения его благих намерений теперь нужно было срочно исправлять. Об этом просили те обрывочные воспоминания, которые всплывали внутри моей черепной коробки.

--

Я видел себя посреди леса, рядом с огромными обтёсанными камнями, выставленными в круг. Насколько я мог вспомнить, такие структуры называли "кромлехами". И конкретно этот действительно поражал своими масштабами. Впрочем, я пришёл к нему не для того, чтобы любоваться древними камнями. Я ждал некое существо, что появилось довольно скоро.

Это была огромная лиса, пришедшая ко мне на четырёх лапах. При виде меня, она сразу же сказала непринуждённо:

— Прекрасное место, не правда ли?

— Действительно прекрасное. — отозвался я, — А также довольно умиротворённое, не правда ли?

— Даже чересчур. — заключила она, — Так что вам удалось выяснить за время вашей работы?

— Ну, не так много, как хотелось бы. Этот лес остаётся для нас довольно серьёзной загадкой. Даже его обитатели, что с самого начала жили среди деревьев, едва ли могут рассказать что-то о том, кто его создал и зачем.

— Вы всех их опросили?

— Абсолютно всех. Даже того безумного птенца, который назвался Богом Ветвей и утверждал, что властвует над кронами деревьев.

— Надо думать, что он врал насчёт своей божественности?

— Да. Обычная лесная пташка, только с несколько раздутой манией величия.

— Что ещё удалось узнать?

— Ну, например, мы кое-что выяснили об этих громоздких камнях. Они являются своего рода пультом для тех процессов, что происходят в лесу. Если мы сможем подключить к ним наши устройства, то вполне можем перенести этот "пульт" в свой исследовательский центр. Ну это так, если надо будет поэкспериментировать с местной погодой или пространством.

— И всё-таки, СтарПолимер, прежде всего интересуется происхождение этого места.

— Я понимаю, что именно вы хотите услышать. Но мы пока не выяснили, связано ли это место с вашим народом или нет. Местные технологии едва ли похоже на те, которыми пользуетесь вы.

— Но шанс на связь остаётся?

— Пока у нас нет точных ответов, вполне.

— Может быть, у вас хотя бы теории появились?

— Ну, у меня есть одна. Но она связана не с точными фактами, а с моими додумками. Знаете ли, я рос в месте, где всем заправлял сошедший с ума искусственный интеллект. Он оградил мою семью от внешнего, мёртвого мира и строил внутри нашего бункера свой собственный мир. Мы же, как его обитатели, были всего лишь игрушками в руках электронного бога.

— И как это связано с Тихим Лесом?

— Вы послушайте до конца. Я лишь хотел сказать, что у этой рощи могла быть похожая судьба. Это маленькое, карманное пространство населено дружелюбными зверьками и выглядит практически идеальным, будто является частью какой-нибудь сказки. Может, кто-то специально его создал, чтобы наблюдать за своей маленькой утопией?

— Или это могла быть детская игрушка...

— Именно. Что-то вроде огромного и интерактивного снежного шара, в котором какой-нибудь малыш мог спастись от проблем в жизни или просто развлекаться. При этом, само это пространство могло быть созданным как самим ребёнком, так и его заботливым родителем. Может быть всё было и не так, всё же природа этого места крайне таинственна. Вопрос лишь в том, а могли бы ваши сородичи создать что-то такое просто как развлечение для ребёнка?

— Я была рождена после того, как с моим народом случился Катаклизм. Кроме того, у нас сохранилось не так уж и много технологий из тех дремучих времён, когда он произошёл.

— То есть, вы тоже не знаете.

— Поэтому вы и работаете над этим проектом. Если он как-то связан с нашей цивилизацией или, более того, сможет привести нас к нашему родному миру, то это изучение определённо стоит любых издержек и затраченного времени. Кроме того, если мы сможем подчерпнуть хотя бы часть технологий, что могли спроектировать и реализовать подобное пространство...

— Корпорация будет обладать огромной силой. Я понимаю.

— Тогда продолжай выполнять свою работу.

--

Вот передо мной всплыло иное воспоминание. На сей раз из далёкого детства. Я сидел в классной комнате, вместе с ребёнком моего возраста. Этот мальчик, был мало похож на меня и, тем не менее, я точно знал, что это мой брат. Пусть мы и не были с ним сиблингами, мы росли вместе и учились тоже вместе.

В тот момент нас инспектировала "Та, кого мы называли богиней". Она очень упорно занималась нашим обучением, чтобы воспитать идеальных жителей её идеального мира. Так, нам постоянно выдавали тесты, которые отражали наш психоинтеллектуальный профиль. Если наши повадки не совпадали с теми, что ожидала Та, кого мы называли богиней, то нас ждало суровое наказание.

Прежде всего, нас "исправляли", применяя самые разные методы: медикаментозные психостимуляторы; электроды, корректирующие мозговую активность точными стимуляциями электричеством; традиционные методы воспитания, вроде лишения доступа к библиотеке или другим развлечениям; также нас иногда запирали в "белой комнате" и это было самым страшным наказанием из всех. Никто не хотел бы попасть в "белую комнату" на сколь бы то ни было долгое время.

Но до того, нас третировали только промежуточными тестами. В тот день, к которому меня отнесли воспоминания, нас с братом ждало финальное тестирование, которое должно было окончательно закрепить наши личностные качества и дальнейшую роль в идеальном обществе. Разумеется, мы не знали заранее, что именно нас ждёт, но каждый из нас, тем не менее, очень старательно готовился, в надежде получить достойное место в нелёгком деле восстановления мёртвой планеты.

Помимо прочего, между нами двумя не было того душевного единства, которое бывает обычно между сиблингами, ведь оными мы и не являлись. А вот мальчишеское соперничество цвело пышным цветом. Каждый из нас хотел переплюнуть другого, стараясь показаться лучше в глазах родителей и Той, кого мы называли богиней. С родителями, брату всегда везло больше, чем мне.

Мачеха любила его несколько больше, поскольку он был её родным сыном, а вот я, пасынок, напоминал ей о дурном прошлом. Отец же был снисходителен ко всем своим детям, но принимал участие в их жизни постольку поскольку. Как и мачеха, он был в плену прошлого, давно ушедшего и истлевшего. Но, в отличие от своей жены, испытывавшей к ушедшему лютую ненависть, он лишь сокрушался по нему и тонул в воспоминаниях. Всё то время, когда он не работал на поверхности, отец проводил запершись в своей комнате и напиваясь в слюни, чтобы просто перемотать время до следующего точно такого же унылого дня.

И сейчас, разобравшись с фаворитами в любви родителей, я хотел выиграть себе внимания хотя бы от Той, кого мы называли богиней. Это было мне жизненно необходимо, будто вода и воздух, будто еда и хороший сон. И я долго готовился, чтобы не посрамиться на самом важном экзамене в моей жизни. Но когда мы пришли в комнату, где нас предстояло тестировать, то нам был задан всего один-единственный вопрос:

— Что для вас судьба? — спросил холодный, металлический голос.

— Вера в неизбежность происходящих и грядущих событий. — сказал Авель.

— То что необходимо сломать или изменить, чтобы почувствовать себя свободным. — произнёс я, будучи твёрд в своей оппозиции к брату.

Но бесчувственная машина, являвшаяся Богиней, приняла лишь его слова, как верный ответ. Мои же слова были с жестокостью отвергнуты:

— Свободы не существует, как не существует всего того, чего ты не видишь или не можешь постигнуть. — сказала Та, кого мы называли богиней. — Авель заслуживает своего места будущего лидера и приемника твоего отца, потому что понимает свою беспомощность и зависимость. Ты же, Каин, будешь подчинён и подавлен, не потому, что меньше

заслуживаешь власти, но потому что должен выучить один единственный урок: никакой свободы нет. Это то, что надо почувствовать самолично, чтобы не наделать ошибок в погоне за своей призрачной и глупой мечтой.

С этим неутешительным итогом мы были отпущены в свободное плавание. Больше никаких наставлений и уроков нас не ждало, лишь такая же рутинная и серая жизнь, как и у наших родителей. И в этой серости я мне не суждено было быть главным и верховодить над своими более глупыми братьями. Моей ролью отныне и навечно должно было стать смирение. И мириться с этим я не мог. Во мне кипела гордость и желание сбросить с себя любое навешанное ярмо.

Я восстал против всего, что тогда знал. Я восстал против любой власти, что нависала надо мной. Я восстал супротив родителей. Я восстал и против Той, которую мы называли богиней. В конце концов, я восстал против своего собственного младшего брата.

Когда мы были на улице, в одиночестве, я взял камень в свои руки, повалил Авеля на землю и занёс своё оружие над его головой. Уже сидя на его груди и глядя в его испуганные глаза, я думал о том, что сотворю сейчас нечто ужасное. Но через это ужасное ко мне и придёт долгожданная свобода.

Однако я был остановлен. Моя рука была перехвачена мягкой женской ладонью. Это была моя мачеха, которая не смотря на то, что едва предотвратила сцену смертоубийства своего родного сына своим пасынком, не выглядела злой или яростной. Она была спокойной и даже необычно мягкой. Отправив шокированного Авеля домой, она заговорила со мной неожиданно ласково:

— Я знаю, почему ты это сделал. Я знаю, чего ты хотел достичь. Когда-то и меня заботила лишь свобода. Когда-то и я не желала подчиняться судьбе. Я презирала правительство, власть, твоего отца и твою мать. Но после всех лишений и потерь, что дало мне своё свободомыслие, я смирилась. Мне стало ясно, что Богиня права и мудра в своих решениях. Что жизнь в ином контексте и невозможна. Пытаться бежать от законов, правил и зависимостей крайне глупо и самонадеянно. Они всегда тебя нагонят.

— Разве это похоже на жизнь?

— А разве нет? Есть ли хоть какие-то отличия, кроме того, что от свободы ты страдаешь, а без неё вся возможная вина и боль перекладываются на того, от кого ты зависишь?

— Это очень эгоистично. Это похоже на жизнь домашних животных.

— И это самая лучшая из возможных жизней. Я прошу тебя получать удовольствие от такого бытия. Стремясь изменить свою жизнь и сделать всё согласно своему видению, ты разрушишь вообще всё. Ты станешь смертью, разрушителем миров, прямо как твоя мать. — пока она произносила эти жестокие слова, мачеха казалась мне мёртвой птицей.

Когда-то в далёком детстве, я увидел почти разложившийся птичий труп, лежавший на земле под деревом. В его белых костях погибла моя ребяческая наивность и впервые родилось осознание собственной смертности. Детство закончилось вместе с невесёлым открытием конечности любой жизни.

И вот, после этих слов о том, что мне самому предстоит стать погибелью для всего, что меня окружало, я почувствовал как умирает моя собственная твёрдая вера в то, что я должен быть свободен и самодостаточен. Мачеха, как и птичий труп, вносили боль и страх в мою жизнь. И ответной реакцией на них становился гнев и злость. Я действительно возжелал разрушать.

--

Последним в памяти всплыло недавнее воспоминание Короля. Он с глазу на глаз общался с уже знакомым мне Белым волком. Правитель пытался убедить своего не слишком верного подданного в правильности верного курса:

— Мы сможем ЕГО контролировать. Я всё рассчитал и твои сомнения ничтожны.

— Какие гарантии, что эта тварь не выйдет из-под контроля? Ты убедил всех окружающих, что это правильное решение, довериться инородному божеству ради обретения свободы и силы. Но мы то с тобой не дураки. И ты, и я, понимаем, что ты сделал это не из глупой надежды на то, что он будет к нам снисходительным. Но, в отличие от тебя, я здраво оцениваю наши собственные силы и понимаю, что всё это безумно глупо. Нельзя надеяться на то, что такие сделки обойдутся малой кровью. — злобно констатировал Белый.

— Они и не обойдутся. Нам придётся многими пожертвовать. Но я чувствую, что мегалиты смогут дать мне власть над силой БОГА КОРНЕЙ.

— Разве чувства являются достаточным основанием для таких рискованных действий? Ты явно никогда не делал ничего подобного ранее. Так откуда ты знаешь, что это сработает?

— Моих чувств достаточно. У меня есть странное ощущение, что всё это я уже когда-то делал. Кроме того, мы всё равно уже не повернём назад. Теперь мы либо подчинимся, либо переиграем БОГА.

— Либо воспротивимся.

— Такого варианта я не рассматриваю. А если этого не делаю я, лидер стаи, то ты, мой советник, его также не принимаешь во внимание. Разговор закончен.

--

После этого воспоминания, в разуме всплыла странная картинка. Чуждый и смутный образ, что казалось бы не был в моём сознании ранее. Он был похож на сон или мимолётное видение будущего.

Это был мрачный и тёмный храм, сложенный из брёвен. Он стоял среди леса безмолвной громадой, заставляя трепетать от тайн, что скрыты за его стенами. Я чувствовал, что рано или поздно должен буду заглянуть за его тяжёлую скрипящую дверь и открыть то, что не хотелось бы видеть. То нечто, что лежало за пределами сознания, логики и любых смыслов, должно было окутать меня и понести прочь. Сама судьба, против которой я когда-то в детстве боролся, должна будет привести меня к этому месту и поставить жирную точку на всей истории Тихого Леса, а вместе с тем и моей истории.

Я проснулся с полной готовностью ещё раз восстать супротив этой судьбы и спасти лес любой ценой.

Выйдя из ступора, который на меня нагнали нахлынувшие воспоминания, я вновь оказался в реальности. Меня окружали встревоженные волки, которые ныне, видимо, должны были подчиниться моей власти и пойти за мной куда бы я их не повёл. Они явно боялись того, что нас ждёт впереди, ибо ровно, как и я, чувствовали, что грядущая битва с богом корней будет далеко не единственным испытанием. Может быть, даже наименьшим из прочих.

Действовать следовало стремительно, поскольку я и так потерял много времени пытаясь разобраться... с самим собой? Пожалуй, что теперь можно и так сказать. Всё же, от Короля мне в наследство досталась не только сегментированная память, но и определённая ответственность. Прежде всего за тех, кем я управлял.

И, пусть мой "предшественник" действовал крайне необдуманно решившись ради спасения своих подопечных поучаствовать в аванюре с помощью странному хтоническому сплетению корней. Всё же можно сказать, что Король хотел Тихому Лесу лишь добра, используя свои ресурсы ради того, чтобы даровать освобождение как можно большему количеству лесных жителей. Теперь и я, обладая его возможностями, смогу освободить из заточения в этой пространственной аномалии себя и всех тех, кто будет готов пойти за мной по пятам.

Обратившись к своим подчинённым и, прежде прочих, к Белому, я сказал:

— Кажется настало время пересмотреть идеи Короля.

— Король умер. — произнёс белошёрстный, подняв лапу, зажатую в кулак, — Теперь ты Король. Всё, что ты скажешь, будет для нас законом. И мы, твои слуги, внимаем любому твоему решению.

После этих слов он опустил на колено. Его примеру последовали и все остальные, находившиеся в комнате. Я знал, что они ждут от меня приказов и я дал им приказ:

— Мы выкорчем ростки бога корней. Разошлите гонцов по всем крепостям и кланам, до которых мы можем добраться, пусть также уничтожат семена. Пленников можно отпустить восвояси, если они будут ещё живы и разумны. Затем соберите у крепости всех, кого только можно. Мы выдвигаемся в самое сердце зла.

Отдавая команду, я чувствовал себя в своей тарелке. Уверенность и решительность, ранее несколько чуждые мне, ныне полностью утвердились в моей голове. Они достались мне не только от поглощённого сознания Короля, но и от того факта, что теперь я был цел и даже, возможно, почти неуязвим. Поглощение плоти моей точной копии подарило мне его силы. Кто теперь мог встать на моём пути?

Как и было приказано, волки собрались на поляне перед огромной крепостью. Их было всего около сотни, но все они были прирождёнными машинами для убийств и достойной армией, чтобы попытаться низвергнуть нечто из другого измерения. Я уже знал, куда именно нам нужно направиться. К тому дереву, что оплетало мегалиты. Где и была заключена сделка Короля. В моей голове чётко закрепилось знание того, что именно оно и стало центром влияния бога корней в этом измерении. И теперь этот центр надо было уничтожить.

Как только мы двинулись в путь, прямо передо мной приземлилась знакомая птица в золотых украшениях:

— Ты жив, Охотник.

— Больше не "Охотник".

— Значит ты — Король?

— Нет, и не он тоже. Я нечто новое, чему даже сам ещё не дал названия.

— Но твоя цель всё ещё прежняя?

— Да. Я как раз нашёл причину всего происходящего и хочу от неё избавиться.

— Тогда надо поспешить. Ты слишком много циклов провёл в волчьем логове. Вот-вот польётся последний дождь. И нам надо действовать прямо сейчас.

— Вы мне можете?

— Мы обязаны. Вся мурмурация на твоей стороне и мы последуем за тобой туда, куда ты нас поведёшь.

— Тогда не будем терять время.

Вскоре к нашему небольшому походу присоединились и птичьи воины. Все вместе, и птицы, и волки, уверенно маршировали в сторону злополучного дерева. Вскоре дорога привела нас к нему. Толстое дерево значительно выросло и растолстело с того момента, когда Король заключал свою сделку. Оно уже почти полностью "поглотило" своим дородным стволом окружавшие его громадные мегалиты. Конечно, снести столь огромное растение было крайне непростой задачей. Однако это вовсе не было главной проблемой.

Ведь здесь, опершись спиной на толстую кору, стояла мрачная человечья фигура. Это был Трикстер или, как звал его Король Волков, Небыль. При виде меня и той армады, что следовала за мной по пятам, он спокойно зевнул и отпрянул от дерева. Не слишком торопясь он подошёл ко мне и спросил:

— И так, кто из вас всё-таки победил: Охотник или Король?

— Охотник. А из вас?

— Мы не сражались. Агнец пожертвовала собой для меня.

— Нам тоже не обязательно сейчас сражаться.

— Я собой не пожертвую, чтобы ты мне не предложил.

— Я и не собираюсь тебя убивать. Мы можем обойтись вообще без этого.

— Мне в это не верить. Это почти наверняка уловка для того, чтобы нанести мне удар исподтишка.

— Кто бы говорил про такие удары...

— В этот раз я готов сражаться с тобой лицом к лицу.

— Ты не сможешь меня убить, я неуязвим.

— Это мы ещё посмотрим. Уж поверь, если уж я решился драться таким образом, то будь абсолютно уверен, что мне есть, что тебе показать. И твоё "бессмертие" меня не сильно волнует. Ведь главное и основное условие для любого бессмертия, собственно, смерть.

— Тогда чего ты ждёшь? Если уж "решился".

— Жду, когда ты нанесёшь первый удар, желая взять реванш.

— Я его не нанесу, можешь не ждать.

— Что ж я дал тебе шанс...

Стоило ему только произнести эти слова, как тут же из его туловища появилась вторая пара рук, державшая оружие бесшёрстного. Тут же прозвучал грохот выстрелов и в мою сторону полетело множество раскалённых стальных зубов. Увернуться у меня всё равно бы не получилось, так что я стойко принял большую часть снарядов. Как и ожидалось, они не нанесли мне никакого вреда, кроме довольно сильной, жгучей боли. Я даже практически не шелохнулся.

А вот несколько волков, из тех, что стояли прямо за мной, жалобно взвыли и упали на землю. Остальные же даже не успели оправиться от шока внезапно начавшегося боя, как из-под земли вдруг выскочили странные существа с парящими над плечами головами. Бросившись на моих солдат они увязали их боем и у меня не было никакой возможности помочь своим, ибо за первой очередью полетела другая.

Трикстер стремительно отступал назад, ловко перезаряжая своё оружие дополнительной парой рук так, что огонь из него становился практически неостановимым. Мне было просто необходимо сократить дистанцию как можно скорее и нанести решительный удар. Однако мой противник был многим резвее меня и даже моя глефа, что всё ещё была со мной, едва ли могла бы помочь мне сократить расстояние между нами.

Однако, всё же был трюк, который помог бы мне подобраться к моему сопернику. Для его исполнения я поднял оружие в правой руке и, замахнувшись, запульнул его прямо в ногу Трикстеру. Увлечённый стрельбой, он слишком поздно понял, что я не просто решил нанести ему хоть какие-то повреждения. И лезвие глефы, пробив таранную кость насквозь, прибило ногу моего оппонента к земле. Прежде, чем он успел опомниться и вытащить ногу, я подлетел к нему и со всей дури ударил в лицо.

Трикстер от подобного удара отлетел на несколько метров, грохнувшись на спину. Я быстро сократил и это расстояние. Прежде, чем мой противник успел вскинуть винтовку или встать на ноги, я несколько раз приземлил ногу на его грудь, отчего его рёбра хрустнули, а сам он закричал от боли. Но его судорожный крик, стоило мне прекратить бить, вдруг сменился на истерический смех.

Мне на макушку упала капля дождя. Вернее это было похоже на каплю, прежде чем оно, будто острое лезвие прошило мою голову, сделав сквозной тоннель вплоть до подбородка. Это было не просто больно. Это было так невыносимо, что я рухнул на землю на четвереньки в бессилии что-либо сделать, чтобы заглушить эти ужасающие ощущения прямо внутри моего черепа.

Мой противник, шатаясь, поднялся передо мной. Ещё одна капля упала мне на спину, прошив позвоночник и принеся ещё одну волну адского страдания. Трикстер сказал:

— Я всё ждал, когда над твоей головой соберутся тучи. Сейчас дождь наберёт силу и растворит тебя, вместе с твоим бессмертием.

Ещё одна капля упала мне на пятку. В надежде скрыться из-под потихоньку начинавшегося дождя, я попытался податься вправо, чтобы спрятаться в своём мешке. Но Небыль пресёк мою попытку побега, зарядив мне справа пробитой ногой. Я распластался на земле, лицом к небу. Надо мной и правда висело несколько небольших тучек, недоброжелательно чёрных.

— Ты никуда не уйдёшь.

Следующие две капли упали мне на грудь, прожигая рёбра. Я беспомощно взвыл. До своего противника я не мог доплюнуть своей ядовитой слюной, не мог ударить его или ещё раз попытаться убежать. Из-за всё ускорявшегося потока, что превращал моё беспомощное тело в решето, я даже думать не мог, полностью поглощённый агонией. В моей голове проносился лишь расчёт прожигавших меня капель: одна, две, три, четыре, пять, шесть...

Я снова проигрывал Трикстеру. Причём наступивши на те же самые грабли, на которые наступил Король: недооценил своего врага. А он, в то время, готовился и выжидал, чтобы разыграть всё так, как ему было необходимо. Мне теперь некому было помочь и сам я едва ли что-то мог сделать, для того чтобы чудесным образом выкрутиться из такой ситуации.

В конце концов, я не неуязвим и не бессмертен. А до недавнего времени я и вовсе был крайне беспомощен и слаб. У меня не было каких-то особых талантов, кои были у моих братьев-клонов. Да и жил я для, прямо скажем, ради крайне простых идеалов, никак не заботясь о том, чтобы помочь всем остальным. Мне было плевать на них и я был готов пожертвовать всеми ради того, чтобы самому выбраться из этого леса.

Дальше так продолжаться не может. Не только потому, что от Короля мне перешла его ответственность. Нет. Тут дело было вовсе в другом. Я вдруг почувствовал, что откланяюсь от того потока жизни, в котором плыл до этого. Я стал сражаться с судьбой, руководствуясь чужими идеалами и пытаюсь загладить чужие ошибки. Тот я, который предстал передо мной на видео в храме был вовсе не тем мной, что сейчас борется за свою жизнь под кислотным дождём.

Я нынешний — Охотник. Никем другим я быть не могу. Просто зверь, что всегда жил только ради себя, не обладая никакими особыми талантами и навыками. Просто зверь, которого избрали боги ради своих собственных целей. Просто зверь, из-за которого погибли слишком многие.

Судьба не желала, чтобы я уходил от своей прошлой разбойничьей жизни и прагматичной морали. Не хотела она, чтобы я становился героем и шёл всех спасать. Я должен был оставаться в рамках мелкого лесного хищника, который пожирал и мог быть пожранным. Должен был бояться, страдать и убегать. И уж точно я не был создан для того, чтобы оказаться в самом центре битвы условного "добра" и "зла".

И тут дело вовсе не в том, что вся та заварушка, в которой я оказался не является моим предназначением. Боги, я из прошлого, Белый, птицы, да все, в общем-то пророчили мне роль спасителя и избавителя, роль надежды. Только вот всё моё существо противилось этому, ибо внутри я был вовсе не героем, которого все хотели из меня сделать. Я был одержимым идеей о выживании. И моя одержимость и являлась моей судьбой.

Фатум терпеливо вёл меня по лезвию бритвы, а я всё норовил упасть в бездну самопожертвования и доброты. Раз за разом он насылал на меня несчастья, заставляя плясать со смертью по змеиным головам. Каждое моё чудесное спасение от неминуемой гибели как бы говорило мне: "Это не твоё — спасать мирю Ты не герой. Одумайся!"

И я всё не мог усвоить этот урок, противился и шёл исправлять ошибки фантомного прошлого. Теперь же мне пора было принять решение судьбы. Пора было смириться и отдаться неизбежному. Даже если это окончательно убьёт меня. В конце концов это всё что я могу сделать: смириться и принять.

Пусть это ничего не будет значить для всего леса, но это будет победа. Победа над самим собой.

Из последних сил я сказал Трикстеру:

— Поздравляю. Ты снова меня победил.

Нечто новое — О том, что мертво и о его выборе

Вот она какая... моя гибель. Настоящая смерть, первозданная и превосходящая всё мое ограниченное понимание. Бесконечная пустота, в которой растворяются все мысли и воспоминания. У меня больше нет тела. Да и меня самого здесь более нет. Я такая же часть абсолютного ничего, как и вся та бесконечная тьма, что меня окружает. Чёрное чрево мира поглотило меня и растворило в себе...

Это странно... осознавать своё несуществование. Странно быть ничем. Однако всё так, как оно есть. Я — абсолют. Всегда им был и всегда им буду. Такова судьба и таково её решение.

"Какое поразительное принятие!"

Этот странный баюкающий голос доносился изнутри и снаружи. Он был везде и нигде. Это было его царство и его вотчина.

"Ты правда так думаешь? Кто же я по твоему?"

Первооснова всего, такая же как и я, только многим мудрее.

"Тогда, боюсь, ты не прав. Я всего лишь скромный наблюдатель, который задаётся всего одним вопросом: как тебя сюда занесло?"

Я вроде как умер, разве нет?

"Верно, ты абсолютно точно мёртв. Только вот больно жутко ты представляешь своё посмертие: бесконечная и всепоглощающая тьма. Не кажется ли тебе, что ты несколько преувеличиваешь ужас смерти?"

Но ведь здесь всё действительно так, как я себе представлял. Также страшно.

"Здесь всё ровно так, именно потому, что ты всегда представлял свою гибель, как уход в небытие. Король, например, нежился в прелестной стране крон, а Агнец посетила облачный замок, где мы вместе смотрели её воспоминания. Разве не хотелось бы тебе посетить и своё персональное царство небесное?"

Это оно и есть. Бездна, от которой я бежал, проросла внутри меня.

"Ты мне нравишься, Охотник. Не только потому, что принимаешь неизбежное и самого себя. И не только потому, что борешься за воплощение в реальность своего наивного эскапизма. Больше всего в тебе мне нравится именно твоя способность размышлять и сомневаться. Особенно в самом себе. Насколько бы ты ни сваливался, то в сторону эгоистичного преступника, то в рамки всеобщего героя, ты всё равно сомневаешься в этом выборе и метаясь из стороны в сторону, чтобы найти свой верный путь. Это делает тебя таким похожим на Каина. Пожалуй, в большей степени, чем всех прочих его осколков."

И теперь вся эта похожесть уйдёт Трикстеру. Что толку в этой "особенности", если я всё равно вскоре исчезну?

"Вот тут ты не прав. Ты многим сильнее его. Небыль не способен принять судьбу или смерть. Особенно такие жуткие, какие всё следуют за тобой по пятам. И потому его страхи многим больше твоих. В тебе есть всё лучшее от твоих родителей. В тебе есть сила."

И что мне делать с этой силой?

"Ничего. Ты уже сделал достаточно, чтобы не остаться в этом месте навечно. Ты пожертвовал ей, чтобы стать гораздо большим, чем ты был до этого. Твоя смерть это

ступенька на пути к грядущему величию."

Значит, я вернусь?

"Такова твоя роль в грядущем конце Тихого Леса. Остаться в полном одиночестве, когда все умрут. А моя роль, как Поэта Апокалипсиса, понаблюдать за тем, как именно ты её сыграешь."

Если ты это знаешь, то получается, что ты здесь главный? Ты то, что всем управляет и то, что вернёт меня обратно?

"Нет, что ты. Я никакого влияния оказать не могу. Просто вижу, как всё есть, как всё было и как всё будет. Этаким демон Лапласа, который видит всю линию времени. Ничем большим я не являюсь."

Значит, ты можешь мне рассказать, что происходит? И с чего всё началось?

"У этого есть столько вариантов... Я честно, не знаю, какой из них твой."

Ты противоречишь сам себе.

"Как и ты. Как и все в этом мире. Понимаешь ли, всё, что тебя волнует... оно не во внешнем мире. Оно внутри твоей головы. И ты поймёшь это в нашу следующую встречу. Помни слова мачехи. Помни о своих собственных желаниях. Помни о наследии своей матери. И, в конце концов, помни о смерти. Она, как и зима, рано или поздно придёт за тобой. Но всему будет своё время. И это время в твоих руках."

Я ничего не понимаю...

"Это нормально. Так и должно быть. В конце концов ты всего лишь человек. Я просто хочу донести до тебя одну простую мысль: наступает время делать выбор. Твой собственный выбор."

Я пришёл в себя, стоя над своим собственным скелетом. Тело, в котором я находился, несмотря на то, что оно было идентично моему, ощущалось абсолютно чуждым. Однако, в то же самое время, я был столь целостным и самодостаточным, что все эти обстоятельства не казались мне чем-то неправильным или иррациональным. Я был спокоен и собран: мои мысли впервые были ясны и чисты.

Чего не скажешь о воспоминаниях, что роились в моей голове ордой противно жужжащих цикад. Теперь я не только знал, чем жили Агнец и Небыль, но и кое-что "помнил" о своём прошлом до того, как попал в этот чёртов лес. Правда все образы из той поры, хоть и были многочисленны, но вообще не проясняли происходящего. Всё потому, что этот огромный пласт памяти состоял из противоречащих друг другу осколков сцен. И разобраться какие из них действительно произошли, а какие были всего лишь иллюзией, я не мог.

В этих воспоминаниях я был то обиженным ребёнком, то самонадеянным взрослым; то зверем, то человеком; то изгоем в семье, то любимым дитя; то жителем неоновом мегаполиса, то обитателем бункера посреди пустыни. Сотни вариантов прошлого вели к абсолютно разным версиям происхождения настоящего. В них я создавал Тихий лес сам, был его случайной жертвой и, в то же самое время, сторонним наблюдателем.

В общем, никаких ответов. Только новые вопросы, в которых мне ещё предстояло разобраться. С другой стороны, я теперь обладал тем, чем не мог похвастаться ни один другой житель леса. У меня было имя: "Каин". Красивое и звучное.

Король, Агнец, Изгой, Небыль — КАИН.

Осознание того, что я теперь обладал самим собой было столь увлекательно, что я вовсе забыл о том, что происходит вокруг. И когда реальность наконец достучалась до меня, я обратил внимание на то, что битва всё ещё продолжалась. Волки и птицы, сообща и с остервенением сражались против марионеток. И в этом кровопролитии больше не было никакого смысла. Я хотел было хлопнуть в ладоши, чтобы отозвать адских тварей обратно в землю, но тут же заметил, что всё это время сжимал в кулаке маленькую золотую монетку.

На ней был изображён лисий скелет в балахоне и с косой. На другой стороне была надпись, которая гласила: "Знать всё: то дар или проклятие?"

Я спрятал эту монетку в карман, а затем хлопнул в ладоши, отозвав живых мертвецов. Те послушно отправились в грунт, а мои союзники стояли в полном недоумении касательно произошедшего. Скорее всего, в пылу собственной битвы, никто из них и не заметил, что происходило между мной и Трикстером. Что ж, по крайней мере, им не придётся объяснять всё то, что произошло на самом деле. Достаточно было заявить:

— Всё кончено. Я победил.

Причём, уточнять кто именно был этот "я", мне не хотелось. Потому что я и сам не знал, кем из своих осколков теперь являлся: Охотником, который сместил хозяина в голове Небыли, или Трикстером, который настолько смешался с воспоминаниями Изгоя, что перенял его личность. Всё это было так сложно... Да и не слишком важно в нынешней ситуации.

— И что теперь? — спросил Белый.

— Теперь я обладаю той силой, которая поможет мне избавиться от угрозы бога корней.

Я имел в виду погоду, возможность управлять которой мне даровала Агнец. Без неё было бы многим сложнее выкорчевать злосчастное дерево. Даже с помощью стольких солдат, сделать это вручную было той ещё задачей. Теперь же было достаточно просто один раз вызвать молнию, чтобы спалить гадкое растение вместе с корнями. А для этого надо всего лишь необходимо станцевать.

Теперь, будучи полноценной личностью, я внезапно понял, как именно работают мои способности. Тихий лес восприимчив к эмоциям и убеждениям. Все его жители соединены в единую систему, где мысли и образы формируют реальность. Вернее сказать, определёнными ритуалами и мыслями можно было воздействовать на условный "мозговой центр" чащобы, который отвечал за функционирование аномалии.

Танец воздействовал на ту часть "сознания" леса, которая отвечала за погоду. Правильные движения могли вызвать желаемый результат. А ведь ранее, обычай деревенских шаманов танцевать, чтобы вызвать дождь, казался мне чрезвычайно глупым... Правда, теперь в моей голове было куда больше "рецептов" погоды, чем у обычных лесных заклинателей. Да и с помощью дополнительной пары рук можно было куда шире воздействовать на лес.

Танец вышел сам собой: несколько поворотов вокруг оси, плавные движения руками, в конце в резкий "метательный" взмах рукой. Молния с грохотом промелькнула слепящим разрывом реальности, ударив точно в "макушку" толстого дерева. Из этого места тут же разгорелся яркий пожар.

В треске горящей древесины можно было услышать приглушённые крики боли. Они абсолютно точно исходили от того же существа, с которым я успел поговорить, пока был "подключён" к семени. Значит, половина дела выполнена. Теперь, пока источник влияния бога корней горит, нужно было придумать что сделать для того, чтобы предотвратить последний кислотный дождь. Всё же, по словам представителя мурмурации, он должен был начаться совсем скоро и едва бы мы успели в храм, чтобы вернуть злополучный рычаг в обратное положение.

Нужно было придумать что-то другое, чтобы избежать вселенского апокалипсиса. Решение пришло неожиданно, когда дерево догорело и обнажило те мегалиты, которые сдерживало внутри своей коры. Мне на ум пришло воспоминание, в котором говорилось, что эти камни являются пультом для управления лесом. На них и правда были какие-то символы, к которым мои руки сами собой потянулись. Стоило тронуть один такой и он тут же загорелся, отдавая мне в руку приятным теплом.

Я не мог понять, что они означали, но точно знал на что они влияли. Тот, к которому я коснулся, мог опускать температуру по всей чаще. Это подтвердилось тем, что сразу после нажатия, в лесу задул холодный, пронизывающий ветер. С неба посыпал ворох снежинок. Тех снежинок, что могли бы быть "последним" дождём. Смертоносные капли превратились в обычный, безвредный снег и теперь опали на зелёную, свежую траву.

Дилемма оказалась куда проще, чем казалось. Кроме того, таким образом я убил сразу двух зайцев. В надвигающемся морозе, едва ли семена бога корней могли прорости в нечто пугающее. Даже если их не получится выкорчевать, то без пищи и при такой погоде они никогда не вырастут и, скорее всего сгинут в небытие. Не уверен, что это спасёт лесных жителей от безумства, насланного "ЗОВОМ", но хотя бы те, кто был цивилизован более не будут жить с риском однажды убежать в лес.

В том, поможет ли эта победа сбежать из леса, я был совсем не уверен. Скорее всего,

способ побега и ответы на вопросы моего прошлого мне надо было искать в каком-то другом месте. Но где?

Теперь, когда я был целостен, мне было совершенно непонятно, куда стремиться и что теперь делать. Мои спутники, моя армия, замороженно смотрели на падающие снежинки. Едва ли когда-нибудь до этого они видели снег. В лесу вообще никогда не было зимы или засухи. Видимо никто не трогал эти камни и не знал, чем они управляют.

Но откуда про снег знал я? Вроде бы читал в книжках, вроде бы видел сам... Не знаю каким из этих фактов верить. Всё стало так запутанно и безобразно, что я и вовсе перестал верить в то, что когда-нибудь смогу выяснить правду.

Ко мне подошёл ворон и жестом увлёк за собой. Мы, вместе отошли подальше от других зверей. Да так, что те и вовсе пропали из виду. Я спросил у птицы:

— О чём ты хочешь поговорить?

— Мы хотим, чтобы ты знал о том, что мы очень благодарны тебе. Нам было очень радостно с тобой работать и помогать тебе в поисках. Многие наши братья погибли. Но лес теперь свободен и от других "Охотников", и от Бога Корней. Угрозы миновали и всё это случилось благодаря тебе. Однако, нам всё же хотелось бы извиниться...

— Я правильно понимаю, что сейчас происходит предательство?

— Нет. Мы не желаем тебе зла. Но лесные боги хотят, чтобы тебя больше не существовало. Я увёл тебя в сторону, чтобы не пролилось лишней крови.

— После всего, что случилось, ты думаешь, что сможешь меня убить?

— Никто не будет тебя убивать. Теперь действительно никто и не сможет тебя сразить. Но кое-что мы сделать должны. Прости нас за это.

С этими словами, нас обступил густой серый туман. Он был точь-в-точь такой, какой окутывал Тропу Праведников. В нём растворился мой собеседник. В нём растворился и я сам, ведь едва ли видел что-то дальше своего носа. Когда пелена отступила и рассеялась, я оказался вовсе не в том месте, в котором стоял до этого.

Более того, это место не было похоже на те, которые я посещал раньше. Оно вообще было мало похоже на Тихий Лес. Ведь деревья здесь были совсем другие. Здесь не было никаких гигантов, державших небеса. Только крошечные деревца, плотно посаженные рядом друг с другом. Их невысокие кроны лишь немного поднимались над моей головой и столь плотно переплетались своими ветвями, что образовывали естественный потолок. Их тёмно-зелёная листва и кривые стволы совсем не внушали оптимизма, касательно дружелюбности этого места.

Образуя своеобразный "коридор", деревья расступались лишь в одном направлении, вынуждая меня идти лишь по этой "тропинке". Лезть в сторону было бы безумством, ведь я рисковал не только поцарапаться и переломать ноги, но и не узнать, зачем же лесные боги перенесли меня в это место. Если они оставили мне тропу, значит хотели, чтобы я по ней пошёл?

Настало время ответить на все вопросы. Настала пора платить по счетам. Теперь нельзя повернуть назад. По крайней мере, я уверен, что ты точно не сможешь уйти, не узнав в чём же дело. Верно, читатель? Самум

Сказание пятое — Убить бога и своё прошлое

Я шёл по тропе в полутьме. Лес обступал меня и сильно давил своей замкнутостью. Там, в его глубине, среди кривых стволов, мне мерещились глаза, которые внимательно наблюдали за моим путешествием. Было тихо, только моё дыхание, скрип мха под ногами и биение сердца нарушали эту тишину.

Я почти не боялся Тихого леса, так как привык к нему и его законам. Мне было известно, чем заканчиваются те или иные поступки. Знал я и то, как избежать его опасностей. Ну, в те моменты, когда обстоятельства не вынуждали меня нырять в пасти чудовищ. Но эта местность была чуждой и неизвестной.

Можно ли было предугадать, что меня будет ждать за поворотом? Я входил в сердце тьмы, в самую неизвестность. При чём оказался я здесь не по своей воле. А мотивы тех, кто меня сюда отправил, мне ещё предстояло узнать...

Ноги вскоре вынесли меня на небольшую поляну, в центре которой стояло старое дерево, кора которого была испещрена какими-то символами и рунами. На всех ветках, что уже давно были лишены листвы, стояли горевшие белые свечи. Рядом с одной из свечей сидела безглазая сова.

Перед величественным растением, опершись на сухой ствол, сидел бесшёрстный мужчина, похожий на скелет, обтянутый кожей. Он был весь покрыт ранами и ссадинами, но всё ещё находился в мире живых. Это можно было понять по вздымавшейся и опускающейся груди. Самым странным во внешности этого голого и лысого существа было то, что его глаза полностью отсутствовали. Вместо них, в глубине черепа, горели два огарка.

И пусть вид его был жутковатым, я решился заговорить с этим человеком. Всё же он был первым, кто встретился мне в этой части леса:

— Кто ты такой?

— Привратник. — сказала существо безжизненным голосом.

— И какие врата ты охраняешь?

— Врата в землю богов. Здесь, в той части леса, где твои силы, Каин, не имеют никакого веса, они устроили свою вотчину.

— Значит, ты меня знаешь.

— Я знаю всех, кто сюда приходит.

— Могу предположить, что ты знаешь и то, почему меня сюда отправили?

— Знаю. Ты их пугаешь.

— Я? Пугаю?

— Собрав себя из осколков и обретя былую силу, ты угрожаешь их божественному статусу. Они были готовы подыгрывать тебе, пока ты побеждал то, что они не могли. Теперь же, когда ты избавился от зла, они решили запереть тебя здесь, в месте откуда тебе будет сложнее всего выбраться.

— Но ведь я, в отличие от них, всё ещё смертен. Почему они меня просто не убьют?

— Вот в их бессмертности ты ошибаешься. Они не менее смертны, чем и любой другой

житель леса. Их божественность заключается лишь в чуть большем могуществе чем у других. И сейчас, умея управлять погодой, обладая способностью призывать армию, будучи почти неуязвимым к атакам и умея менять облик, ты максимально близко приблизился к солнцу. Удивительно ли, что они испугались?

— Это не объясняет того, почему они даже не попытались меня победить. Я сам дважды справился со "своей" неуязвимостью.

— Потому что они всё ещё тебя любят.

— Что это должно значить?

— То, что и значит. Они. Тебя. Всё ещё. Любят.

— Я просто не думал, что имею какой-то особый статус у лесных богов.

— А стоило бы об этом задуматься, когда они всеми силами помогали тебе собраться воедино и сразить Бога Корней. Почему для этой цели они избрали именно тебя?

— Потому что я больше всех знал об угрозе... ещё до того, как разделился.

— Это неверный ответ.

— Какой же тогда верный?

— Они выбрали тебя, потому что были близки с тобой до того, как попали в лес. Просто они скрывали это, чтобы тебя не ранить. Они заперли тебя в этой части леса, потому что знали, что ты придёшь по их души, когда обретёшь силы и начнёшь задаваться вопросами о прошлом.

— Да, пожалуй я уже хочу их достать.

— Это всё ещё возможно. Сейчас, находясь в их домене, добраться до них дело недолгое, однако, всё же, более сложное, чем если бы ты делал это из любой другой части. По крайней мере, через эту бесконечную гряду не пробраться без моей помощи. И я тебе помогу.

— Разве ты не охраняешь эти земли?

— Да, от тех, кто сюда забредает случайно. Тебе же я помогу потому, что не хочу выбирать сторону в этом конфликте. Знай, я нейтрален как к тебе, так и к богам. Я не считаю правильным запира́ть тебя у входа в их владения, как не считаю правильным убивать владык. Я могу только умолять тебя не трогать их, когда настигнешь. Пусть я не знаю, что у вас был за конфликт в прошлом, мне бы не хотелось, чтобы ты их трогал. Это убьёт лес.

— Может, смерть леса поможет мне из него выбраться?

— А может, станет твоей гибелью. Можешь рискнуть, если хочешь. Но иногда вещам лучше оставаться такими, какие они есть прямо сейчас. В любом случае, ты можешь взять свечу с одной из ветвей. Она проведёт тебя через лабиринты.

— Спасибо, наверное.

Я присмотрел самую длинную свечку и отломил её от воскового "постамент", которым она крепи́лась к древесине. Взяв её в обе руки и опустив на уровень груди, чтобы случайный порыв ветра её не затушил, я подошёл к стене стволов, обрамлявшей поляну полукругом. Тут же деревья расступились в стороны. Будто само пространство раздвинулось, обнажив доселе скрытую тропу.

Я сделал шаг на неё и живая стена за моей спиной вновь замкнулось, скрыв от меня поляну. Я пошёл вперёд, доверяясь словам странного привратника. Он не был похож на того, кто мог бы меня обмануть. Кроме того, здесь мне больше некому было довериться.

Вскоре я вышел на крутой обрыв у края которого лес заканчивался. Приближаясь к нему, мне даже на секунду показалось, что я вижу долгожданный выход из леса. По крайней

мере, таким я его всегда себе и представлял. Однако, стоило мне дойти до самого края, как моему взору предстала крайне умопомрачительная картина.

Там, внизу, куда спускалась стена отвесной скалы. Плескалась чёрная, как смоль, вода. Это было огромное лесное озеро, раскинувшееся под темнеющим небом, на котором светились всего два небесных тела: луна и одинокая чёрная звезда. Лес, обступавший озеро по берегам, рушил любые надежды на то, что здесь может быть выход из чащи. Однако я уже не думал об этом, ибо в самом центре необъятного водоёма, будто бы на глади воды, стояла знакомая изба.

И я уже знал, что мне просто необходимо туда попасть.

Каин — В чёрные воды

Тёмные волны накатывали к моим стопам. Я стоял на пепельном холодном песке у самой кромки воды. Не то чтобы я не умел плавать, но ране я почти не наталкивался на подобные водоёмы. А когда и случалось мне набрести на какой-нибудь ручеёк или озерцо, я не стремился сразу же нырять в него.

В Тихом Лесу такие необдуманные поступки часто являются последними ошибками в жизни. Но сейчас просто не было другого выбора. Чтобы перебраться к хижине, мне просто необходимо было зайти в озеро и сразиться с его волнами. Дотронувшись до поверхности воды ногой, я без ошибки заключил, что она ледяная. Так что сражаться пришлось бы ещё и с холодом.

Я всё хотел придумать какой-нибудь альтернативный вариант, чтобы самолично не соваться в воду, но так и не смог придумать ничего дельного. Чисто в теории, конечно, я смог бы смастерить какой-нибудь худой плот или что-то подобное. Но даже в том ворохе воспоминаний, что у меня был, не находилось ни одного, в котором была бы информация о строительстве деревянных посудин. Среди бесконечных вариаций прошлого не было ни одной, где мне бы приходилось мастерить корабль.

А уж сделать это без инструментов и вовсе представлялось невозможным. Я хотел также попытаться воспользоваться своими силами, но все они, как и говорил Привратник, здесь не работали. И если куклу, мешок и зубы, как подарки богов, у меня отняли вполне закономерно. То иные мои способности были мне недоступны по не вполне ясным причинам.

Прежде всего мне хотелось заморозить воду, чтобы спокойно пройти по льду. Но сколько бы я не танцевал, погода отказывалась меняться. Видимо, эта часть леса была отрезана от другой настолько, что даже климат здесь был свой собственный. Впрочем, об этом стоило бы догадаться, не обнаружив лежащий повсюду снег.

Марионеток я также не мог призвать, ибо просто не чувствовал их присутствие под землёй. Вполне ожидаемо все они остались там, где происходило моё последнее сражение. Так что я не мог отправить их вперёд себя, чтобы проверить безопасность глубин. То же случилось и с клоном, отсутствие которого я трактовал, как последствие убийства одного ещё при первой встрече с Трикстером.

Проверять неуязвимость, перешедшею от Короля мне, понятное дело, совсем не хотелось.

Вещей, которые не были припрятаны в моём бесконечном мешке, было не так уж и много: спички, свеча, медальон в виде сердца, да и в общем-то всё. У меня даже оружия при себе не было, ибо глефа так и осталась торчать в земле у мегалитов. Была, конечно, винтовка за спиной, но та уже пришла в негодность, лишившись всех боеприпасов. Так что я был обессилен, беззащитен, так ещё и оказался в абсолютно неизвестной обстановке.

Стоять на месте было столь же бессмысленной затеей, как и рисковать шкурой. Но ведь нужно было хоть что-то делать и хоть куда-то двигаться?

Ёжась от холода я медленно зашёл в воду. Каждый шаг делать было всё труднее, ибо холод полз всё выше. Когда он дополз до бедра, терпеть его было просто невыносимо. Я плюнул на предосторожности и прыгнул вперёд, с головой погрузившись в чёрны воды. Вода была очень солён и плотной. Было тяжело грести сквозь накатывающие волны и держать

темп. Больше всего я боялся, что быстро выдохнусь, зависнув на середине пути между домом и берегом.

Поэтому я экономил силы, стараясь работать не на скорость, а на расстояние. Благо, хотя бы запас лёгких у меня был достаточный. Всё-таки в общей хорошей физической форме мне не откажешь. Иначе бы я просто умер.

Не знаю, что больше гнало меня вперёд: желание узнать правду или страх остановиться. Однако я не знал, что бояться мне стоит совсем не этого. В какой-то момент, мою ногу что-то обхватило и потянуло вниз. Не в силах сопротивляться столь неожиданному воздействию, я тут же всем телом последовал за ногой. Уже через мгновение я обнаружил себя в непроглядной толще воды.

Ещё до того, как я опомнился, из бездны, прямо перед моим лицом возникла уродлива рыбья морда: два безжизненных мутных глаза, плоская голова, мерзкая мелкая чешуя и вечно приоткрытый рот с тремя рядами тонких зубов-иголок. У этого существа было длинное змеевидное тело и длинные тонкие руки, кончающиеся пальцами с перепонками. Всем своим видом оно походило на огромного угря.

Внезапно для меня, оно вдруг прильнуло тем, что можно было бы назвать губами к моим губам, при этом плотно обхватив мою голову своими лапами. Я пытался вырваться, но мои попытки оттолкнуть тварь обернулись тем, что мои ладони просто соскользнули по склизкой чешуе. Кроме того, меня тут же обвил длинный и мускулистый хвост, который плотно держал моё тело, не давая мне трепыхаться.

Я сам не заметил, как рефлекторно слегка разжал рот. В него тут же пролез мерзкий длинный и слюнявый язык, сходу добравшийся до самого горла. Вот тут то я и решил действовать стремительно. Мои пасти мигом сомкнулись, сходу чуть не отрубив противный отросток. Существо завертелось и ослабило свою хватку. Ему явно было больно и оно не ожидало ощутить на своём языке зубы хищника. Несмотря на обретенную свободу, я не был намерен отступать, чтобы не получить какого-нибудь ещё сюрприза.

Совершив ещё подход и молниеносно стиснув челюсти, я наконец окончательно перерубил то, что проникло мне в рот. Испуская "облачка" крови, нечто скрылось в глубине воды. И я обнаружил себя на довольно большом расстоянии от поверхности, готовым вот-вот задохнуться. Борясь за свою жизнь, я рванул вверх, в надежде достичь поверхности, но та была так предательски далеко, что едва ли мне хватило бы воздуха, чтобы проделать подобный путь.

В панике я барахтался, поднимаясь всё выше и выше. И вот, когда я уже был на последнем издыхании, сверху мне протянули лапу. Я схватился за неё и некто подтянул меня вверх. Уже через секунду я сидел на полу небольшой лодочки. Первым делом меня вытошнило, исторгнув из моего нутра язык твари, всё это время находившийся где-то в глубине горла. Я чувствовал себя отвратительно. Затем меня стошнило ещё несколько раз, но уже не настолько серьёзно.

Я исторгнул внутрь лодки желчь, слюни и солёную воду. В общем всю ту мерзость, что получил за время короткой, но решительной борьбы с жутковатой рыбой. Отдышавшись, я наконец взглянул на своего спасителя. Это был худой белый баран, с большими рогами и грязной, свалявшейся шерстью. На его лице было три глаза, один из которых располагался прямо между рогов. Он был облачён лишь в рваный коричневый балахон с капюшоном и в остальном был наг.

Протянув мне свою трёхпалую руку, он уставился на меня безжизненным взглядом.

Машинально, не знаю почему так получилось, я пожал его лапу и сказал, собрав достаточно воздуха в лёгкие:

— Спасибо... Спасибо...

Но он лишь продолжил холодно взирать на меня исподлобья, не опуская руки. Тогда я понял, что на его ладонь надо что-то положить. Но что? И, главное, зачем?

Я снова обшарил карманы. Спички промокли, а медальон и свечу я потерял где-то в пучине озера. И вот когда я уже подумал, что мне нечего дать моему спасителю, я вдруг нащупал золотую монету. Ту самую, что была при мне, когда я очнулся в теле Трикстера. Я протянул лодочнику золотой кругляшок.

Тот удовлетворённо кивнул и начал движение по водной глади, активно задействовав внушительное весло на корме, где он и стоял. Благо, мы двигались в нужную сторону, хотя я и не говорил, что мне нужно к хижине.

Баран молчал и сосредоточенно смотрел куда-то вперёд. Когда я попытался завести разговор, он быстро осёк меня, продемонстрировав свой рот. Языка в нём не было, так что едва ли мой спаситель вообще мог говорить. Хотелось бы верить, что он хотя бы меня понимает.

И, будто мне было мало одной встречи с неприятными озёрными тварями, перед носом лодки вспенилась вода. Мгновение и из воды показались две когтистые лапы, вцепившиеся в нос посудыны. Они схватились так крепко, что дерево треснуло и чуть было не сломалось. Вскоре из воды, задыхаясь, вынырнула рысь. Кое-как перевалившись через борт, она рухнула на дно, едва живая. Что удивительно, она была обычной рысью, в том смысле, что на ней не было следов лесных мутаций или "порчи" леса. В этом, мы с ней были похожи.

Ни я, ни внезапно остановившийся лодочник, не проронили ни звука. Девушка села, обильно массируя себе виски, и только затем обратила внимание на нас. Вернее, конкретно на меня:

— Это же ты убил одну из этих тварей? Спасибо. Смерть одной ундины высвобождает одного пленника. В этот раз повезло вырваться именно мне.

— Не за что. — сказал я, — Правда не думалось мне, что русалки могут выглядеть так. И быть столь мерзкими.

— А ты знаешь, как они должны выглядеть?

— Из прошлой жизни. У меня остались кое-какие знания о том, как должен быть устроен "нормальный" мир.

Что ни говори, но несмотря на общую путаность моих воспоминаний, объединение в целостную личность дало мне немало знаний. Я вдруг вспомнил огромное количество понятий и предметов, которые едва ли можно было встретить в лесу. По крайней мере, теперь я был уверен в том, что мир за пределами этой чёртовой аномальной зоны существует. И в этом мире за пределами, русалки выглядели явно не так. Об этом я и сообщил странной девушке:

— Ты больше похожа на ундину, чем эти жутковатые угри.

— Мне счесть это за комплимент?

— Да. Сирены обычно довольно симпатичные и должны своим прелестным видом заманивать незадачливых мореходов...

— Ну, у кто-то может счесть и таких существ довольно привлекательными. — заметила собеседница, — В Тихом Лесу обитают совершенно разные существа, знаешь ли. И вкусы некоторых бывают довольно специфичны.

— Это верно... В любом случае это явно не то, что мы сейчас должны обсуждать.

— А о чём, по-твоему, мы должны говорить?

— В первую очередь о том, кто ты такая.

— Не очень удачливая путешественница.

— Тебя так и зовут?

— Нет. У меня вообще нет прозвища. Как-то так получилось, что я его не получила.

Хотя я здесь столь долго, что этот факт стал крайне невероятным.

— Ладно... Допустим. Меня звать Каин.

— Зверь с именем, интересно. Не думала, что в лесу существуют те, кто могут помнить свои имена.

— Я исключение, таинственная незнакомка.

— Не зови меня "таинственной незнакомкой", это смущает.

— Ты же сама сказала, что у тебя нет даже прозвища. Хорошо, может придумаем тебе имя?

— Тоже буду исключением? Ладно, валяй, зверь с именем, нарушай лесные запреты!

— Не думаю, что теперь для меня это будет запретом.

Я задумался, пытаюсь выудить из памяти иные имена, кроме своего собственного. Все, которые приходили мне на ум, принадлежали людям из моих воспоминаний и едва ли было бы правильно присваивать их незнакомке. Я решил, что вполне нормально было бы дать ей имя в честь какого-нибудь природного явления. По крайней мере, мне помнилось, что там, откуда я родом, было много "природных имён". Я сказал:

— Как насчёт Аврора? В честь полярного сияния — "aurora borealis".

— Не знаю, что за чёрт это "полярное сияние", но пусть будет так. Это имя кажется мне знакомым... И твой таинственный друг, кстати тоже. — она обратилась к паромщику, — Эй, приятель! Мы с тобой раньше не встречались?

Как и мне, лодочник лишь показал ей свой отсутствующий язык. Девушка сокрушённо произнесла:

— Хорошо, видимо не стоило и пытаться с тобой говорить. Кстати, ты, Каин, тоже кажешься мне смутно знакомым.

— Могу тебя уверить, что мы не виделись. Ни в этой жизни, ни в прошлой. Я бы точно запомнил такую как ты.

— Это тоже был комплимент?

— Не совсем.

— Что ж, имеешь право не рассыпаться в любезностях. Что ж, если мы разобрались со всем, что ты хотел узнать, не можем ли мы плыть дальше? Скажешь своему дружку наострить вёсла к тому домику?

Вместо ответа, баран протянул руку в том же жесте, в котором требовал у меня монету.

— Он что, берёт плату за проезд? — спросила девушка.

— Да.

— Тебе, случаем, нечем ему заплатить? А то на мне одежды то нет, не то что карманов, в которых могло бы что-то завалиться.

— Я потерял почти всё, пока барахтался в воде. У меня остались только мокрые спички.

— Спички? Не очень понимаю что это, но можешь ему предложить. Это в любом случае лучше, чем ничего.

— Я не думаю, что это... — я на секунду остановился, а затем всё же достал вымокший

коробок и положил его на ладонь перевозчику.

Тот кивнул и вновь активно взялся за весло. Мы поплыли дальше. Аврора спросила у меня:

— А ты тоже направляешь к старику?

— Да, он должен прояснить мне кое-что о моём прошлом.

— Какое совпадение!

— Как-то слишком много у нас совпадений.

— Значит, сама судьба велела двигаться дальше вместе.

— Да...

Брать попутчиков мне крайне не хотелось. Особенно учитывая мой последний опыт, когда я помог бесщёрстному прожить чуть дольше... а затем сам же его и убил. В общем, не зря раньше я путешествовал только один. С приходом в мою жизнь иных существ, я перетекаю из одной неприятности в другую. Птицы, Белый, тот бесщёрстный, козлоголовые, Король, Трикстер... Каждое новое знакомство оборачивалось смертельной опасностью или, по крайней мере, сильно затрудняло мою не столь уж сложную задачу.

Делать исключение и давать стратегии сотрудничества ещё один шанс было бы просто глупо. Если бы я не остался обессиленным и лишённым оружия в абсолютно незнакомой местности. Сейчас я был оборванцем, ровно, как и моя собеседница. Но два оборванца ведь лучше, чем один? Как минимум тем, что в случае опасности, свою напарницу можно было бы бросить в пасть чудовищу и убежать. Уже повышает мои шансы на выживание.

Так что я сказал ей:

— Хорошо. Я могу взять тебя с собой, но только если впредь ты будешь идти впереди.

— Ты боишься предательства или я тебе настолько понравилась?

— Так ты первой встретишься с опасностью. — я не стал давать ей ложных надежд на то, что я могу быть хорошим спутником и сказал всё как есть.

К удивлению для меня она лишь спокойно заключила:

— Вполне разумно.

Лодка причалила к хижине. Борт был лишь слегка ниже закрытой входной двери и оставалось только дёрнуть за ручку и войти внутрь. Аврора взглянула на меня и спросила:

— Ну что, мне идти вперёд тебя, навстречу опасности? Не представляешь, как давно я намеревалась попасть в этот дом и сколько ради этого пробыла в пучине.

— И, несмотря на это, ты не хочешь делать шаг вперёд?

— Я просто смотрю на тебя и думаю, что ты тоже боишься идти дальше. Некоторым дверям лучше оставаться закрытыми, верно?

— Да, особенно если они ведут в твоё прошлое. Но разве теперь у нас есть другой выход?

— Мы можем повернуть назад. Не знаю, что именно ты хотел узнать, но я всё же не умру без информации о былом. Просто...

— Что?

— Я почему-то уверена, что мои воспоминания могут сыграть решающую роль в судьбе леса. Ты как-то говорил, что многое помнишь о том, что было до леса. Я тоже кое-что помню. Другую себя и другой мир, в котором я жила. Почему-то мне кажется, что Лес появился там, откуда я родом. Поэтому я тут многим дольше, чем многие звери. Поэтому же меня не коснулись мутации. И, смотря на тебя, я думаю, что мы разделяем одну судьбу.

— В смысле, происходим из одного и того же места?

Я задумался. В большинстве образов прошлого я был в этом лесу всего лишь пришельцем и сторонним наблюдателем. При том, почти во всех я уходил из семьи и уезжал из родного дома. Разве могло быть такое, что я изначально жил там, где лес появился? Тогда быть может, что я связан с лесом многим больше, чем мне думалось? Если так, то правдивы слова богов о том, что я был частью какой-то там "СУТИ". Но в то же время становятся совсем непонятны слова и наставления меня из прошлого...

Это так запутанно! Я совсем перестал понимать что, чёрт возьми, происходит! Возникало ощущение, что мне врут абсолютно все и даже я сам себя вожу за нос. Только зачем всё это? Ради чего? Конечно, Аврора тоже могла лгать или просто путать меня с кем-то другим. Но разве это делало ситуацию проще? Разве это хоть что-то объясняло?

Нет и ещё раз нет. Так больше продолжаться не может. Мне нужно раз и навсегда согнать морок, навеянный на меня. И мысль об этом стала тем самым толчком, который помог мне перебороть страх и нерешительность при виде закрытой двери. Я встал и открыл её, в надежде узнать всё прямо сейчас.

Из тёмной глубины дома, знакомый старческий голос произнёс:

— Всё-таки ты пришёл ко мне, брат.

Каин — О братьях и Авелях

Сахарный домик внутри был всё таким же, как и в последний раз, когда я его посетил. Да и его унылый хозяин почти не изменился. Он всё также сидел на полу, уставившись в пол своими чёрными глазами. Не поднимая глаз, старик сказал мне:

— Всё же добрался сюда, да? Мы думали, что чаща и озеро удержат тебя, когда ты придёшь с нами поквитаться. Но видимо ты больно везучий, братец лис. А я ведь говорил им, что мы очень рискуем, используя тебя для решения наших проблем. Я говорил, что ты вскоре обо всём догадаешься, но они всё же настояли на спектакле. А теперь вот, ты на моём пороге заставляешь меня выйти на поклон.

— Боюсь тебя расстроить, но я не то чтобы догадался. Моя голова пухнет от всевозможных вариантов прошлого. И я пришёл сюда, чтобы ты дал мне ответы на мои вопросы. Как я понимаю, ты действительно кое-что знаешь. И было бы лучше обойтись без кровопролития. — я сказал это достаточно угрожающе, хотя точно знал, что мне сейчас нечего противопоставить богу.

Впрочем, он всё равно пропустил мой блеф мимо ушей:

— Так прошлое ещё тебе не ведомо? Для остальных это было бы настоящим праздником. Но, в отличие от них, я не боюсь своей судьбы. И от твоего возмездия мне будет ни горячо ни холодно, а потому я расскажу то, что они хотели бы скрыть. По крайней мере ту часть, которую знаю лично.

— "Остальные", ты имеешь в виду других богов?

— От эпического слова "боги" в нас только название, но не значение. Мы точно такие же пленники леса, как и ты. Только ты тут по своей вине, а мы по твоей. Просто потому, что мы твоя семья.

— А ты значит...

— Авель, твой младший брат.

— Какое... миленькое семейное воссоединение. — заметила Аврора, стоявшая за моей спиной.

Я смерил её взглядом и вновь обратился к старику:

— Это какая-то бессмыслица! Почему ты выглядишь... так? Почему ты местный бог?

— Это тоже твоя вина. — он взглянул на меня своими ничего не выражающими холодными глазами, — Я не знаю как ты этого достиг. Твои дела всегда были несколько выше моего ума. Но факт такой: именно ты запер меня в такой форме и заставил выполнять роль хранителя пространственных постоянных. И почему ты выбрал именно такой вид для меня?

— Я выбрал?

— Ты. Выбрал и решил всё за нас. Меня ты сделал по образу и подобию старика из старой ни то сказки, ни то притчи, который ждал героя-лиса в сахарном домике, чтобы рассказать тому, как же всё на свете не имеет смысла. Это была история в истории, которую моей маме поведал её друг, а она, соответственно рассказала нам. Учитывая, сколь демоническим был этот её потусторонний возлюбленный, могу предположить, что он каким-то образом предсказал ей нашу с тобой предыдущую встречу, замкнув петлю.

— История в истории в истории, и всё замкнуто в круг... Голова пухнет от таких объяснений!

— Ты самолично закрутил историю именно так. Если бы ни твои ассоциации, я мог бы быть совсем в иной форме. Если бы ни твои идеи, я мог бы жить спокойную жизнь в нормальном мире. Если бы ни твои амбиции, мы все могли бы жить в родном доме, а не в этой хтоничной версии леса. Знаешь, как мне это надоело? Быть ни на своём месте и ни в своём теле просто невыносимо. Особенно когда ты, "любимый" мой брат, можешь быть таким каким хочешь и делать что тебе угодно. А ведь тебя ещё и жалеют, любят и лелеют! Пусть мы не можем тебя убить, ибо от твоей жалкой жизни зависит существование леса. Но ты явно не заслужил спектаклей вокруг себя и защиты с нашей стороны. Более того, я считаю, что всё сделанное тобой, должно было воздастся тебе если и не смертью, то хотя бы страданием. Да, ты определённо должен страдать за всё, что с нами сделал.

— Разве я не страдаю? Я тут ради ваших странных игр рисковал жизнью и пару раз практически умер! Я прошёл через пот, кровь и слёзы, чтобы в итоге меня лишили всего и отправили за ответами к тем, кто ни одного слова прямо сказать не может! Знаешь, каково это, когда ты достиг единения своей личности, но и доли понятия не имеешь о том, как всё было на самом деле? А если ты мне просто врёшь, что ты мой брат?

— Не представляешь, как я хотел бы, чтобы это была ложь. Я очень сожалею, что мы братья. Но ничего сделать с этим не могу. Мне остаётся только вечно завидовать тебе.

— В моих воспоминаниях, это я всегда завидовал Авелю.

— По-твоему не бывает взаимной зависти? Я всегда желал твоего ума и удачи. А ты... ты был просто одурачен той, кто плетёт судьбы. Думаю, она гораздо лучше объяснит тебе как всё было на самом деле с этим вашим общим "планом". Знаешь чего я хочу сейчас больше всего? Того, чего боялся всю жизнь. Та, которую мы называли богиней, хотела чтобы мы с тобой следовали сюжету одной древней книжки про первых людей. И я с первых дней жизни знал, что однажды ты убьёшь меня из зависти. Более того, ты пару раз даже чуть было не совершил то, что должен был. Теперь же мы не обойдёмся полумерами. Я не хочу, чтобы мы обошлись... Мне было бы гораздо приятнее умереть, чем быть заложником леса.

— Хочешь, чтобы я тебя убил?

— Да. Сделай хоть что-то хорошее. У меня самого не хватит духу прекратить заточение. А вот ты, Каин, обязательно должен убить своего Авеля. Я всего лишь жертвенный ягнёнок, который должен умереть, чтобы мотивировать тебя строить цивилизацию. Может быть, в этот раз у тебя не получилось, потому что я остался жив? А ведь Богиня настаивала на том, чтобы всё случилось как должно, прежде чем ты поместил нас всех сюда.

— Какой бред! Какое безумие! — я опустил на корточки и схватился за голову.

Мысли мучительно скреблись в моей голове. Мой мозг будто бы схватил один большой спазм, не дававший мне сосредоточиться на новой информации и хоть как-то её переварить. Каин. Авель. История в истории. Замкнутый круг. Почему всё так сложно? Я никогда не ждал простых ответов от мира, но от этих у меня вскипает мозг. Меня путают, меня мучают и я не могу найти виновников, потому что для этого надо разобраться во всей истории и выстроить хоть какую-то картину в своей голове.

Сейчас этой картины у меня не было. Я был беспомощным щеночком в огромном и недружелюбном мире. Я пытался его познать, но что я мог? Что вообще я мог? Мозг просто отказывался думать и разбираться. Всё это было выше моих сил.

Я поднял глаза лишь когда спазм отпустил меня и думать стало не так больно и неприятно. Моему взору предстала немая сцена. Аврора стояла над стариком, занеся над головой увесистый белый леденец, оторванный от других украшений сахарной избушки. Тот

безжизненно смотрел на неё, а затем сказал:

— Да, закончи этот фарс. Раз уж у Каина не хватает на это духа.

Мгновение. Белая поверхность сладкой конфеты окрасилась брызгами кислотной синей крови.

Каин — Костёр, метаящий искры

Мы стояли на берегу озера. Лодочник уплыл и скрылся среди внезапно накотившегося на воду тумана. Сахарная избушка потонула, медленно растворившись в чёрных водах. Я посмотрел на свою спутницу. С момента, как мы отплыли от порога, я так и не нашёл слов, чтобы хоть что-то сказать о произошедшем. Ныне не многое изменилось. Я спросил у Авроры:

— Зачем?

— Он сам попросил его убить.

— И ты без колебаний сделала это?

— Старик выглядел чересчур жалко. Мне даже показалось, что это будет милосердным.

Кроме того, вы оба этого хотели.

— Ничего я такого не хотел.

— Но ты был и правда очень зол.

— Зол на ситуацию, а не на вновь обретённого брата.

— Что ж, всё равно уже ничего не сделаешь. — она безразлично пожала плечами, —

Тогда я думала прежде всего о тебе, а потому совсем не жалею о сотворённом. Даже забавно как легко оказывается убить бога. Не думала, что будет всё настолько просто.

— Разве ты не хотела поговорить с ним о своём прошлом? — я всё пытался разобраться в её мотивах.

— Хотела, но раз уж такое дело, у меня есть ещё четыре варианта божеств, с кем можно было бы обсудить прошлое.

— Три варианта.

— И этот зверь меня в чём-то обвиняет?

— Я сделал то, что от меня просили.

— И я сделала то же. Мы не так уж отличаемся, верно?

— Я думаю нам надо начать больше думать о себе и прекратить вестись у других на поводу... уже столько крови пролилось из-за стремления сделать добро другим.

— Если делать всё только для себя, крови прольётся не меньше. И она всё равно будет на руках, только если в одном случае хоть кому-то может стать лучше, то в другом у тебя просто будут грязные руки. Кроме того, если не думать о других, то и они не будут думать о тебе. А разве можно справиться со всем в одиночку?

— У меня как-то получалось. До недавнего времени.

— Но теперь, верно, вернуть всё как было не выйдет. Так что советую начать перестраиваться. Например, подумать о том, что твоя подруга проголодалась. А я, взамен, подумаю о том, как бы нам организовать костёр. Самое время для передышки, не считаешь?

— И где я достану еду?

— В лесу, наверное. Я бы не отказалась от крольчатины.

— А они здесь водятся? Кроме того, у меня ни ловушек, ни оружия нет.

— Ты же лис. Уж тебе ли не убить кролика?

— Я не уверен, что мы говорим об одних и тех же кроликах.

— Слушай, если я до момента отхода ко сну останусь голодной, то я без раздумий съем тебя. Рыси, знаешь ли, едят лис.

Я даже не стал думать, насколько она серьёзна. После того, что случилось, мне вообще

не хотелось навлекать на себя лишние проблемы. Их и так было выше крыши. И я абсолютно не знал что со всем этим делать и о чём теперь думать. Я перетекал из путаности в бессилие и наоборот.

В надежде, что хоть охота поможет мне отвлечься, я решил всё же выполнить просьбу спутницы и вспомнить былые деньки. Что были ещё до того, как я начал собирать самого себя по кускам, убивать богов и блуждать по кошмару из запутанных мыслей. Правда, тогда я охотился либо с помощью хитрости, либо используя оружие. Даже кролика, учитывая их габариты и желание жить, не всегда можно было победить в рукопашном бою. Я уж не говорю о ком-то посерьёзнее.

Лезть в низкорослый бурелом мне не слишком хотелось, да и свечу я посеял, поэтому мне оставалось только брести по окраине леса в надежде на то, что я смогу найти что-нибудь стоящее. Мой взгляд блуждал по зарослям, высматривая более-менее чистый проход в глубину чащобы. Вдруг, мой взгляд упал на застрявшую среди плотно посаженных стволов повозку.

Это была лавка Купца. Я сразу её узнал и поспешил пробраться к ней через насаждение веток и стволов. Удивительно было то, что я застал хозяина за прилавком, будто бы его совсем не смущало, что его магазин теперь не был передвижным и стоял в совсем уж безлюдном месте.

— Охотник. — поприветствовал он меня, — Сегодня без добычи?

— Что ты здесь забыл, чёрт возьми? — не то чтобы это было самое странное из того, что я в последнее время видел, но за своего знакомого торговца, я всё же переживал.

— Это долгая история. — порешня потупил свои грустные глазки и активно застучал по стойке семью пальцами.

— Я думаю, что у меня есть время послушать.

— Тут вопрос не в том, что у тебя есть время, а в том что я не хочу об этом рассказывать. Давай сойдёмся на том, что лес всё же не очень благоволит торговцам?

— Хорошо, давай сойдёмся на этом. А ты можешь мне что-нибудь продать?

— А у тебя есть веточки?

— Нет. А у тебя здесь есть другие покупатели?

— Нет.

— Тогда почему ты всё ещё здесь стоишь?

— Моя лавка как корабль. Если она пойдёт на дно, то я лучше утону вместе с ней, нежели брошу прилавок.

— Если ты уже собрался на дно, то может быть что-нибудь просто так мне отдашь?

— Отдавать вещи бесплатно ещё хуже, чем тонуть.

— А если по старой дружбе?

— На старую дружбу ничего не купишь. Ни говоря уже о том, что дружба не продаётся.

— За то она может помочь тебе выбраться из твоего непростого положения. Ты ни так уж далеко от берега, знаешь ли. Вдвоём мы вполне можем оттащить твою телегу туда, где будет посвободнее.

— И за это ты предлагаешь тебе заплатить? Что ж, по рукам.

Он сошёл со своего поста и мы вместе взялись за деревянную повозку. Он тащил, а я толкал. Было тяжело. Мы даже вытащили часть его добра на землю, чтобы облегчить процесс. И в итоге всё-таки смогли доставить повозку на пепельный песок. Посодействовав в погрузке товаров обратно на полки, я получил на руки огромный кусок копчёной

крольчатины:

— Это тот кролик, которого ты принёс мне в последний раз. Я так и не успел его продать. — сказал Купец.

Затем он немного подумал и положил сверху ещё и бутылёк чёрной настойки:

— Это за счёт заведения.

— Я тут, вообще-то не один. — сказал я.

— Правда? — он, казалось, не верил мне. Я бы тоже себе не поверил.

— Да. Мне было бы не удобно возвращаться всего с одной бутылкой.

Он пожал плечами и дал мне ещё один пузырёк. Мы откланялись друг другу и разошлись в разные стороны. Я направился к тому месту, где оставил Аврору. Девушка расслабленно сидела около ямы, в которой был разожжён костёр, сложенный из чёрных веток. Огонь в нём был зеленоватый. Я положил перед ней добытую еду, на что она разочарованно заметила:

— Я надеялась, что ты вернёшься без пищи и уже думала, как бы тебя съесть. К слову, ты не только кролика убил, но ещё и закоптить его успел? — она недоверчиво подняла бровь.

— Я его не убивал. Просто встретил одного старого друга.

— Ладно... чтобы ты там не имел в виду. Не кажется ли тебе странным, что у тебя как-то многовато друзей и знакомых для такого места?

— Учитывая, что в остальном лесу у меня никого нет, очень даже кажется.

— Что ж, садись поближе, не стой.

Я сел рядом с ней и заворожённо уставился на огонь. Костёр метал искры высоко в тёмную бездну неба. Там, среди бесконечной пустоты, они навечно исчезали, уходя в небытие. Не отрываясь от этого процесса, я вдруг спросил у рыси:

— Слушай, ты веришь в судьбу? В то что всё предначертано?

— Не знаю. Об этом можно судить ни когда всё уже случилось, а только если действительно знаешь, что должно произойти. И тогда, если уж у тебя никак не получится переиграть предсказание, то можно будет сказать что судьба неминуема и расслабиться.

— Расслабиться?

— Ну да. Если всё и так уже предрешено, то можно даже не напрягаться, чтобы что-то делать. Всё придёт само, даже если ты будешь многие циклы лежать, не шевелясь.

— Да, было бы здорово просто лежать и не шевелиться. Если это твоё бездействие тоже не предсказано судьбой.

— Зачем ты вообще задаёшься такими вопросами? На них всё равно нет ответа.

— Да вот мне кажется, что у меня сейчас столько разных предзнаменований судьбы и все были навязаны мне из вне.

— Значит, что ты можешь выбрать тот, который тебе будет больше по вкусу.

— Даже если все они ведут в небытие?

— Эй, не унывай! — она ткнула меня кулаком в плечо, — Любой путь ведёт в небытие. Но это вовсе не значит, что он заканчивается. Знаешь во что я действительно верю? В наследие. Наши родители передали его нам, а мы передадим его нашим детям.

— Нашим? Мы?

— Ты очень избирателен. Ловишь только каждый четвёртый намёк. — она хитро взглянула на меня, — Вообще, я думаю, что ты скоро узнаешь про своё наследие. Если уж этот старик не врал, то остальные боги тебе тоже должны быть знакомы. Может быть, кто-то

из них даже является твоим родителем.

— Я как-то об этом и не думал. Это всё было так запутанно.

— Хорошо, что у тебя есть я, которая внимательно слушала историю полубезумного бесшёрстного. Это я, если что, про тебя, красавчик.

— Я ведь не всегда выгляжу как бесшёрстный. У меня, вроде как есть и мой настоящий вид.

— И зачем ты ходишь в таком облике?

— Чувствую себя особенным среди мутировавших зверей, нося маску того, что они потеряли и никогда не вернут.

— Это очень жестоко, знаешь ли. — её укор был шуточным, — А какой он, твой настоящий вид? — она развернулась ко мне и, схватив меня за плечи, пристально уставилась мне в глаза, видимо надеясь в них разглядеть мою первоначальную форму.

Я решил удовлетворить её любопытство. Пусть я сам не очень то и помнил свой настоящий вид, но всё ещё мог сбросить все маски и вернуться в изначальное состояние. По крайней мере это получилось очень быстро и естественно.

Аврора улыбнулась, я слегка смутился. Она сказала:

— Так ты не совсем лис? Вернее ты как-то даже очень на него не похож, хоть и можешь менять облик.

— Я лис, только не рыжий и не лесной. Мой вид зовётся фенеками. Однако, я не полностью похожу на них. Моя белая шерсть и крупный размер достались мне от волочьей крови.

— Так ты химера...

— Наверное, можно сказать и так. Я смесь двух видов. При том оба не затронуты мутациями леса, что учитывая тебя, уже не столь уникально.

— А эти огромные уши...

— Нет, это не мутация. Так и должно быть.

— Что ж, довольно мило выглядишь. И ещё больше кого-то мне напоминаешь. Почему ты всегда не ходишь так?

— Так я выгляжу слишком subtly и совсем не угрожающе. Миловидность выживать не сильно помогает.

— Это смотря в каких ситуациях.

— В ситуациях, в которых я был, кроме всего прочего, вид бесшёрстного был полезен для охоты. Случайно забредшие в лес проще доверяют себе подобным. Я на таком промысле зарабатывал, в конце концов.

Вместо того чтобы осудить меня за мои проступки, рысь закрыла глаза и легла на моё плечо, промурчав:

— Расскажи ещё что-нибудь о себе.

— Рассказать о себе? Что, например?

— А что у тебя лежит на душе? Я думаю тебе просто необходимо высказаться как следует. А как выскажешься, мы выпьем настойки и потанцуем у костра. Так, может, мы сделаем твою запутанную и раздражающую ситуацию, несколько более простой и беззаботной. Это поможет тебе отвлечься.

— И это правда поможет?

— Уж поверь, конец света, особенно если он случился внутри твоего сознания, это лучшее время, чтобы пить и танцевать. И, даже если этого будет недостаточно, мы с тобой

всё равно найдём способы как ещё повеселиться.

Мы с Авророй стояли перед чашей. Сонный кумар давно спал, хотя небо и не изменило своего цвета, всё также демонстрируя чёрную звезду и бледный диск луны. Я всё размышлял, как бы теперь пробраться дальше, вглубь этого низкорослого леса, не переломав себе все ноги.

— И чего мы ждём? — спросила девушка.

— Того момента, когда я придумаю способ, чтобы пробраться через бурелом. Я посеял свечу, которую мне дал Привратник.

— Зачем тебе свеча и кто такой этот "Привратник"?

— А ты его не встречала? Как же ты сюда добралась?

— На своих двоих. Знаешь ли, это идеальная среда для рыси. Можно сказать даже лучшая.

— То есть ты и без троп отлично ориентируешься?

— Да, я думаю, что смогу нас провести. Всё же, сюда я прекрасно ориентируюсь в таких условиях.

— Ну веди, раз уж считаешь, что мы сможем не заблудиться... там.

Рысь с недюжинной прытью перемахнула через поваленное дерево и стала постепенно углубляться в сердце рощи. Я последовал за ней. Конечно, борясь с не самым приятным ландшафтом, я едва успел поспевать за своей спутницей. Ловкости мне явно не доставало и я едва-едва мог держать её темп.

По моей просьбе, мы остановились передохнуть пару раз. Чем глубже мы уходили в лес, тем сложнее становилось идти и тем чаще приходилось делать привалы. Аврору, впрочем, едва ли беспокоили те же проблемы. Она даже не волновалась, что мы могли заплутать или прийти куда-то ни туда. Её уверенность вселяла надежду на удачный исход и в меня. Так что в очередной раз переведя дух, я вновь совершал рывок вслед за рысью.

Однако на нашем пути вдруг возникло практически непреодолимое препятствие: огромная поросль сухого терновника наострившая свои колючки во все стороны. Она пролегла через бурелом живой стеной так далеко, насколько хватало взгляда, и была достаточно высока, может в два моих роста.

— Ну и куда мы пришли? — спросил я у своей спутницы.

— К стене терновника. — она посмотрела на меня так, будто мой вопрос был невероятно глупым.

— И что мы с ней будем делать? Как мы её преодолеем?

— Я не знаю, если честно.

Мы стали думать о том, что делать с подобной преградой. Первой моей мыслью было попытаться воссоздать эффект свечи с помощью обычного факела. Конечно, может терновник и не будет реагировать на огонь, как деревья или и вовсе, подобный фокус может сработать только с наличием воска. Но тогда можно было бы попробовать поджечь этот куст. Пусть это и может привести к лесному пожару, особенно в столь плотном насаждении деревьев, но путь то это расчистит? Да и, в конце концов, может и вовсе убрать эту чёртову рощу в принципе.

Я оторвал кусочек ткани от своего многострадального плаща, который за всё время странствия превратился в одну бесформенную тряпку, а затем намотал его на толстую ветку.

Обильно полив ткань остатками чёрной настойки, я взялся добывать искру. Соорудив ручную дрель и активно двигая руками, я быстро поджёг тут же найденную сухую траву. От неё загорелся и факел.

Стоило мне поднести огонь к изгороди, как колючие ветки тут же разошлись в стороны. Видимо, терновник всё же боится огня. Отогнав тернии так, чтобы в итоге получился свободный проход через живую стену, я пропустил в него сначала Аврору, а затем проследовал за ней. Стоило нам пройти, как стена за нами тут же вернулась в прежнее положение, став непроходимой.

Мы оказались на поляне. При чём были мы на ней ни одни. Здесь же, на небольшом расстоянии от нас, стояла неподвижная фигура. Она была полностью чёрной, будто состоящей из смолы или чего-то подобного, вязкого, мерзкого, медленно текущего. Её голову увенчивал терновый венок, хотя понять, что этот пузырь был головой было сложно, ведь на нём не было совсем никаких черт, свойственных живому существу. И это нечто можно было бы считать за что-то неживое, вроде чучела, однако, вскоре после нашего появления оно зашевелилось и двинулось в нашу сторону.

Шагала тварь с трудом, едва отлепляя ноги от земли и оставляя после себя смоляные следы. Я понимал, что дотронуться до неё было бы равнозначно смерти, так как в вязкой липкой плоти наверняка можно было бы увязнуть навсегда. Но по сути, опасности она не представляла. У нас не было никакой необходимости убивать её или пытаться с ней драться, ведь мы просто могли уйти от неё. При том, вполне себе прогулочным шагом.

Потянув за собой рысь, я двинулся прочь от существа, что тщетно, но крайне настойчиво пыталось следовать за нами. За изгородью лес был куда более "чистым" и идти по нему было многим проще. Мы шли достаточно быстро, чтобы настойчивый преследователь отстал и скрылся из виду.

Вскоре, наш вояж привёл нас на кладбище. Оно представляло из себя множество заросших могильных камней и порушенных склепов. На противоположном от нас конце поляны, высились ворота, состоявшие из двух внушительных башен с перекладиной между ними. Слишком примечательное строение, чтобы не быть вотчиной бога. Держа факел над головой я уверенно ступил на землю мёртвых.

Проходя мимо могил, я подметил, что ни на одной из них нет ни имён, ни цифр. На камнях были выбиты только абстрактные надписи, едва ли относившиеся к усопшим, если те, конечно, действительно лежали в земле: "пауки плетут свои нити, пока их не раздавят", "братья остаются братьями, пока не появляется женщина", "всё переменчиво: никто не остаётся прежним", "она единственная живая в семье" и другие. Понять, что имели в виду те, кто их оставил, не представлялось возможным. Возможно, это было очередное безумие леса, а возможно они несли какой-то скрытый смысл. Да и в Тихом Лесу едва ли есть разница между первым и вторым.

В центре кладбища стоял громоздкий каменный алтарь, вокруг которого был очерчен белый круг. На алтаре стояла маленькая коробочка. Стоило нам приблизиться, как эта коробочка открылась и из неё полилась музыка. Мы подошли ещё ближе. Оказалось, что внутри ящичка крутилась маленькая фигурка странного существа.

По кладбищу раздался ужасающий рёв и позади нас, за пределами круга, возникло точно такое же порождение леса: дикий, животный взгляд; острые лезвия когтей; громоздкая, сгорбленная, туша. Сложно сказать на какое животное походило это существо, но сразу было понятно, что намерения у него совсем не добрые. Оно ходило кругами, следуя очерченной

линии, но не пересекая её. Пасть его изливалась желчью и слюной.

Ни я, ни Аврора, не были сильно удивлены очередной встреченной твари. Хотя, нельзя сказать, что мы не радовались тому, что она не могла прорваться за круг и в то же время оба понимали, что выйти из него теперь будет для нас большой проблемой. Не удивились мы и когда тварь заговорила, продолжая наматывать круги и сверлить нас неосмысленным взглядом:

— Выходите, не испытывайте моё терпение. — голос существа был стрекочущим, будто у того была трещотка в горле.

— Я предпочту испытать. А что насчёт тебя, Аврора? — спросил я у спутницы.

— То же самое. — сказала она.

— Значит, вы умрёте от голода в круге. Не лучше ли принять быструю смерть? — сказала тварь, видимо будучи совершенно уверенной, что сможет договориться со своими жертвами.

— Предпочту взять время, чтобы придумать способ побега. — сказал я монстру также честно, как он пытался убедить нас выйти.

— Ни себе, ни другим... — сказала тварь, будто бы раздосадованная тем, что её просьбу отказались исполнить, — Быть может, тогда хотя бы один из вас выйдет? А я тогда отпущу второго.

При иных обстоятельствах, я бы без сомнения предал свою новую подругу, чтобы спасти свою шкуру. В конце концов, я взял её для того, чтобы если что выиграть себе время. Однако предавать надо лишь тогда, когда эта жертва будет не напрасной. А как я мог довериться первому встречному чудовищу? Какие гарантии оно может дать?

Несмотря на крайне странную открытость монстра, доверия ему не было. Да и не хотелось мне предавать Аврору. Несмотря на то, что мы были знакомы не так уж и много времени, я успел к ней немного привязаться. Кроме того, мы явно разделяли похожие судьбы. Я чувствовал, что если её жизнь закончится подобным образом, то и моя, вскоре будет предана и отдана чудовищу.

Вспоминая того парня, который умер из-за меня и от моей руки... Я ведь тоже не хотел, чтобы с ним всё вышло так, как в итоге получилось. Его жертва не имела особого смысла, не была практичной, да и, наверное, не могла бы быть таковой. Какая жертва вообще стоит того, чтобы её принести? И, главное, откуда у меня вообще такие мысли?

Я имею в виду, что раньше всегда думал о том, как бы спасти лишь себя и использовать других для этой цели с максимальной пользой. Я говорил об этом, но поступал почему-то совсем иначе. Мне вдруг стали не чужды сострадание, самопожертвование, жалость, ответственность и другие чувства, которые я всегда отвергал. Неужели на меня так повлияло объединение? Или, может, что-то другое?

Сначала я взялся спасать лес, потом хотел помочь бесщёрстному, ввязался в самоубийственный бой ради волков и, в итоге, взял с собой случайно спасённую девушку. Быть может, я просто размяк?

— А какие ты можешь дать гарантии? — спросила у монстра Аврора, выразив мои сомнения.

— Если вам недостаточно моего слова, то никаких. Мне нечего вам предложить, чтобы подтвердить безопасность одного из вас. Но разве вас раньше обманывал кто-то, кто так открыто говорил о своих намерениях, ничего не тая?

— Ну кое-кто меня всё-таки обманул таким образом. — сказала девушка и

многозначительно посмотрела на меня.

Я не понял, что именно она хотела этим сказать. В последнее время я вообще понимаю критически мало...

— В любом случае, этого и правда мало. — произнесла Аврора, — Я предпочту посидеть в кругу. А ты, Каин?

— Я тоже, пожалуй.

И мы действительно сели на землю, выжидая. Монстр ещё какое-то время нетерпеливо ходил вокруг, а потом также присел, уставившись на нас. Не знаю, сколько времени мы трое смотрели друг на друга, но хорошего плана побега в моей голове так и не образовалось. Впрочем, он и не потребовался, ибо помощь пришла откуда не ждали, вместе с хлюпающими звуками, донесшимися из-за спины существа.

Оно вздрогнуло и попыталось вскочить, но что-то крепко держало его за спину. По шерсти монстра начала медленно и методично растекаться смола, опутывая его смертельными силками. Видимо, помилованный смоляной монстр, всё это время следовал по нашим следам и только-только добрался до кладбища. Его упорству стоит только позавидовать.

Кроме того, он не только нашёл себе жертву, но и даровал нам свободу. Видимо, иногда насилие и правда бывает лишним. С мыслью об этом я спокойно встал и вышел из круга. Больше бояться было нечего. Под мольбы о помощи от существа, желавшего нас сожрать, мы удалились от странного алтаря. Наш путь теперь лежал к воротам.

Каин — Тенёты судьбы

Каин изменился. Может быть даже стал лучше. Но смерть, в моём лице, не просто так всё активнее вплетается в повествование. Всё ближе подбирается окончательное решение. Время ускоряет свой ход. Самум

Сказание шестое — Семья

Каждый шаг по скрипучей лестнице внутри башни, давался с трудом. Но я упорно поднимался, всё ближе приближаясь к логову Паучихи. Аврора шла следом. От её не менее неуверенных шагов за спиной, я чувствовал себя несколько более уверенным. И я был очень рад, что весь путь по этой части леса мне не приходится проходить в одиночестве. Было как-то спокойнее от осознания факта, что был кто-то, способный прикрыть мою спину.

На самом верху башни, нас ждало уже знакомое мне помещение, освещённое множеством свечей. Только на сей раз здесь не было никаких трупов. Только хозяйка башни из тёсаного камня и её паутина, которую Паучиха терпеливо сплетала из блестящих нитей. Несмотря на увлечённость своим занятием, она всё же заметила гостей в своей обители и сказала:

— Ну что, Каин, пришёл мстить мне? Не остановили тебя препятствия на пути?

— Зачем вы вообще пытаетесь меня остановить? Почему прячетесь?

— Мы не пытаемся тебя остановить. Это делает сам Лес. Пока ты был частью его воли тебя не покидала удача. Но теперь всё поменялось и мы, вернее, они, надеются, что ты хоть где-то застрянешь и дашь нам хоть ещё немного времени. Зачем? Другие боятся тебя и той судьбы, которую ты несёшь им. Но я не боюсь. Так что можешь сделать то, что задумал.

— Я, вроде как, ничего не задумал.

— Так ты ничего не вспомнил? А зачем тогда убил Авеля?

— Вообще, это сделала я. — вмешалась Аврора.

— Ты? — Паучиха разочаровано покачала головой, щёлкнув хелицерами, — Судьба должна была сложиться не так. Брат должен был восстать на брата, чтобы идти дальше. Так я планировала.

— Так это ты всё устроила? — спросил я.

— Я? — ткачиха клекочуще рассмеялась, — Только не в таком положении. Когда-то я была Богиней, знаешь ли. Более того, я была загружена в суперкомпьютер и действительно способна просчитывать подобные схемы. И пусть меня забавляет мысль, что я снова стала биологическим существом, теперь у меня не хватает ресурсов, да и сил для того, чтобы хоть на что-то влиять. Но раньше, ещё до того, как мы все здесь оказались, я создавала из вашей семьи образ первочеловеков из древней книги. Твой отец был Адамом, мачеха Евой, а вы, их дети, должны были следовать определённому сюжету. Ты должен был быть Каином, отцом первого города и целой цивилизации. Но чтобы ты рос и становился умнее, тебе надо было испытать зависть к твоему брату-простаку. Я всегда предпочитала его, чтобы мотивировать тебя развиваться.

— Но зачем всё это?

— Чтобы ты восстановил то, что было утеряно. Это был мой план по строительству утопии на обломках старого мира, в котором выжила только ваша семья. Скажу сразу, он провалился целиком и полностью. Но на его остатках вырос твой утопичный план. И несмотря на то, что именно он привёл нас сюда и был не менее нелеп и неудачен, чем мой...

Я всё же горжусь тобой и тем, что ты сотворил. Этот лес, его структура, его суть... Выше всяких похвал! Моя ставка на твою зависть полностью себя оправдала.

— Так, значит, это я создал Тихий Лес? — я едва ли мог поверить, что когда-то был способен на что-то подобное.

— Именно. Думаешь, почему посты богов занимают близкие тебе существа из прошлого? Пусть я не знаю, как именно ты добился создания этого пространства... уж извини, мои лапки едва ли способны исследовать природу столь колоссального измерения. Но я знаю, что его создал ты. И поместил нас в свою утопию. При чём, почти наверняка с благими намерениями. Как же забавно, что всё в итоге пошло совсем не так, как ты задумал, верно?

— То есть, я хотел создать утопию и запер своих близких в ней. Но разве это ужасающее место можно назвать "утопией"?

— Раньше здесь всё было совсем по-другому. Это было милое и мирное место, гораздо более зелёное и чистое, чем те ядерные пустоши, вокруг вашего бункера. Но что-то пошло не так. Сюда проникла скверна и изменила изначальную задумку. Она всё порушила и даже чуть было не уничтожила своего создателя. Мы помогли тебе восстать из осколков самого себя, чтобы ты справился со своим детищем и отсрочил смерть леса. Мы обещали тебе свободу и мы действительно знаем, как ты сможешь её получить. Вот только для этого тебе надо убить нас. Ты сам сделал своих близких хранителями печатей, которые надо сломать, чтобы покинуть чащу. И вот, теперь, если действительно хочешь сбежать, ты должен пожертвовать нами.

— То есть, вы и есть ключи к выходу? Что же, понятно, почему вы пытались запереть меня в этой части леса. Но неужели нет другого выхода? Я не горю желанием разделяться с вами, чтобы выбраться.

— Таковы правила, установленные тобой же. Раньше ты явно не задумывался о том, что это может понадобиться. Но с тех пор, как всё пошло не так, твои правила стали работать против тебя. Пусть ты даже и не помнишь, как их принимал.

— Допустим ты говоришь правду, но откуда тогда взялись остальные жители леса, если это была утопия только для нас?

— Твоё детище раскинулось сразу на несколько миров и стало поглощать несчастных из разных вселенных и эпох. Они все в заложниках у леса. Уж не знаю, можно ли будет и им покинуть лес, если мы умрём, но думаю, что это спасёт всех. Просто... знаешь как страшно умирать? Особенно, когда ты точно знаешь, при каких условиях смерть настигнет тебя и теньта судьбы оборвётся. Да и, возможно, в чаще твоим пленникам лучше, чем снаружи. Стоит ли менять знакомую безопасность на пугающую неизвестность?

— Если это правда...

— Хватит обвинять меня во лжи, Каин! Мне ни к чему тебе врать, ибо я не боюсь того, что суждено. Я не боюсь рассказать тебе всё так, как есть, потому что, в отличие от остальных, давно уже со смертью на "ты". Конечно, я не хочу, чтобы и твоя миленькая утопия канула в Лету, как канула моя. Но если твои желания тверды, я не намерена им препятствовать. В конце концов, это я мотивировала тебя создавать лучший мир и проявлять жестокое упорство. Я придумала и этот спектакль с избранником богов, чтобы заставить тебя решать наши проблемы. Так что моя смерть — только моих рук дела. И я горжусь сотворённым: горжусь собой и тобой тоже.

— Я уже и не знаю, чего жажду... — теперь я действительно оказался не так уж и твёрд

в своём первоначальном желании побега.

— Я могу помочь тебе принять решение. Одна печать уже была сломана, пусть и не твоими руками. Если будет сломано две, то у тебя уже не будет пути назад. Я в очередной раз заставлю тебя следовать своей воле и проведу по пути твоей судьбы. Но прежде чем я сотворю задуманное, я удовлетворю желание твоей подруги.

— Ты знаешь, зачем я пришла? — спросила девушка.

— Да, я знаю твой вопрос и могу на него ответить: "Нет, я не знаю, откуда ты взялась в лесу и не встречала тебя в прошлом". Может ты ждала не этого ответа, но это всё, что я могу сказать. Остальное тебе, возможно, могут сказать другие. Теперь же, сказав всё, что могла, я откланяюсь.

Паучиха взяла одну из своих нитей и ловко обмотала ей сочленение головогруды с брюшком. Затем она подняла лапки с концами тенёты и одним резким движением развела их в стороны. Зелёная кровь брызнула во все стороны и паучья голова покатилась к нашим ногам. В угасшем взгляде богини читалась насмешка.

Когда мы вышли из башни, камни кладки которой начали трескаться и крошиться. Вполне очевидно, что рано или поздно это должно было бы привести к разрушению ворот и я решил несколько ускориться, чтобы не оказаться под обломками.

Пока мы были в логове Паучихи, кладбище застелил туман. Белёсая, непроглядная дымка тянула свои щупальца в сторону врат и это могло значить только то, что мне снова придётся вступить в царство Бога Ветвей. Хотя этот туман вполне мог "выбросить" меня в очередную теневую зону леса, как то уже было, когда я брёл по тропе праведников, а также когда оказался в землях богов. Но я всё же был уверен, что в этот раз, пелена приведёт меня в облачные палаты.

Наверное, это просто была судьба, что продолжала действовать несмотря на смерть той, что должна была её плести.

Как и в прошлый раз, в тумане блуждали тени мертвецов. Но сейчас они были куда более агрессивны и приближались к нам очень близко, всё ещё оставаясь неразличимыми. Я отгонял их с помощью факела, но они не отставали, танцуя вокруг нас и неестественно изгибаясь.

Некоторые тени были мне знакомы. Некоторые из знакомых даже возникали прямо передо мной. Первым был тот бесшёрстный парень, который погиб по моей вине. Он вышел из тумана, преградив нам путь. В его горле была рана, что я нанёс своим клинком. Рана кровоточила, но ему не было до того дела. Оно и понятно, какая мертвецу разница?

— Ты убил меня. — сказал он.

— Это так. И с этим уже ничего не сделаешь.

— Я думал, что мы будем путешествовать вместе и я помогу тебе с охотой на Короля. А ты меня предал.

— Нет, я тебя не предавал. Просто мы оба угодили в ловушку Трикстера.

— Но ты теперь и есть Трикстер. А ещё Король, которому я хочу отомстить.

— Я не несу ответственности за их поступки, которые были до нашего объединения. От того, что они стали частью меня, их вина не стала моей. Кроме того, они оба едва ли сделали что-то плохое. Просто действовали исходя из своих обстоятельств. Они виноваты только для тебя. И я виноват только с твоей перспективы.

Человек не ответил мне, лишь потупил взгляд. Потянув Аврору за собой, я обошёл призрака стороной. Но стоило бесшёрстному раствориться за нашей спиной, как тут же, перед нами появился другой, несколько более спокойный, ведь в его смерти не было моей вины. Это был ворон, украшенный золотыми украшениями, из-за которого я сам попал сюда. Тут с мертвецом заговорил уже я:

— И ты здесь?

— Нас убили волки. Они считают тебя мёртвым, при чём побеждённым нами бесчестно. Поэтому Белый решил мстить нам и развязал против птиц войну.

— Волки вас всех перебили?

— Нет, но многих. И мы, также, убили многих из них.

— Значит и сам Белый здесь?

— Нет, он, в отличие от прочих, всё ещё жив и продолжает свой мстительный поход за своего мёртвого короля.

— Не жалеешь, что отправил меня сюда?

— Нам не о чем жалеть. Мы всего лишь исполняли волю Бога Ветвей. А теперь мы в его палатах, по крайней мере до тех пор, пока не настанет время уходить дальше, за черту смерти.

Я хотел было сказать ему, что совсем не рад этому предательству, но осёкся. Мне в голову пришёл разговор, что был всего пару мгновений назад. И я сам оказался на месте того бесщёрстного: жертвой обстоятельств. А потому ворон был виноват в предательстве только с моей перспективы. Да, он помог заточить меня в этой части рощи, но всё же не сделал мне зла. Как и сам Бог Ветвей.

Мы с Авророй пошли дальше. Нам на встречу, бесконечным потоком плелись мертвецы. Они не поднимали на меня глаз, а я старался не смотреть на них. Хотя, даже так, я знал каждого из тех, кто проходил мимо. Я всех их помнил. И даже немного испытывал свою вину. Они хоть и были зверьми, законной добычей для Охотника, но всё же в большинстве своём были разумны и мало отличались от меня самого. Конечно, без их смертей я не смог бы выжить и прокормить себя, да и в лесу обстоятельства иными не бывают.

Однако, эта самая грань, которая отделяет безликих жертв от осмысленных страдальцев, была стёрта. Ныне я во всех них видел боль и ужас. Даже в тех, кто ранее были живыми, но после одичали.

Пока я отвлёкся на марш мёртвых, Аврора также наблюдала "отзвуки бурного прошлого". Не знаю уж, при каких обстоятельствах она встретилась с теми усопшими, которые шли с её стороны. Может быть, она и вовсе не была повинна в чьей-либо смерти. Кроме Авеля, само собой, которого не было и не могло быть в этом ряду. На то, что девушка не часто пачкала руки кровью, несмотря на жизнь в чаще, показывало также то, что она спросила у одного встреченного зверя:

— Куда вы все идёте?

— Это исход из царства мертвецов. Вскоре оно перестанет существовать и нам, чтобы не исчезнуть вместе с ним, пора пересечь границу и выйти на ту сторону. — произнёс иссохший пёс потрескавшимися губами.

— А там, разве, вас ждёт не то же самое?

Мертвец не ответил, лишь отвёл глаза и пошёл дальше. Я не стал спрашивать у Авроры про её былую жизнь в лесу. В конце концов это не моё дело, да и не время сейчас о таком говорить.

Мы с ней вышли в облачную залу, где на туманном троне восседал птичий скелет. Вокруг него, как верная стража, собрались птицы, в большинстве своём представлявшие из себя жалкое зрелище: повреждённые и еле сохранившиеся трупы, чудом стоявшие на лапах.

На сей раз первой слово взяла Аврора. Видимо ей не терпелось узнать ответ на вопрос о том, что было до Тихого Леса. Но, как и в прошлый раз, ответ был всё тот же:

— Я ничего о тебе не знаю, моя хорошая. Мы не встречались раньше. А вот о тебе, Каин, — божество повернулось ко мне, — я знаю много. И, в отличии от остальных, даже сочувствую тебе.

— И кем же ты был? — спросил я.

— Была. Уж извини за этот спектакль, но когда ты скелет, нет никакой разницы кем был при жизни. Особенно здесь, где ты, Каин, даровал нам такие формы и роли, какие считал наиболее приятными нам. И пусть, это было несколько бесчеловечно: превратить свою семью в живые механизмы. Я знаю, что ты хотел как лучше. И я, как мать, горжусь

тобой.

— Мать...?

— Мачеха. Я знаю, ты никогда не считал меня своей роднёй. Но я действительно испытывала к тебе материнские чувства, как бы это для тебя не выглядело. Начав жить с твоим отцом и приняв бесконечную бессмысленность, я повзрослела и даже была неприязнь к твоей родной матери, испарились.

— Во многих вариантах прошлого, которые я помню, ты всегда сравнивала меня с ней. Не знаю почему, но мне это никогда не нравилось. Может потому, что я её не знал.

— Просто я видела в тебе её черты. Она была из тех, кто не только мог, но и действительно хотел поменять мир. У неё была идея и свой собственный план. Это сыграло злую шутку с городом, в котором мы жили. Он был уничтожен, во многом, по её вине. Наступил апокалипсис и Земля стала окончательно непригодна для жизни. Мне конечно повезло оказаться в безопасном бункере, что находился под контролем искусственного интеллекта. И я даже смирилась с его жестокими правилами. Но все мы понимали, что нашей семье потребуется целая вечность и тысячи поколений, чтобы превратить сухую ядерную пустыню в цветущий сад. Это было наше изгнание в землю Нод. Это было наше проклятие, как последних людей. И ты, уже со своей идеей, похожей на идею твоей матери, решил не ждать планомерного возрождения планеты и действовал решительно. Ты переселил нас сюда, в это странное место. Кто же знал, что твоя идея тоже закончится плохо? Если ты вдруг начал корить себя за неё, то не стоит. Ты не виноват в том, что произошло. Ты хотел сделать как лучше.

— Я и сейчас хочу сделать как лучше.

— Да, это вполне в духе твоей матери: решимость и бескомпромиссность. Жестокость и великие идеалы. Но из любой разрушительной трагедии, иногда вырастает нечто прекрасное. Благодаря тому, что сделала твоя мать, я познакомилась с Самаэлем.

— Ещё один зверь с именем? Как-то слишком много их становится. — вмешалась в разговор Аврора.

— Он не из этого места. — сказала богиня, — Не думаю, что кто-то вообще способен сказать, откуда он пришёл. Но ему нравится, когда мир настигает коллапс. И наступивший армагеддон привлёк его туда, где мы жили. Он вступил в наш дом, как ангел смерти, с множеством имён, и просто стал наблюдать за тем, как мы сами себя уничтожаем. В этом он был не отразим. Мне думается, что ты видел его, разве нет? Чарующий голос, изумрудные глаза, горящие потусторонним огнём, и бесконечные пространственные рассуждения, которые не пытаются тебя ни в чём убедить. Ты всегда сам делаешь вывод из его слов.

— Кажется, я его видел. В момент, когда временно умер.

— Я так и знала. Верила, что он не сможет пропустить гибель и этого мира. И мои мечты оказались явью.

— Кажется, ты от него без ума. — произнесла рысь.

— С ним по-другому и не поговоришь. Надо сначала лишиться рассудка. Не подумай, Каин, я притёрлась к твоему отцу, хотя до этого его не переваривала. Да и вообще, до него, у меня уже был возлюбленный. Но, знаешь, что я поняла, когда стала старше? Людей нельзя любить. Конечно, можно испытывать к ним привязанность, но эта самая привязанность всегда складывается из обстоятельств. Я была в таких, что заняла место твоей матери и даже прикипела к нему. Но правда в том, что я всегда любила идею, которой и был Самум. Он был отражением цикла жизни и смерти. Он был судьбой и, в то же время, оставлял мне выбор.

Он был красив и жуток, спокоен и буен — Самум воплощал апокалипсис. И я так полюбила это воплощение, что и здесь приняла форму смерти. Его любимый вид.

— Всё ещё не понимаю восторга. — не унималась Аврора.

— Просто ты не знаешь о всех прелестях погибели. Когда приходит смерть мира, она не делает разницы между богатыми и бедными, между хищниками и жертвами, между победителями и проигравшими. Идеальное тотальное уравнение, низводящее все страхи и боли до нуля. Хутсунея.

— Значит, та история, которую ты рассказывала нам с Авелем, была придумана этим твоим Самаэлем? — спросил я.

— Нет. Он её не придумал. Он её наблюдал. Он всегда только наблюдает и говорит. — птица вдруг задумалась, и затем сказала, — Если ты его видел после того, как пересёк границу жизни и смерти, то значит и я смогу его наконец-то увидеть. Я смогу воссоединиться с ним и получить заветное освобождение. Хотелось бы мне верить, что и другие воссоединятся с ним на той стороне. Пусть даже это будет совсем мимолётное воссоединение. Самум стоит каждой секунды.

— Только не говори мне, что собираешься...

— Повторить то, что сделали Старик и Паучиха? Да, именно это я и собираюсь сделать. Это приблизит тебя к выходу, а меня к моей единственной страсти. Кроме того, твой дальнейший путь будет лежать к отцу. Он будет последним из нас. И, прежде, чем ты к нему пойдёшь... Просто знай, что мы все привязаны к тебе, но эта привязанность превратилась в клетку. Позволь же нам всем совершить побег из адского колеса. И, чтобы не произошло, не пытайся всё вернуть на свои места.

С этими словами скелет оплели щупальца тумана и он растворился в них.

Туман отступил и рассеялся. Мои ноги утонули в глубоком снегу. Вокруг была уже не та мрачная низкорослая роща, а вполне привычный лес. Правда, за время моего отсутствия тут многое поменялось: везде лежал глубокий снег, массивные стволы окутало ледяным узором, а с ветвей пропали все листья. Гигантские деревья стояли голые, практически мёртвые.

Звонящая тишина давила на уши. Больше не было привычного шума и даже ветер затих. Всё потому, что даже воздух ныне застыл от наступившего мороза.

Меня охватила дрожь. После я чихнул. Тело едва справлялось со столь резкой переменной температуры. Обрывки плаща ни капли не грели и только факел, всё ещё находившийся в моей руке, давал хоть какое-то тепло. Я поднёс его поближе и обнял Аврору. Сильно теплее от этого не стало, но чисто подсознательно казалось, что я делаю хоть что-то. А "хоть что-то" уже лучше, чем совсем ничего.

— Пойдём. Иначе замёрзнем, стоя на месте. — сказала рысь дрожащим голосом.

— Да, верно. Нельзя оставаться на месте.

И мы поплелись, с трудом передвигая ногами. Конечно, лапам было крайне холодно, так что хотелось их одёрнуть каждый раз, погружая в сугроб. Однако, здесь их было просто некуда "одёргивать".

В один момент, погрузив ногу в белый покров в очередной раз, я вдруг встал на что-то твёрдое и шершавое. Я подумал, что наступил на камень. Однако, этот самый "камень", вдруг хрустнул под моей ногой. Передав факел напарнице, я нагнулся к земле и раскопал странный предмет. Из снега, на белый свет, вышел треснувший череп. Я не знал, что и думать о такой странной находке и почему она так привлекла моё внимание.

Позднее, продолжив путь, мы наткнулись и на другие останки самых различных животных. Некоторые представляли собой скелеты, другие же — полузамёрзшие трупы. Их было великое множество. Конечно, мы могли рассмотреть лишь те, на которые натыкались и те, которые лежали на поверхности. Сколько всего их было, я не стал задумываться. Мне просто стало не по себе.

Легче стало лишь когда нам показался хозяин этого места. А, вместе с тем, и последний хозяин Тихого Леса. Бродящий Меж Стволов, легенда, что ранее никому и никогда не показывалась, но каждый знал как этот зверь выглядит. Гремя цепями и с лёгкостью переступая своими четырьмя лапами по самой поверхности сугробов, огромный белый волк возник перед нами колоссальной фигурой. Вместе с его появлением поднялся порыв ветра, чуть не сбивший нас с ног и ударивший по моему лицу ворохом острых снежинок.

— Каин. — громогласно прозвучал голос волка.

— Отец, я полагаю? — спросил я.

— Ты помнишь меня?

— Сложно сказать. Я помню много версий тебя, так что будем считать, что я не помню ни одной.

— Учитывая, что остальные мертвы, ты так и не узнал достаточно?

— Они мертвы не по моей вине.

— Я знаю. Им не нравилось их место в этом мире. То место, которое ты им определил. Мне моё тоже не нравится. Высшая форма бессилия — это когда ты способен что-то поменять, но совсем не контролируешь даже свои собственные решения. Напоминает мне

моё прошлое...

— Мне уже не хочется ничего об этом знать. Всё это слишком запутанно. Все говорят загадками, а когда говорят прямо, то скорее всего врут. По крайней мере, я не готов больше узнавать что-либо от безумных богов. Иначе сам сойду с ума. Лучше поговорим про то, что происходит прямо сейчас.

— Спрашивай.

— Мы сейчас в очередной странной иллюзии?

— Нет, это не моя вотчина. Я вообще, в отличии от остальных, люблю бродить по Тихому Лесу.

— Значит, лес сейчас выглядит так? Откуда все эти трупы?

— Ты опустил температуру. Лес замёрз. Слабые звери быстро сгнули, в том числе и те, кто жил в домах. Они просто не знали, как справиться с холодом. Сильные же, вроде птиц и волков, несмотря на то, что могли противостоять морозу, поубивали друг друга в кровопролитной войне. Сначала мотивированной мстостью, а потом и нехваткой пищи. Не знаю, может где-то горстки их ещё и остались, но скорее всего былое величие их минуло.

— Значит, Тихий Лес умирает...

— Да. Не только из-за похолодания. После смерти богов, здесь окончательно наступил хаос. Без Старика пространство перестало иметь хоть какие-то правила: кровавая изнанка леса смешалась с реальностью, тропы перепутались, бесконечная зацикленность разорвалась. Без Паучихи, потоки судьбы и строгие правила, перестали иметь смысл. Да что там, даже смерть ныне работает не так, как должна. Даже Бог Корней вносил свой вклад в жизнь леса, заставляя зверей мутировать. Конечно, о его смерти стоит жалеть меньше всего, но теперь все беспощадные, попадающие сюда, обречены умереть, без шанса перерождения.

— И всё это уже не исправить?

— Не знаю. Мне это не ведомо. Но, сын мой, тебе не стоит винить себя в произошедшем. Ты был жертвой манипуляций и драм, о которых не имел никакого представления. Боюсь, что это наследие тебе досталось от меня. Мной тоже когда-то манипулировали и это также привело к глобальному краху. В результате этих манипуляций и появился ты. Так что, всё происходящее, в каком-то смысле и моя вина.

— Ты можешь объяснить мне всё это просто? Без речей про времена, которые я не застал. Мне надоела иносказательность! — я стиснул зубы от злости.

— Я понимаю твой страх.

— Я не боюсь.

— Боишься. Злость и ярость — самые высшие формы страха. Загнанный в угол зверь начинает драться изо всех сил, потому что ничего больше не остаётся. Просто, ты не понимаешь свои чувства, ведь думаешь, что бояться можно только закрытой двери. Это не так. Гораздо страшнее наличие множества закрытых дверей, "содержимое" которых ты знаешь, но не можешь выбрать правильное. Ведь ошибка равнозначна смерти, а остаться там, где ты есть сейчас, просто невозможно. Такая же ситуация с твоей попыткой разобраться в своём прошлом и природе леса. Тебя, Каин, отягощает слишком большое количество вариаций, из которых ты хочешь выбрать всего один верный, чтобы в итоге сбежать. Но что если верного варианта нет? За всё то время, которое я провёл здесь, мной так и не был найден такой вариант. Я уже вообще ничего не понимаю и просто плыву по течению в надежде на чудо. Сейчас, в момент уже третьего апокалипсиса, я больше плачу по старому миру, ибо вижу рядом с тобой кое-кого из прошлого. — он обратился к Авроре, —

Мы были знакомы с тобой. Ещё до того, как наш бывший мир был подорван бомбой и я отправился в бункер. Это было мимолётное знакомство, но мне хотелось, чтобы ты пережила тот термоядерный взрыв. И если ты всё-таки здесь, значит бывший мир не мёртв и кто-то ещё, кроме нашей семьи мог пережить конец света. Твоё недавнее появление внушило мне надежду.

— Мне казалось, что я здесь очень и очень давно. — сказала девушка, — Чуть ли не с самого начала.

— Время здесь очень странная вещь. Могу уверить, что тебе могло как раз просто показаться. Я же, как тот, кто знает о лесе многое, могу сказать, что не видел тебя ранее. По крайней мере, до того, как Каин впервые встретился с птицами лицом к лицу. Именно тогда, когда я вновь увидел тебя, понял, что и моя милая может быть жива где-то там, за пределами чащи.

— Ты имеешь в виду мою мать? — спросил я.

— Да, я уверен в том, что она пережила взрыв и всё это время искала нас. И, если уж я тут заперт навсегда, то я могу хотя бы тебе, сынок, подарить шанс воссоединиться с ней.

Картинка происходящего вдруг выстроилась в моей голове: всё, что было со мной раньше, устроил отец, решивший освободить меня из плена леса, чтобы я нашёл маму. Он не слишком любил свою семью, с которой, в прошлом, ему предполагалось "восстанавливать цивилизацию". Однако он любил меня и ту женщину, от союза с которой я появился. Судя по всему, подговорив других богов, он провёл меня по этому странному пути воссоединения с самим собой и снятия всех "печатей", для того, чтобы я в итоге пришёл к выходу из леса.

— Ты уже обо всём догадался? — спросил волк, — Я не сомневался. В конце концов, ты действительно весь в мать.

— Так ты специально пожертвовал другими богами? Ты привёл меня в их земли?

— Они сами хотели умереть, каждый по своей причине. И всем им нужен был лишь правильный толчок. Это ты. Они все боялись тебя, пусть и не показывали этого. Потому что их жизни полностью подчинены твоей. В нашем с тобой случае, всё наоборот: твоя жизнь зависит от моей. Ведь это я, устав от чужих махинаций, решил повернуть, наконец, свою. Не так уж и много надо, чтобы подтолкнуть тебя в правильном направлении. Особенно, если мы говорим о самой свободолюбивой твоей части, которая изначально хотела сбежать. Пусть я много не знаю о происходящем, мне кажется, что я всё сделал правильно. У тебя есть шанс на свободную жизнь. Нужно только сделать шаг.

— А если я не хочу его делать?

— Когда я умру, у тебя не будет выбора.

Волк опустился на снег и открыл перед нами свою огромную пасть так широко, что челюсть его хрустнула и по стенкам глотки потекла кровь. Внутри, за мясистым языком, лежал мрачный и тёмный храм, сложенный из брёвен. Я видел это ветхое здание в своём видении. И теперь оно было прямо передо мной, нависая угрожающей громадой. Его скрипучая дверца распахнулась. Из тёмной глубины храмового чрева повеяло смертью.

В доме лесной ведьмы

Наступает время делать выбор. Ваш собственный выбор. Самум

Сказание седьмое — Исход

Храм нависал надо мной чем-то страшным и потусторонним. Само это место отзывалось болью где-то в глубине моей грудной клетки. Я знал, что уже бывал тут. И, несмотря на это, я всё равно боялся оказаться внутри. Но деваться было некуда. Дверь была открыта, а снаружи остался лишь мёртвый и замёрзший лес.

Я сжал руку Авроры поплотнее, не для её спокойствия, но для моего собственного. И мы пошли внутрь. После выхода от паучихи мы мало говорили друг с другом, да и сейчас всё было ясно без слов. Я знал, что она видит и чувствует всё тоже самое, что и я. И это действительно помогало мне не сойти с ума, ибо я делил свою потерянность и запутанность с ней.

Из нутра бревенчатого здания доносился стойкий запах сырости и древности. Пол внутри скрипел и, казалось, был готов обрушиться в любой момент. Стоило пройти по нему пару шагов в темноту, в которой даже факел сразу же потух, как перед моими глазами вдруг открылось внутреннее убранство.

Разом зажглись свечи, расставленные по всему полу, давая представление об этой странной церкви. Она была крайне скромна на мебель и украшения: внутри не было даже окон. За то единственный жилец вполне компенсировал собой "пустоту" помещения.

Это было огромное, разбухшее существо, своим дородным телом упирающееся в стены, а горбом в потолок. Его кожа была отвратительного болезненно-бежевого цвета и покрывалась россыпью различных волдырей: чёрных и белых. Своей "растёкшейся" пастью, существо беспрерывно хлюпало, мотая отвисшую нижнюю губу. Его ассиметричные малюсенькие глазки, со вселенской болью смотрели на меня. В то же самое время, оно что-то активно размешивало в котле, стоявшем перед ним. Отродье активно двигало четырьмя тоненькими ручками, больше походившими на лапки насекомых, исполняя круговые движения длинной ложкой в глубинах бурлящей кислотно-голубой жидкости.

Когда оно заговорило, то я был удивлён даже тому, что речь его, а точнее её, была внятной и вполне себе человеческой:

— Снова твой путь пришёл сюда, Каин.

Я вдруг вспомнил этот голос. Он звучал в одном из моих видений прошлого. Том, в котором я разговаривал с огромной лисой у мегалитов. Быть может, это она? Хотя теперь это можно было лишь предположить, ссылаясь на фантомные образы прошлого.

— Кроме всего прочего, ты впервые появился здесь не один. — существо указало своей длинной рукой в сторону Авроры, — Что ж, теперь у тебя будет ещё больше поводов принять то решение, которое ты принимал всегда.

— Разве я здесь уже был?

— Бессчётное количество раз. Я уже перестала считать, сколько циклов это повторяется. Раз за разом, ты проходишь один и тот же путь к свободе, но каждый раз делаешь это по-новому. Какая у тебя легенда на этот раз, м?

— Ты про моё прошлое? Я не знаю. Оно слишком запутанно, я помню столько всего разом... Можно сказать, что в сущности я ничего не помню.

— Воспоминания накладываются одно на другое? Это нормально. Когда твоё сознание

придумывает новую историю каждый цикл, не мудрено, что в один момент они начнут накладываться друг на друга и путать тебя. В голове остаются только самые базовые, непреложные факты: семья и имя. Всё остальное переменное и мы вряд ли когда-нибудь узнаем, какая из этих историй была верной. Я давно изучала тебя, пока сама не стала жертвой леса. За это время мне так и не удалось выяснить, что в действительности было твоей предысторией. Знаю только, что ты не был учёным. Не был одним из тех, кто изучает лес.

— Но почему я тогда помню в нескольких вариациях то, как я ушёл из семьи и стал работать на какую-то фирму...

— На нашу фирму. Когда лес поглотил наш исследовательский центр, воспоминания некоторых сотрудников оказались в твоей голове. То же происходит и с теми, кто сюда приходит, Каин. Они привносят в тебя всё новые и новые детали пазла, из которых ты складываешь новую легенду.

— Как я связан с тем, что этот ваш "центр" поглотил лес?

— Ты никогда не догадываешься до этого факта сам... Что ж, в бесчётный раз расскажу тебе. Ты не просто создал это место. Ты и есть — Тихий Лес. Его сознание — твоё сознание. Образы, которые он создаёт, на самом деле таятся в глубинах твоего подсознания. Часть из них ты позаимствовал у тех несчастных, которым не посчастливилось оказаться в ловушке твоих мыслей.

— Это какая-то бессмыслица...

— Подумай о фактах, которые лежат перед тобой. Почему ты обладаешь невероятными способностями по смене облика, практической неуязвимости и управлению погодой? Почему каждый раз, находясь на грани смерти, переживаешь опасность? Почему все местные боги, в прошлом, были твоими родными?

— Не все. Бог Корней не был.

— Бог Корней не бог в прямом смысле этого слова. Он скверна, навроде рака, что поразила твой мозг. Его история всегда является абстракцией, а сам он, по сути, выражает природу леса. Думаешь, это он раскинулся на несколько вселенных, которые медленно пожирает? Нет, это всё ты.

— ...но как это всё вообще возможно? Я же здесь.

— А блок управления этим пространством объединён с твоим сознанием. Я не смогла понять, как именно ты этого добился, интегрировав целую карманную реальность со своим мозгом. Да и, видимо, никогда не узнаю. Но таков уж факт: ты и есть лес.

— Но я не могу на что-то повлиять, просто подумав об этом!

— Ты думаешь, что всё настолько просто? А сможешь ли ты поменять свой характер, даже если очень захочешь? Сможешь изменить мировоззрение и способ мышления? Сможешь повлиять на своё подсознание? В этом месте, всё ровно также, как и в живом теле: сознание заложник биологической клетки и автоматизма. При чём, не только твоё сознание. От всей той каши, что была у тебя в голове, страдают все. Миллионы душ, попавших сюда из самых разных мест, теперь в одной клетке вместе с тобой. Они живут, пока ты продолжаешь путь из точки "А" в точку "Б" и цикл набирает обороты. Они умрут, если ты решишь разорвать эту цепь. Путь героя, его становление и падение, являются мерилем множества невинных жизней, пляшущих танцы вокруг твоей судьбы.

— Значит, я уже разорвал круг? Раз там, снаружи, столько трупов.

— Под конец каждого цикла, почти все, кроме тебя, умирают. И возрождаются каждый

раз, когда ты жертвуешь собой и делишь себя на четыре части. Не представляешь, сколько разных концов света наступало на моих глазах. Своим проклятием обречённая помнить каждый цикл, я видела апокалипсис живых мертвецов Агнца, распространение скверны Короля, наивную попытку сохранить всё как было от Небыли...

— Значит, и они тоже побеждали в этой борьбе?

— Верно. Это происходит попеременно. То ты победишь, то кто-то из них. Вы все приходите ко мне и вместо выхода, выбираете стать жертвой, чтобы всё началось заново.

— Значит, выход здесь?

— Да и ты можешь выйти хоть сейчас. А можешь перезапустить цикл и без памяти вернуться в ту точку, откуда всё началось. Когда ты убил и продал случайно забредшего в лес бесщёрстного. Эта точка всегда одна.

Существо зачерпнуло из котла кружку странной жижи и протянула мне:

— Вот, если выпьешь, то всё начнётся снова.

— А если я выйду?

— Тогда кровь миллионов будет на твоих руках и кровь твоей семьи тоже.

Я украдкой посмотрел на Аврору, но этого хватило, чтобы отродье поняло мою мысль:

— Нет, ты не сможешь взять её с собой. Если она попала в лес, то также никогда отсюда не выберется. Кроме того, она умрёт, если ты покинешь это место. Потому что само это пространство схлопнется без тебя: оно слишком завязано на твоём сознании, чтобы можно было тебя так просто изъять отсюда.

— Я не хочу умирать! — дрожащим голосом сказала Аврора.

— А что меня ждёт снаружи? — спросил я, уже будучи совсем не уверенным в своей мечте.

— Кто знает... Может быть ты умрёшь без леса, как он без тебя. А может, ты выйдешь в каком-нибудь пустом и безжизненном мире, каким был тот, из которого ты сюда пришёл. Это сможешь узнать только ты, на своей собственной шкуре. Но до этого ты ни разу не решался брать такой груз на свои плечи. Цикл никогда не был разорван тобой. И, почему-то мне кажется, что и сейчас ничего не изменится. Но кто я такая, чтобы решать за тебя? Жидкость у тебя, а дверь за спиной. Решай.

Я взял кружку в руки. Она была тёплой и испускала лёгкий пар. Заглянув внутрь, я увидел своё отражение и мне вдруг сделалось так тошно от самого себя. Я показался себе абсолютно незначительным, мерзким и эгоистичным. Скупая слеза упала на пол...

Выбор

Прошу прощения, что твой верный слуга, Самум, вторгается в это повествование, но выбор Каина, на деле совсем не зависит от него самого. И даже я сам не могу никак на него повлиять, не смотря на то, что мне определённо нравится вариант с цикличным, бесконечным апокалипсисом. А вот ты... совсем другое дело.

С самого начала этот мир существует в твоей голове. И я, прямо сейчас, существую именно в ней. Целая вселенная выглядит ровно так, как ты её себе воображаешь. При чём она также реальна, как и твоя собственная. Так что эта пространственная тюрьма существует не столько в голове Каина, сколько в твоей собственной. И именно от тебя зависит её судьба.

Если ты остановишься прямо сейчас, всё закончится и начнётся заново. Круг замкнётся и Каин проведёт очередной цикл в лесу, лишившись памяти и вынужденный пройти всё тот же путь. Он не будет жертвой отцовского наследия и планов. Он не станет искать свою мать. И, разумеется, ни его, ни твои руки, не будут в крови невинных пленников леса. Аврора включится в цикл и не погибнет на самом начале своего нелёгкого пути. Не такой уж и плохой вариант оставить всё как есть, верно? Тем более, что сам Каин уже вовсе не уверен в своём желании сбежать.

Если ты продолжишь, то сделаешь шаг в неизвестность. Вряд ли в ней будут ответы на все вопросы или какой-нибудь счастливый конец. Но так ты подаришь Каину свободу, а может быть и освободишь всех жителей леса. Не буквально, само собой. Но в своей смерти им может быть лучше, чем сейчас. А может и не быть, кто знает? Но если ты готов взять на себя ответственность и разорвать цикл, то продолжай свой путь и прими ответственность за этот выбор. Назад пути уже не будет, так как больше возможности закрыть круг не предвидится.

Кроме того, финал может быть не удовлетворительным, как мог быть неудовлетворительным сам путь. Но разве дорога не под ногами идущего? Разве восприятие не субъективно? Разве я не просто сею в твоей голове сомнение, чтобы самолично поразвлечься?

Выбор за тобой.

Кабинет психолога был наполнен приятным солнечным светом, в лучах которого кружились пылинки. Мерно гудел потолочный вентилятор. Кушетка была мягкой и тёплой. Рядом с ней сидел доктор с невероятно выразительными, практически потусторонними зелёными глазами. Он сказал, несильно прокашлявшись:

— И так, вся эта история про лес... Давайте её разберём.

— Было бы неплохо, доктор. Пока я совершенно ничего не понимаю.

— Знаешь ли ты, Каин, что наше сознание — тёмный лес?

— Кажется, я слышал такую же фразу про семью.

— Люди часто коверкают колкие выражения так, что те совершенно теряют смысл. — доктор пожал плечами, — Но это коверкание не так уж и далеко от истины. Мы, всё же, продукты своего наследия и дети своей семьи. Родитель или тот, кто его заменяет, навечно отпечатывается в нашем сознании набором определённых правил.

— Значит, именно поэтому все боги были моими родными?

— Боги — это правила и принципы. Так что да, можно и так объяснить.

— А что до моих осколков? Почему мне вообще пришлось себя собирать?

— Ты не чувствовал себя полноценной личностью и раз за разом пытался угнаться за осколками души. Но целостность не приносит счастья, лишь скуку. Лучше скажи, почему ты решил выйти из этого порочного круга? Почему бросил Аврору и остальных?

— Я устал раз за разом делать одно и то же. Устал топтаться на месте.

— И чувствуешь ли ты себя от этого лучше?

— Да, я наконец-то чувствую свободу. Будто бы я волен делать что хочу и никто не может указывать мне, что делать.

— А кто именно держал тебя раньше? Вряд ли это были боги, сверхзадача или лес.

— Пожалуй, что так. Во всём виноват был я сам. И именно мои самоограничения стали причиной моих несчастий. ведь был заперт ни кем-то, а самим собой, своим желанием сделать как лучше. Моя несвобода исходила из меня самого и я наслаждался ей. Теперь всё иначе. Теперь я живу.

— Я рад, что ты это понял. Всё же, ты это не только твоё наследие и то, что тебя окружает. Есть кое-что ещё и я рад, что ты близок как никогда к тому, чтобы это нащупать. — доктор вдруг посмотрел на настенные часы и сказал, виновато: — А теперь извини, Каин, но наш приём окончен. Твой рассказ про лес занял у нас слишком много времени от приёма. Если хочешь, мы сможем его обсудить более подробно позднее.

Я поднялся с кушетки. Мой собеседник также встал и протянул мне руку. Я пожал её. А потом направился к выходу. У самой двери я вдруг остановился и, развернувшись, спросил:

— Последний вопрос, доктор. Вы считаете, что всё это... всё что произошло в лесу было лишь "сном собаки"?

— О нет, это всё как раз было на самом деле. А вот происходящее прямо сейчас уже можно назвать "сном собаки". Если вы, конечно, считаете себя собакой.

— Значит, я всё же на самом деле выбрался из леса...

— Я надеюсь ты гордишься собой. — глаза доктора сверкнули огнём.

Он порылся в карманах своей старомодной жилетки и достал оттуда монетку, которую тут же кинул мне:

— Держи. Чтобы тебя не ждало дальше, ты сможешь заплатить за билет... куда бы ты там ни хотел попасть.

Я посмотрел на новое приобретение, лежавшее в самом центре ладони. На нём было уже знакомое изображение крылатой лисьей смерти и надпись: "Если в конце пути тебя неизбежно ждёт мышеловка, просто смени направление".

— Что будет за этой дверью? — спросил я, взявшись за ручку.

— Новая жизнь.

В этом письме вам, директор Павлов, я хочу сообщить о том, что мы можем снять приоритет с проекта "Тихий Лес". Хотелось бы сказать, что мы смогли усмирить аномалию, но боюсь что проблема решилась без нашего участия и вне нашего понимания. Вчера, в ночи, меня подняли звонком из полевого штаба.

Мне сообщили невероятное: чаща стала стремительно отступать, освобождая ранее завоёванное пространство с невиданной скоростью. Деревья просто постепенно растворялись, возвращая местности былой вид. Поначалу я выдвинула предположение, что это может быть лишь прелюдией к ещё более быстрому расширению и мобилизовала ресурсы, чтобы быть готовыми к любым последствиям. Однако, даже к полудню сокращение аномальной площади не прекращается.

Оно и сейчас идёт полным ходом. Но причина моего письма вовсе не в этом. Всё же, изменение статуса аномалии не требует срочного принятия каких-либо мер, особенно когда мы точно не знаем причины этого "изменения" и пока не можем подтвердить его стабильность.

В общем, мы были шокированы, когда увидели, как кто-то выходит из чащи. Это был крайне истощённый и болезненный гуманоид, который еле плёлся в сторону нашего наблюдательного пункта. Пусть я повела себя несколько глупо, но я вышла ему на встречу, не веря, что такое вообще возможно: покинуть горизонт событий. Он рухнул в мои объятия, лишённый каких бы то ни было сил.

Мы сразу же поместили его под карантин в полевом медблоке, чтобы изучить чужака и помочь ему реабилитироваться. Пока он не пришёл в себя, но я уже дала кодовое имя проекту: "Охотник из чащи". При субъекте не было никаких аномальных предметов, а сам он был без одежды. Единственное, что он нёс в зажатом до крови кулаке — золотую монету с пустыми сторонами. Она была отправлена на экспертизу для дальнейшего изучения.

Кроме того, судя по внешним признакам этого существа, оно будет интересно для "коекого", гостящего у нас с недавних пор. Возможно, это именно тот, которого она ищет. Так что предлагаю пригласить её в наш полевой лагерь. Возможно, мы даже сможем избавиться от груза этой "проблемы".

Напишите мне, как только примите решение.

С уважением,

Джинни "Оливия" Догма